ПИОНЕР

АВГУСТ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1960 ГОД 8

Лежат на берегу моря мальчишки с мыса Пицунда.

Мечтают мальчишки... Мечтают о море, о громадах кораблей, о капитанском мостике.

Еще недавно о Пицунде знали немногие, разве специалисты-ботаники. Здесь сохранилась тысячелетняя сосновая роща третичного периода.

Пицунда сегодня — это лес строительных кранов. К концу семилетки здесь будет построен великолепный курорт.

Мечтают мальчишки. Глаз не спускают с моря! И вдруг мысль: «А может быть, архитектором стать?»

Тоже романтичная профессия.

Фото Б. Азарова.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА.

Год издания 37-й

Слушай, пионер!

Подходит первое сентября. Весь твой отряд соберется в этот день у входа в школу.

Но бывает, что какой-то чудак подумает: «Пять классов — вполне приличное образование» — и бросит школу недоучкой. А бывает, что он ни о чем не думает — просто прогуливает.

Редко, но случается и такое, что мальчика или девочку почему-то не пускают на занятия родители.

Надежда Константиновна Крупская говорила: «Наша задача — посмотреть во все уголки, нет ли таких ребят, которые в школу не ходят...».

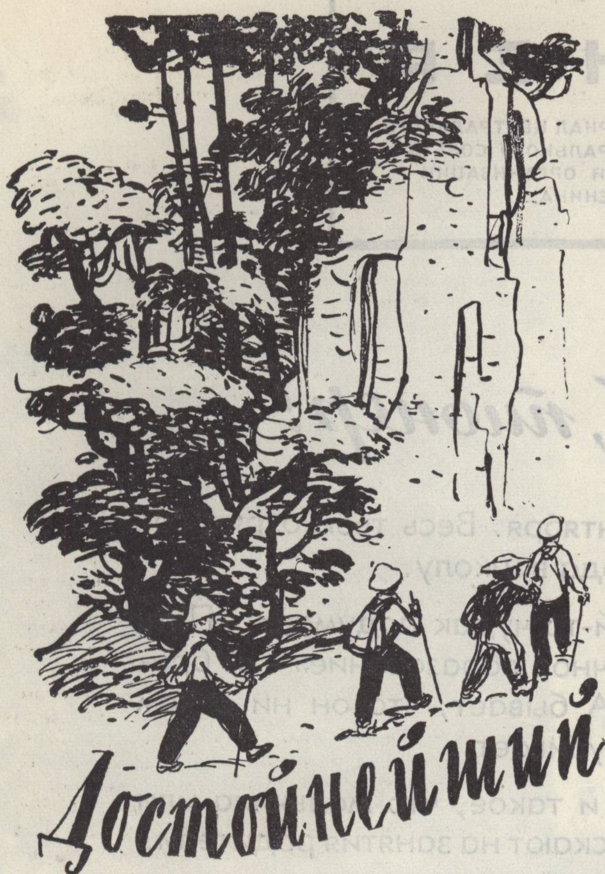
Если ваш товарищ не пришел в школу, надо разыскать его, поговорить с ним, добиться, чтобы он вернулся за парту. Может, придется сходить к его родителям, а может быть, даже в райком комсомола, но надо обязательно добиться своего.

ПОМНИТЕ: ПЕРВОГО СЕНТЯБРЯ ВСЕ РЕБЯТА ДО ОДНОГО ДОЛЖНЫ ВЗЯТЬСЯ ЗА КНИГИ!

Август

издательство № 8 „ПРАВДА“

1960

Достойнейший

РАССКАЗ

М. БРЕМЕНЕР **Рисунки Ф. Лемкуля.**

I

Я был учеником шестого класса и членом исторического кружка. Быть учеником шестого класса мне полагалось по возрасту, поэтому гордиться тут было нечем. А тем, что занимаюсь в историческом кружке, я гордился по праву. Вся школа знала, что членом его может состоять лишь тот, кто «пытлив и деятелен в одно и то же время», как говорил наш руководитель Прокофий Семенович.

По-видимому, я удовлетворял требованию Прокофия Семеновича. Я постоянно помнил об этом. Мне казалось, что все ребята также об этом помнят. Когда я шел по коридору в класс мимо секретничающих о чем-то девочек, мне слышалось, будто они шепчут вслед: «Это Миша из шестого «Б». Вот парень! Пытлив и деятелен...»

И я окидывал незнакомых девочек и мальчиков пронзительно-проницательным взглядом и удалялся энергичной пружинистой походкой, как подобало, по моему мнению, исследователю и путешественнику.

Впрочем, путешественником мне только еще предстояло стать. Через две с половиной недели я впервые в жизни должен был отправиться в поход. Мы собирались поездом доехать до Керчи, морем добраться до Феодосии, из Феодосии на автобусе прикатить в Ялту, затем пешком пройти по Южному берегу Крыма...

Вообще говоря, в ту пору мы грезили полярными экспедициями.

Четвероклассниками, мы каждый день читали в газетах прежде всего о Папанине, Кренкеле, Ширшове и Федорове, которые первыми высадились на Северном полюсе и дрейфовали на льдине долгие месяцы.

Еще раньше — мы не читали тогда газет, но это было на нашей памяти — полярные летчики спасали героев, оказавшихся на ломкой льдине, после того, как «Челюскин», сжатый тяжелыми торосами Ледовитого океана, потерпел аварию.

Наконец, совсем недавно, не на шутку взволнованные, мы следили за дрейфом «Седова», вмерзшего во льды.

Мы гордились нашими полярными исследователями и тревожились за них. Сейчас даже кажется, что гордились и тревожились все детство напролет, беспрестанно, не зная пауз...

Прокофий Семенович первым объяснил нам, что исследователем можно быть не только на Севере. В течение зимы мы до мелких подробностей разработали с ним будущий маршрут.

Так поступал всегда Прокофий Семенович: зимою он с кружковцами пускался в воображаемое путешествие, а летом по тому же маршруту, знакомому по книгам и картам, отправлялся уже в настоящее путешествие. И вот от этого настоящего путешествия, путешествия наяву, меня отделяли лишь две недели, которые, однако, казались мне тогда толщей времени.

Дело в том, что за две недели нужно было сдать экзамены. А тот, кто получил бы на каком-нибудь экзамене «посредственно», путешественником стать не мог. Так уж было у нас заведено. Отбирали, по выражению Прокофия Семеновича, «достойнейших из достойных».

Я жгуче, прямо-таки изнурительно желал стать достойнейшим. Желание это стучало мне в сердце даже во сне. Я не отдыхал от него ни часа в сутки. Каждый экзамен я сдавал один раз наяву и, наверно, трижды во сне. Наяву учителя ставили мне «отлично», а во сне — «очень плохо». Память моя хранила «провалы» во сне наравне с дневными достижениями, и, сдав три экзамена, я выглядел так, точно сдал их уже десяток.

Последним экзаменом была алгебра. Я знал алгебру. Математик ставил мне в течение года то «хорошо», то «отлично», укоряя только за то, что я несколько рассеян. Сейчас он встретил нас в дверях класса спокойной улыбкой. Мы расселись по партам. На доске, разделенной надвое белой чертой, безукоризненными, как в букваре, буквами были выписаны условия двух задач.

Я прочитал задачу на левой стороне доски. Впрочем, неверно сказать, «прочитал»: читают от начала до конца. А тут пять меловых строчек разом оттиснулись в моем сознании, как тотчас отражается в зеркале предмет, поставленный перед ним. И мгновенно же я понял, что задача очень легкая! Настолько легкая, что я мигом согрелся (минуту назад я покрылся гуси-

ной кожей от прикосновения к холодной крышке парты). Настолько, что не стоило спешить (десять раз решить успею). Ощущая полное и блаженное спокойствие, я даже поинтересовался задачей справа, которую не мне предстояло решать. И она тоже была простая. Значит, всем хорошо!

Неторопливо оглядевшись по сторонам, я придвинул к себе листок бумаги. Собственно, можно бы решить задачу сразу набело. Но полагается сперва написать черновик. Что ж, решим сначала на черновике. Все равно время девать некуда... Так, первый вопрос, второй, третий, четвертый... Я растягивал время, чтоб не решить чересчур быстро. К чему выскакивать первым? А потому, отрываясь от листка бумаги, я смотрел то в окно — скучающе, то на учителя и ассистента — спокойно и независимо, то на глубоко задумавшихся товарищей — жалеючи и чуть свысока. Потом мне надоело вдруг канителить: меня потянуло на улицу, где солнце, где счастливцы уже стучат волейбольным мячом, где меня встретят поздравлениями,— семиклассник! И я, не делая больше пауз, применил формулу, начал решать, решил буквенно, принялся за вычисления... Вот тут-то, когда я стал вычислять, моя уверенность не то чтобы исчезла, а перестала быть безоблачной. Дело в том, что цифры как-то неохотно делились. Говоря точнее, они были неподатливы. Когда я нажимал, они дробились. У меня на каждом шагу получались дроби с четырехзначными цифрами в числителе и в знаменателе. Это было странно. Как если бы человек желал расколоть свои поленца надвое, а раскалывал их всякий раз в бесчисленные щепки.

Впрочем, все еще могло окончиться хорошо. Лишь бы получилось в результате целое число, пусть с небольшой дробью. Произвел последнее действие, и вот передо мною ответ: громоздкая дробь, целые строчки цифр внизу и наверху. Таких ответов на школьные, тем более экзаменационные задачи не бывает!

Не бывает! У меня быстро заколотилось сердце и суматошно, бестолково заметалась из стороны в сторону мысль. Но я взял себя в руки и стал медленно, нарочито медленно снова обдумывать задачу. И, ища ошибку в подсчетах, словно бы со стороны прислушивался к двум скоростям в себе самом: к медленному подвластному мне движению мысли и ничуть не затихающему биению сердца... Но вот подсчеты проверены все, и ошибки в них нет. Значит, напутал я не в подсчетах. В самом решении?.. Неужели это так?

Заставляю себя снова от начала до конца прочитать задачу, как будто такую ясную. И после того, как в очередной раз я перечитываю знакомые строчки, меня осеняет! Нет, я не обнаруживаю в задаче какой-либо сложности, раньше ускользавшей от внимания. Ничего подобного! Просто я вижу, что применил не ту формулу, которую — теперь вспоминаю! — решил применить, едва прочитав на доске задачу. Думал про одну формулу, а на бумаге написал другую... Угораздило! Придется начинать все с самого начала.

У меня еще оставалось время, чтобы сделать все наново.

Но тут открылось самое ужасное: я позабыл нужную формулу. Это было настолько невероятно, что я испугался: может, вообще потерял память? Может быть, я вообще ничего и ни о чем больше не знаю?.. Я стал лихорадочно рыться в памяти, как человек, обнаруживший одну пропажу, бросается проверять, на месте ли прочие ценные вещи. Что же оказалось? Перескакивая с предмета на предмет, я убедился, что помню даты Пунических войн, закон Архимеда, годы рождения и смерти Пушкина, теорему о треугольниках и строение лютика, представителя семейства лютиковых. Немного успокоенный, я продолжал себя экзаменовать и установил, что помню также ход битвы при Каннах, длину Миссисипи с притоком Миссури, стихотворение на немецком языке под названием «Wir bauen», формы и степени глаголов и даже четверостишие, напечатанное петитом в учебнике геометрии и помогающее заучить величину «пи» с точностью до одной миллионной. Словом, в хранилище памяти было множество необходимых, но совершенно бесполезных в ту минуту сведений...

А формула?.. Ведь в последние дни я, страница за страницей, повторял все пройденное за год. И сейчас, перелистывая мысленно учебник, быстро нашел страницу, где была забытая формула. Я видел эту страницу, как если б она лежала передо мной: с чертежиком в верхнем углу, с типографским пятном внизу, с присохшим желтым лепестком, заложенным сюда прежним владельцем «Алгебры». Лепесток прикрывал первые буквы слов «абсцисса» и «следовательно»... Ну как же я мог забыть формулу, что была рядом?

Череду моих мыслей оборвал шум: мальчик и девочка одновременно вышли из-за парт и по двум проходам двинулись к столу учителя, неся перед собой чуть шелестящие сдвоенные тетрадные листки. Так же одновременно, как встали с мест, они протянули учителю — справа и слева — свои работы. Это были отличники. Сказав «до свидания», они вышли из класса. У меня упало сердце. Два человека уже закончили работу, а я еще не начинал. И не могу начать. И буду еще полчаса бесцельно сидеть за партой и смотреть, как ребята один за другим сдадут работы, как постепенно опустеет класс. Тогда я подойду к математику и скажу, что не решил задачу. А до того на моих глазах все ребята покинут класс, аккуратно прикроют за собой двери, выбегут во двор, и нас разделит рубеж, который они взяли, я — нет...

Прошло еще пять минут, еще двое ребят покинули класс, и я подумал: «Сейчас тоже уйду. Сдам листочки с неправильным решением и уйду. Не могу больше сидеть здесь». Но только я собрался это сделать, как к столу учителя прошли цепочкой трое ребят, третий на секунду замешкался возле моей парты, и на коленях у меня очутился тетрадный листок. Взглянул — на нем было решение задачи!

Так в одно мгновение все счастливо переменилось. Времени у меня, правда, оставалось мало, но писать быстро, аккуратно и не суетясь, я умел.

Я сдал работу в числе последних, спустя два дня уже знал, что мне поставили «отлично», а спустя четыре дня вместе с Прокофием Семеновичем и десятью членами кружка выехал поездом в Крым.

II

И только в поезде я узнал, что Саша Тростянский с нами не едет, он не будет участвовать в путешествии по Южному берегу.

О том, что не все члены кружка едут в Крым, было известно еще до отъезда. Достойнейших, а не просто достойных отбирали в путешественники, между прочим, и потому, что денег, ассигнованных школой и районным Домом пионеров, безусловно, не хватило бы на большую группу. Это ни для кого не было тай-

ной. Но то, что ни в одном из трех купе, занятых нами, не оказалось Саши Тростянского, меня очень удивило. Его участие в путешествии как-то само собой разумелось.

Саша Тростянский не был моим другом. Но я относился к нему с большим любопытством и уважением.

Только за последний год Саша сам собрал радиоприемник и фотоувеличитель (я же не был силен в технике). Впрочем, даже не это внушало мне к нему уважение, другое: Саша не придавал своим достижениям никакого значения. Он не делал из них никакого события. Тростянский и лепил хорошо, даже, мне тогда казалось, очень хорошо, однако ему в голову не приходило показать свои пластилиновые фигурки в Доме пионеров, где с ребятами занимался настоящий скульптор. Когда я посоветовал ему это, он сказал:

— Там, наверно, ребята лучше меня лепят. Я ж просто так... Что тут такого!..

Лишь свое увлечение историей он, должно быть, считал серьезным, потому что вступил в кружок и изредка советовался о чем-либо с Прокофием Семеновичем. В таких случаях они прохаживались, бывало, по коридору, причем оба держали руки за спиной и оба слегка горбились.

Саша не робел перед Прокофием Семеновичем. Вообще же он был необыкновенно застенчив. Когда его вызывали отвечать и он знал урок, то, едва став лицом к притихшему, ожидающему классу, сразу так смущался, что половина знаний вылетала у него из головы. Учителя поэтому спрашивали его иногда после уроков, в пустом классе. В таких случаях он отвечал на «отлично». А в других случаях получал «хорошо», реже — «посредственно», и, пока он запинался и мямлил, я чувствовал над ним превосходство: даже выучив урок кое-как, я сумел бы ответить лучше...

— Прокофий Семенович, почему Саша Тростянский не поехал? — спросил я у нашего руководителя, который наливал себе в ту минуту чай из маленького дорожного термоса.

— Саша? Он получил на испытаниях две четверки. Конечно, на устных испытаниях.— Прокофий Семенович прихлебнул из кружечки.— Ну, и, как говорится, не прошел по конкурсу... Очень жаль!

— А если б я, допустим, получил на каком-нибудь испытании «плохо», тогда он поехал бы?

— Если б ты получил двойку? — повторил Прокофий Семенович неторопливо. Я с волнением ждал его ответа.— Да, в этом случае, вероятно, Саша был бы сейчас на твоем месте. Но так как здесь все-таки ты, а не он, возьми, Михаил, у старосты листок бумаги и напиши кратко, чем в первую голову тебя привлекает путешествие. Пусть об этом, Георгий, каждый напишет,— сказал Прокофий Семенович нашему старосте Жоре Масленникову.— Мы потом все листки вклеим в коллективный дневник.

Жора дал мне листок, я положил его на книжку, прикоснулся к нему отточенным карандашом, но не вывел и первой буквы: задумался...

На устных испытаниях Саша Тростянский отвечал не при мне, но я легко и сразу представил себе, как это было. Он стоял перед столом, за которым сидели экзаменатор, ассистент, а может быть, еще завуч или директор, и просто изнемогал от смущения; замолкал после каждого слова с таким видом, точно прислушивался, отзывается ли эхо. Он отвечал верно, но медленно, не очень подробно,— в таких случаях как раз и ставят «хорошо». Ему поставили «хорошо», и он с нами не едет. Нет, неправда, не из-за этого... Из-за меня, из-за моего «отлично», полученного благодаря шпаргалке,— вот из-за чего!

Вагон покачивало, и кончик карандаша сам скользил по бумаге, вычерчивая тоненькую кривую. Мне вспомнилось, как Саша Тростянский объяснял, почему, отвечая урок, скупится на подробности: «Ведь неудобно перед учителем — он же это все без меня прекрасно знает, скучно же ему, должно быть, когда я рассказываю...»

Сам я, отвечая, никогда не думал, интересно ли в это время учителю. Я стремился отвечать как можно лучше — и все. То, что учитель выслушивает одно и то же, быть может, в тысячный раз, даже не приходило мне в голову. И никому другому тоже. Одного только Сашу могло это смутить...

— Ты чего же не пишешь? — спросил меня Жора Масленников.— Не знаешь, что? Вот прочти для примера.— Он протянул мне веером несколько листков.

Я прочел:

«Меня больше всего радует то, что, путешествуя, можно будет познакомиться с большим числом исторических памятников времен греческой колонизации Черноморского побережья». Больше ничего. Коротко и определенно. И подпись: Саша Тростянский.

Сашин ответ привел меня в смятение. Я вдруг ясно отдал себе отчет в том, о чем не задумывался ни в последние дни, ни раньше. Меня не интересовали в Крыму памятники времен греческой колонизации. Я мечтал увидеть море, горы, виноградники, кипарисы, пирамидальные тополя. Меня взяли в путешествие, но интересы мои были ничуть не научные. А Саша, которого интересовали следы греческого владычества на Черноморье, остался дома...

И мне стало совсем не по себе.

III

Не могу подобрать других слов: каждый день путешествия был прекрасным и неповторимым. Но это не значит, что мне было очень хорошо в те дни. Это значит только, что я все время ясно себе представлял, как прекрасно было бы Саше на моем месте.

Мало сказать, что мысленно я легко и поминутно ставил его на свое место. Буквально на все я смотрел сначала своими глазами, а затем — не желая того, против воли — Сашиными глазами. Во всяком случае, я десятки раз чутко и мгновенно угадывал: здесь ему было бы очень интересно. Мне почти неинтересно, а его бы отсюда не вытащить!..

Когда я в первый раз вошел в море (это было в Керчи), почувствовал под ногами гладкое песчаное дно и окунулся в теплую, плотную, голубую воду, я завопил от радости, какой еще не испытывал, но тут же подумал: «А ведь это заслужил Саша...»

На склоне горы Митридат, где находилась, по всей вероятности, свалка древнего города, я вместе с другими ребятами рылся в черепках и обломках. Никто из нас никогда не видел такой огромной свалки, и не удивительно: в течение двух с половиной тысяч лет сюда свозили весь хлам со всей Пантикапеи! Там я нашел красный осколок амфоры с изображением черной головы козленка, перехватил завидующий взгляд Жоры Масленникова и сейчас же подумал о том, как порадовала бы Сашу эта находка, к которой я довольно равнодушен...

Когда в Камыш-Буруне, на месте раскопок древне-

греческой колонии Тиритаки, Прокофий Семенович рассказывал нам о рыбном промысле колонистов, я опять вспоминал Сашу. Он фотографировал бы цементные рыбозасолочные ванны, так хорошо сохранившиеся в течение двух тысячелетий, и гончарную печь рядом с ними.

Конечно, и мне было любопытно узнать, как производился засол рыбы в античной древности. Но мне это было только любопытно, а ему нужно. И его вряд ли беспокоило бы, как меня, что, задерживаясь возле древней винодельни, мы уже не успеем, наверно, сегодня выкупаться до ужина...

Да, я лишил Сашу не только многих приятных минут. Я понимал это и желал, чтоб у нашей туристской группы появились какие-нибудь невзгоды. Если уж мне досталось то, что причиталось другому, пусть это будут не одни удовольствия и открытия незнаемого, пусть будут и тяготы!..

Но невзгод и тягот не выпадало на нашу долю. И так же неотступно, как месяц назад мечтал о путешествии, я мечтал теперь о них. О пеших переходах под проливным дождем или палящим солнцем. О ночевках на скально-твердой земле. Но дни были ясными, пешие переходы — недолгими, и спали мы в постелях. Правда, случалось, что мы уставали за день, однако, честно говоря, это бывала приятная усталость. Старшие нас берегли.

IV

Мое беспокойство увеличивалось еще по одной причине: на неожиданные вопросы, которые нам изредка задавал Прокофий Семенович, я всякий раз отвечал не так, как хотел бы, как было бы приятно ответить, как подобало бы, наконец.

В самом начале путешествия наш руководитель очень переменился.

Московский Прокофий Семенович был черноволос, белозуб, не сутул, а, скорее, строен, но казался все-таки старым. Кожа на его лице была желтоватой, слегка обвисшей, и белые зубы, черные волосы только подчеркивали, делали заметнее изношенность лица. Точно так же, как твердость крахмального воротничка подчеркивала дряхлость шеи Прокофия Семеновича, а твердость белых манжет — желтизну и вялость его рук. Говорил он тихим, неизменно усталым голосом.

В Керчи я увидел совсем иного Прокофия Семеновича, ничем и ничуть не похожего на прежнего.

Кожа на его лице стала не желтоватой, а коричневой от загара. Шея, охваченная свободным воротником апаша, оказалась крепкой. Он ходил в черных сатиновых шароварах, стянутых в талии резинкой, и с плоской флягой на боку. (Надев через плечо флягу на узеньком ремешке, он подтягивался, точно пристегнув портупею.) Говорил наш руководитель звучным и порой даже задиристым голосом.

Этим голосом он как раз и задавал нам свои неожиданные вопросы.

— Вы видите тень облачка на вершине этого тополя? — спрашивал Прокофий Семенович, когда мы шли к морю через городской сад.

Все добросовестно всматривались, замедляя шаги.

— Неужели вы не видите эту чуть сиреневатую тень... на самой вершине?.. — повторял он нетерпеливо.

Тут двое-трое ребят замечали наконец тень:

— Да, действительно, вот.

Другие молчали, но молчание их можно было понять так: «И мы заметили, но что ж об этом объявлять с опозданием». Только я, как ни задирал голову, не мог узреть на верхушке тополя ничего и с грустью сообщал об этом во всеуслышание...

— Вам не случалось видеть тень земного шара? — вскользь спрашивал Прокофий Семенович в другой раз, когда перед заходом солнца мы взобрались на Митридат.

Никто не отвечал утвердительно. Все были слегка ошеломлены.

— А когда и где ее можно видеть? — осведомился Жора Масленников, который во всех случаях был прежде всего пытливым человеком.

— В степи или в поле. Обыкновенно в августе. В предзакатный час на низких облаках вы замечаете вдруг огромную круглую тень. Это очень красиво. Пожалуй, величественнее, чем радуга. Никто не видел?.. Даже не слыхали, может быть?!.

Те ребята, что первыми заметили на вершине тополя тень облачка, вспомнили, что в самом деле был случай, видели на облаках огромную круглую тень. Но они не знали тогда, что ее отбрасывает наша планета.

Другие ребята вспомнили, что о таком явлении где-то читали.

Я же просто не слыхивал раньше о зрелище «более величественном, чем радуга», и, страдая, признался в этом.

«Вероятно, Саша наблюдал это зрелище,— подумал я.— Возможно, он даже мог бы сейчас к словам Прокофия Семеновича что-нибудь добавить. Будь он на моем месте...»

В этот миг я почувствовал взгляд Прокофия Семеновича. С минуту он смотрел на меня — заинтересованно и так, точно уверен был, что его интерес останется незамеченным, очень загадочно, мне показалось.

V

И вдруг мысли о Саше отступили на второй план. Именно вдруг.

Накануне Оля Бойко была для меня всего лишь одной из участниц путешествия. В школе она была старше меня на класс. Мы встречались только на занятиях кружка. Олю считали умной девочкой, меня — развитым мальчиком. Вероятно, нас считали также «пытливыми и деятельными». Зимою на сборе кружка она выступила с докладом о положении женщин и детей в античной Греции.

Из гекзаметров поэта древности, нагонявших на меня тоску и сон, даже если я принимался за чтение утром, Оля извлекла множество очень конкретных

сведений, на основании которых делала категорические выводы. При Агамемноне и Менелае не было детских садов, консультаций и яслей. Охрана материнства и младенчества была поставлена плохо...

Забывалось, что Оля опирается на «Илиаду». Казалось, пожалуй, что она побывала в Древней Элладе с делегацией Красного Креста и Красного Полумесяца.

Об этом сказал Прокофий Семенович — и в похвалу и в порицание.

— Оля основательно потрудилась,—заключил он,— но забыла, что поэтическое произведение для историка — источник особого рода.

После этого Оля еще немного поработала, и у нее получился уже совсем толковый доклад.

Итак, Оля Бойко была мне совершенно безразлична, когда наступила наша с нею очередь написать несколько страничек в коллективный дневник путешествия.

В тот вечер все мы сели на пароход, чтобы морем добраться до Феодосии. Ребята обосновались на палубе, причем успели занять скамейки на носу, а мы с Олей пошли в небольшой душноватый салон записывать впечатления дня.

— Ты будешь диктовать, а я писать, ладно? — предложила она.— Так будет быстрее.

Мы сели друг против друга за столик с крышкой в шахматную клетку, и тут я впервые разглядел Олю. Лицо ее показалось мне вдруг необыкновенно милым. Она обмакнула перо в чернильницу-невыливайку, принесенную с собой, и деловитым жестом откинула за спину длинную косу. Потом она склонилась над чистой страницей толстой тетради, а коса ее, перевалившись через плечо, снова оказалась спереди. Оля опять чуть досадливым движением откинула ее за спину...

— Что ты так смотришь? — спросила она, подняв голову.— Ну, диктуй. Хочешь, просмотри записи за прошлые дни. На!

Я взял дневник путешествия, но, листая его, продолжал украдкой глядеть на Олю...

— «Этот день, как и предыдущие, был богат новыми, яркими впечатлениями»,— продиктовал я наконец, слегка видоизменив позавчерашнюю начальную фразу Жоры Масленникова. Оля записала это прекрасным, слегка наклонным почерком.

Больше я не мог диктовать. Я не в силах был вспомнить, чем ознаменовался прошедший день. Я мечтал, бессвязно и одержимо.

Одна Оля сидела передо мной, задумчиво обводя чернилами заглавную букву, а другая вселилась в мое будущее. Разумеется, она становилась свидетельницей моих успехов.

...Прокофий Семенович хвалил меня за доклад (я не знал, о чем будет этот доклад), а Оля сидела рядом со мною.

...На большом собрании меня выдвинули в учком (воображение мое работало быстро), и Оля Бойко при том присутствовала.

...Учитель литературы вслух читал мое сочинение (неважно, на какую тему), а Оля с удовольствием слушала. (Чтобы это было возможно — ведь я был младше Оли на класс,— я поспешно придумал, что за будущее лето «перепрыгну» через класс и окажусь с Олей на одной парте.)

...На моем дне рождения Оля долго со мной танцевала (пока что я не умел танцевать, но научиться очень просто). Мы медленно кружились, и она снизу преданно глядела мне в глаза (сейчас Оля немного выше меня, но года за два я, конечно, перерасту ее).

— Что же ты? — спросила Оля.— Надо ведь написать хоть страничку, а у нас всего полторы строчки. Диктуй,— сказала она нетерпеливо.— Или хочешь, ты опишешь первую половину дня, я — вторую? Так у нас получится быстрее.

Значит, она по-прежнему желала одного: поскорее уйти из салона на палубу!

Что ж!.. Недавно и я думал о том, чтоб, сделав запись в дневнике, немедля вернуться на палубу. Но как много произошло для меня за последние десять минут! А для Оли не произошло ничего...

— Ты опиши полдня, до обеда,— снова сказала она, должно быть, неуверенная, что я как следует понял.— Дальше уже я сама.

Я кивнул, продолжая на нее глядеть.

— Что ты так смотришь? — спросила Оля, на этот раз слегка обеспокоенно.— И глаза у тебя отчего-то грустные... Хотя карие очень часто кажутся печальными, цвет такой,— пояснила она раньше, чем я что-либо ответил. И улыбнулась.

Потом я сидел, склонясь над листком бумаги, и без успеха силился вспомнить, что мы делали и где были в первую половину дня...

В тот вечер — впервые за время путешествия — я ни разу не ставил мысленно Сашу на свое место. Может быть, оттого, что слова Оли о моих глазах не могли бы относиться ни к кому другому.

Вообще, когда Оля оказывалась рядом, в голове у меня вспыхивала, вытесняя все другие, одна мысль: стоит поднять глаза (повернуть голову), и я ее увижу.

Но чаще всего я не поднимал глаз и не поворачивал головы. Я боялся, что ребята будут подтрунивать и усмехаться. У всех было очень веселое настроение. За такой повод, конечно, ухватились бы. (Жора Масленников уже один раз подмигнул мне, кивая на Олю.) Мне нельзя было выдавать себя. Почему-то я твердо знал наперед, что буду совершенно беззащитен перед шутниками...

И тут настали лучшие дни путешествия.

Началось с того, что Прокофий Семенович разбил очки. Он разбил их о скалу, на которой раздевался перед купанием, и ахнул:

— Беда!

Мы подбежали к нему.

— Теперь скорее на поиски оптика!

Даже не выкупавшись, Прокофий Семенович торопливо оделся, и мы поспешили в Ялту.

Однако ялтинский оптик не брался изготовить очки.

— Слишком сложный рецепт...

Тогда Прокофий Семенович позвонил по телефону в Москву, своей жене. Та пообещала немедля выслать ему запасную пару бандеролью или с оказией. Но пока что наш руководитель видел, по его словам, не дальше собственного носа.

— В поводыре я, конечно, не нуждаюсь,— сказал он,— однако пара надежных молодых глаз мне до прибытия очков просто необходима. Михаил! — Он обнял меня за плечи.— Не откажешься?.. Послужат твои глаза нам обоим? Ну, тогда будешь эти дни возле меня. Не безотлучно, разумеется, этого не требуется, но все-таки большую часть времени. Согласен?

Еще бы!

Я был необычайно изумлен и горд тем, что выбор Прокофия Семеновича пал на меня. Ребята прямо рты раскрыли от неожиданности.

Ведь я не различал сиреневатой тени облачка на вершине тополя.

Я никогда не видел круглой тени земного шара на облаках в предзакатный час.

С холма Дарсан, господствующего над Ялтой, мой взгляд не достигал судов, причаливающих к Ливадийскому пирсу. (Мы установили это не далее, как вчера.)

И все-таки моими глазами предпочел Прокофий Семенович глядеть на мир, лишившись очков!

Но почему?..

Я спросил. И наш руководитель мне ответил:

— Я предпочитаю глаза, которые видят только то, что действительно видят,— хорошее зрение, не поддающееся внушениям. Словом, глаза, которым не мнятся миражи.

— Так тени облачка на верхушке тополя... не было?! — догадался я.

— Не было? — прищурился Прокофий Семенович.— Ну почему же? Была. Но секунду, не больше. Потом исчезла — облачко проплыло. И тут ее кое-какие наблюдатели разглядели...

«Кое-какие наблюдатели» потупились.

Я совсем осмелел:

— Может, и тени земного шара никто никогда не видел?

— Никто и никогда? Это слишком сильно сказано. Один путешественник описал то, о чем я рассказал вам, в своих воспоминаниях, очень красочных, кстати. Но он имел обыкновение кое-что прибавлять, попросту привирать. Так что... И кроме того, его наблюдения относились не к тому полушарию, в котором обитаем мы с вами.

Быть глазами Прокофия Семеновича мне очень нравилось. По его просьбе я часто смотрел на то, на что сам не обращал и не обратил бы внимания. По нескольку раз в день он спрашивал меня, какого цвета море и небо; листва на конском каштане; иглы на итальянской сосне; водоросли на прибрежном камне.

Я научился различать оттенки цветов и узнал, что эти оттенки имеют название. Мой словарь обогатился прилагательными «ультрамариновый», «бирюзовый», «лазурный». Мне нравилось щеголять ими...

Тоже часто Прокофий Семенович поручал мне взглянуть на кого-либо из ребят. То на Жору Масленникова, не бледен ли он (Жора поднимался по утрам раньше всех, а засыпал поздно), то на девочек, не превращают ли они загар в самоцель, не шелушатся ли у них по этой причине плечи и носы...

Носы шелушились почти у всех, и строгим голосом я просил девочек «знать меру».

Но самое главное, став «глазами» Прокофия Семеновича, я мог сколько угодно смотреть на Олю Бойко. И когда Оля один раз спросила: «Что ты так смотришь?..» — я, не смутившись, ответил:

— По поручению Прокофия Семеновича.

По-видимому, Оля мне поверила. Это было хорошо. Неприятно было только то, что, по-видимому, она считала меня совсем маленьким. Во всяком случае, как-то вечером на сборе туристической группы Оля Бойко заботливо сказала:

— Мы забываем, ребята, что для младших участников путешествие утомительнее, чем для нас. Ведь ребятам такого возраста, как, например, Михаил, надо спать на целый час больше, чем Жоре или мне.

Если не считать этих слов Оли, то за дни, что я был «глазами» Прокофия Семеновича, мне не пришлось пережить неприятных моментов.

Но вот нашему руководителю прислали очки. К нему вернулось зрение,— разумеется, это сразу стало всем известно, а я не сразу отвык смотреть на Олю сколько вздумается. И буквально через два часа после того, как была получена бандероль с очками, Оля Бойко внезапно спросила меня:

— А сейчас ты тоже глядишь на меня «по поручению Прокофия Семеновича»?

— Сейчас нет...— Я не знал, куда деваться.

— Неужели «сейчас нет»? Да что ты! Думаешь, я не знала, что и раньше ты тоже не поручение выполнял? — Последнюю фразу Оля произнесла, слегка понизив голос.

— Да я вовсе... Да тебе Прокофий Семенович подтвердит...

— Перестань! — Оля махнула на меня рукой.

Мы шли по узенькой гурзуфской уличке. Так как Оля замедлила шаг, другие ребята оказались далеко впереди нас.

— Перестань,— повторила Оля мягко.— Не надо притворяться. Ведь в тебе самое лучшее... В общем, как раз то и нравится (она не сказала «мне нравится»), что ты ничего не умеешь скрыть. У тебя же все на лице написано. Ты же весь как на ладони!

— Далеко не все написано. Далеко не весь на ладони,— отвечал я самым интригующим тоном, на какой только был способен.

Я был в восторге от того, что чем-то нравлюсь Оле Бойко. И вместе с тем я не желал быть человеком, лишенным всякой таинственности.

— Так у тебя есть секреты!..— воскликнула Оля, понизив голос, отчего ее восклицание особенно меня взволновало.— Ты мне откроешь, да?..

И так захотелось доказать, что на лице у меня написано не все; так захотелось вдруг открыться девочке, говорившей со мной ласковым полушепотом, что я взял и рассказал ей обо всем, что тяготило меня с первого дня путешествия.

Я подчеркнул, что выдержал экзамен лишь благодаря шпаргалке, что именно из-за меня не поехал в Крым Саша Тростянский.

Я был беспощаден к себе и даже преувеличивал. Утверждая, что у меня нет к путешествию научного интереса, а у Саши он был, я сказал, будто оставался равнодушным, когда мы осматривали царский курган. Это было уже чересчур.

— И у тебя не замерло сердце, когда мы вошли в дромос[1]? — поразилась Оля.

— Нет!

Да, я себя не пожалел. Но и Оля меня не пожалела.

[1] Дромос — сводчатый коридор, ведущий в толос — помещение, где погребен покойный.

— Я знаю, что ты должен сделать,— живо сообразила она.— Тебе сразу станет легче.

— Что? Отчего станет легче? — спросил я с надеждой.

— Оттого, что ты во всем признаешься Прокофию Семеновичу.

— Ты думаешь, от этого станет легче? — спросил я с некоторым разочарованием.

— Безусловно,— твердо ответила Оля,— я об этом только недавно читала.

Несомненно, я почувствовал бы себя увереннее, если б Оля сослалась не на прочитанное, а на пережитое. Но, может быть, ей просто не случалось совершать проступки?..

— Хорошо,— решился я,— завтра расскажу Прокофию Семеновичу.

— Сегодня, Миша,— настойчиво сказала Оля. Возможно, она где-то читала, что признания в провинностях не следует откладывать на завтра.— И ляжешь спать уже с легким сердцем.

Чем-то мне не понравился этот разговор. (Должно быть, и тем, что Оля в ответ на мою откровенность лишь отослала меня к другому человеку; и тем, что Олин тон стал под конец чуточку наставительным.) Но Прокофию Семеновичу я все рассказал в тот же вечер.

Наш руководитель выслушал меня и сказал:

— Очень и очень жаль, что Тростянский не поехал. Когда вкус к истории появляется так рано, как у Саши, особенно важно, чтоб человек не одними книгами питался, чтоб он,— Прокофий Семенович пошевелил пальцами, — осязал остатки материальной культуры прошлого. Ощупывал бы, что можно. Поэтому нехорошо, что Саша не поехал. Досадно. Теперь о тебе, Михаил. В этом соревновании перед путешествием, в котором выявлялись достойнейшие из достойных, ты участвовал не вполне честно. И переживаешь. И хорошо, что ты совестлив. Но не казнись теперь — думаю, случившееся поправимо. Будущим летом, коли до той поры доживу, возьму Сашу в путешествие непременно. Досадно, что Тростянский не с нами, и хорошо, что ты совестлив,— повторил он по привычке педагога делать из сказанного краткие выводы.

Как предвидела Оля Бойко, я уснул с легким сердцем.

VI

Последние дни пребывания на юге остались в памяти как совершенно беззаботные. Не помню поводов, по которым мы то и дело смеялись, но помню, что было очень весело. То, что Прокофий Семенович обещал взять Сашу в путешествие будущим летом, меня успокоило, и я включился в общее веселье.

Через несколько дней после нашего возвращения в Москву в школе был устроен вечер, на котором мы рассказывали о путешествии и читали отрывки из коллективного дневника. Послушать нас собралось довольно много ребят, и среди них Саша Тростянский. В перерыве я подошел к нему и сказал, что Прокофий Семенович собирается непременно взять его в путешествие в будущем году.

— Знаю, знаю, спасибо.— Саша признательно закивал.

Оказалось, что Прокофий Семенович уже сам сообщил ему об этом. Но он был рад, что и я спешу сообщить ему добрую весть.

— Знаю, спасибо,—сказал он еще раз.

— Не за что,— ответил я и снова почувствовал неловкость, от которой, казалось, избавился. Впрочем, через минуту это прошло.

И тут меня негромко окликнула Оля.

— Тростянский знает то, в чем ты признался нам с Прокофием Семеновичем? — спросила она, отведя меня в сторону.

Я покачал головой.

— Когда-нибудь узнает.

— Не когда-нибудь, а сегодня же,— возразила Оля с уже знакомой мне непреклонностью.— И ведь ты понимаешь, что будет лучше, если от тебя самого?..

Я понял, что ни обойтись без признания, ни отдалить его мне не удастся.

— Подойди к Тростянскому сейчас,— сказала Оля. И я направился в другой конец школьного зала, где стоял Саша.

Оля следовала за мной на расстоянии двух шагов, но у меня было такое чувство, точно она на глазах у всех ведет меня за ухо...

— Саша,— начал я, набравшись духу,— ты хотел участвовать в путешествии, потому что твои научные интересы...

— Какие научные интересы?..— перебил Саша со смущенной улыбкой.— Просто тянет странствовать — в крови у меня это.— Он по-прежнему улыбался.

— Почему в крови? — спросила Оля с любопытством.

— Не знаешь? У меня дед был странник, бродяга. Где только он не ходил, не кочевал — всюду был.

— Твой дед был бродяга? — удивленно переспросила Оля.

— Родной дед. Папин папа,— подтвердил Саша.— Вот то-то и оно. Чем плохо мне было этим летом в лагере жить?! А тянуло бродить, колесить. Ну, в будущем году...

О том, что Сашин дед исходил некогда чуть ли не пол-России, я знал и раньше, но впервые я слышал, что по этой причине Сашу тянет путешествовать. Впрочем, скорее всего он сказал так из скромности, чтобы я перестал говорить о его научных интересах.

Между тем Оля, сблизив брови, что-то соображала. И раньше, чем я снова раскрыл рот, она потянула меня за рукав.

— Пожалуй, Тростянскому и не надо было участвовать в нашем путешествии,— вдруг сказала она, когда мы отошли от Саши.

— Почему?! — поразился я.

— Да, почему? — присоединился ко мне подошедший Жора.

— Потому что,— отвечала Оля, напряженно припоминая,— бродяг сейчас приучают жить на одном месте. Они не промышляют больше браконьерством, занимаются полезным трудом и ведут оседлую

жизнь. Вот. Я читала. А кто кочевал и попрошайничал, переселяются теперь из кибиток в просторные дома. И должны трудиться.

— Ну и что? И что?.. Что из этого? — несолидно закричал я.

Ведь Саша-то никогда не кочевал и не бездельничал. Он хорошо учился и определенно не промышлял браконьерством. (Более того, Жора сказал, что и Сашин дед тоже не промышлял браконьерством.) Но допустим даже, что Сашины предки были бездельники и браконьеры — разве из-за этого мы изменили бы отношение к Саше?..

Все это мы с Жорой запальчиво и вперебой выложили Оле.

Каждое возражение Жора бросал с такой горячностью, точно врезался очертя голову в неразбериху драки. Но Оля стояла на своем.

— Ты не понимаешь, Масленников,— сказала Оля досадливо. Из нас троих она одна не повышала голоса.

— Не понимаю? Чего не понимаю? — осведомился Жора со свирепой пытливостью.

— А того, что если у человека в крови — он сам сказал! — инстинкт такой — странствовать, значит, его надо научить сидеть на одном месте!

— Выходит, если, допустим, у тебя мечта рисовать, надо у тебя, Бойко, отобрать краски? Так, выходит? — язвительно спросил Жора.

— Все должны оседлыми быть,— упрямо повторила Оля.— И, может, даже на будущий год незачем, ребята, Тростянскому путешествовать,— добавила она озабоченно.— То есть зимою, в воображаемом путешествии, он может участвовать, но...

В это время к нам подбежал сам Саша, которого живо заинтересовало, кто должен быть оседлым и по какой причине его не возьмут в путешествие и в будущем году.

Оля повернулась к нему, готовая, видимо, это растолковать, но Жора взглянул на нее так, что она, как пишут в подобных случаях, прикусила язык. Затем, восклицая: «Нам нужен арбитр. Сашка, это, слово даю, тебя не касается!» — Жора потащил Олю к Прокофию Семеновичу.

Но Прокофий Семенович уже объявлял, что вечер рассказов участников путешествия продолжается. Решение спора откладывалось примерно на час. И это было очень неприятно.

Меня не волновало, что Прокофий Семенович признает Олю правой. Я знал заранее, что он не может ее поддержать. Но нехорошо было, что Оля еще на целый час останется в заблуждении. И волновало, что Оля могла так ошибиться. Как она просто решила Сашину судьбу: в настоящее путешествие не надо ему пускаться, в воображаемое — можно.

Я не сомневался, что Прокофий Семенович сумеет объяснить Оле ее неправоту. Конечно, она поймет, что была неправа, вслух скажет об этом... И все-таки я чувствовал, что уже не буду так смотреть на Олю и так мечтать о ней, как тогда вечером, в салоне пароходика, плывшего из Керчи в Феодосию. Это было лишь две недели назад...

Когда вечер окончился, Прокофий Семенович рассудил наш спор и, как мы ожидали, объявил Оле, что она заблуждается. Не надо смешивать бродяг и путешественников. После года хорошей работы или успешного учения каждый человек вправе провести отпуск или каникулы в путешествии.

Прокофий Семенович снова подтвердил, что в будущем году обязательно возьмет Сашу в путешествие.

И действительно, дело к этому шло. Хотя к новому году Саша учился неровно — по литературе, истории и географии на «отлично», а по другим предметам иногда и на «посредственно» (по выражению педагогов, у него проявились специальные способности),— Прокофий Семенович и наш директор считали, что он достоин принять участие в очередном походе исторического кружка.

В начале июня вопрос решился окончательно.

А 22 июня началась война. И в самые первые дни войны, когда уходил на фронт мой отец, когда заговорили уже об эвакуации детей из Москвы на Восток, когда все, что занимало меня до 22 июня, стало и очень давним и совсем неважным,— в те дни я успел все-таки подумать однажды: «...и путешествие не состоится. Какая жалость!.. Не придется Саше странствовать».

В октябре сорок первого года в интернат на берегу реки Белой, где я оказался к тому времени, пришло письмо от Прокофия Семеновича. До этого я получал письма лишь от мамы. В этих письмах не было ни слова о наших школьных ребятах.

И вот письмо от Прокофия Семеновича, толстое, в настоящем, довоенном еще, наверно, конверте (а мама, как почти все тогда, складывала свои письма треугольниками), с выведенным крупно и твердо словом «Москва» внизу.

Прокофий Семенович писал, что узнал мой адрес у мамы, с которой говорил по телефону, и дальше рассказывал о наших ребятах, «юных историках». Все они, кто раньше, кто чуть позже, пустились в дальние и печальные странствия. Жора Масленников уехал в Новосибирск и живет там у тети. Оля Бойко — в Ташкенте, куда она добиралась эшелоном чуть ли не две недели. Некоторые ребята были эвакуированы не так далеко — в Саратов, в Куйбышев. А Саша Тростянский оказался оседлым москвичом: он не уехал никуда.

«До вчерашнего дня,— писал Прокофий Семенович,— мы с Сашей виделись почти каждый день, так как оба дежурили на крыше школы во время налетов, которые никого в Москве уже не пугают, но мешают выспаться. Только вчера Саша добился в райкоме комсомола того, что его послали на рытье укреплений. Это близко...»

Действительно, укрепления тогда строили под самой Москвой. Весть о том, что в этом участвует Саша, очень взволновала меня. И мое положение пятнадцатилетнего москвича, живущего на всем готовом вдалеке от родного города, к которому приближается Гитлер, показалось мне вдруг неловким, даже стыдным...

А неделей позже до интерната дошел страшный слух: в прифронтовой полосе во время бомбежки убит Саша Тростянский.

Я не хотел тогда верить, что это правда. И не верил до сорок четвертого года, когда уже в Москве, в нашей школе, увидел его фотографию на большом стенде. Фотография была без траурной рамки, но весь стенд посвящался памяти бывших учеников и выпускников, погибших в боях с фашистами... Я смотрел на стенд и медленно понимал, что Саша уже не просто прошлое школы, он—ее история. Было странно и больно. И еще горько, потому что за короткую жизнь он увидел меньше, чем мог бы.

Онил КАНДИСИЛАЛ Рисунки В. Высоцкого.

КОГДА ИДЕТ ДОЖДЬ

Месяц ашара — месяц дождей.
На улице мокрой не видно людей.
Ветер восточный, печально вздыхая,
Стучится, бездомный, в двери сарая,
Гонит по небу тяжелые тучи,
Кроны качает деревьев могучих
И, пробегая по мокрым кустам,
Хочет от ливня спрятаться сам.
Словно десятки невиданных рук
Вымыть всю землю задумали вдруг:
Чистят, скребут — только клочья летят
Под беспрерывным потоком дождя.
С темного неба, что низко нависло,
Часто срываются молнии быстрые
И исчезают на дальних холмах,
Перечеркнув окружающий мрак.
Страшно бывает нам вечером слышать
Грома раскаты над самою крышей...
Но ежегодно с приходом дождя
Преображается наша земля:
Ветки сухие побеги пускают,
В поле бутоны цветы раскрывают,
Бурная поросль повсюду встает.
Я очень люблю, когда дождь идет!

НАША МАЛЕНЬКАЯ РЕЧКА

Из нашей маленькой речки
Не смог бы умыться слон,
А если б он вздумал напиться,
Ее бы высушил он.

Волы, что везут телегу,
Ее переходят вброд,
И даже баран нашу речку
Летом легко перейдет.

Один ее берег пологий,
Другой же обрывист и крут.
На этом стоит деревня,
А на другом не живут.

У самого берега — галька
И белый песок блестит.
Повыше — деревья манго,
Лианы растут и кусты.

Над нашей маленькой речкой
Веселые птицы поют,
А вечером плачут шакалы
На дальнем ее берегу.

Когда мы идем на речку,
За нами щенок бежит,
Который любит купаться,
Но очень боится воды.

КАК Я ОТ ВСЕХ УБЕЖАЛА

Меня искусали москиты.
От них убежала я в лес.
Я так ненавижу москитов!
Пусть лучше уж тигр меня съест!

Мне встретились возле опушки
Огромного тигра следы.
И я побежала на речку
И села у самой воды.

Но взрослые мне говорили,
Что в речке живет крокодил.
Уйду-ка я лучше на поле,
Пока он меня не словил!

А в поле есть темные норы,
И в каждой — большая змея.
Я лучше пойду на дорогу,
Никто там не тронет меня.

Навстречу собака попалась
(За кошкой соседской гналась).
Как только меня увидала,
Разинула страшную пасть.

Я сразу заплакала: «Мама!»
Скорей побежала домой,
А злая большая собака
До дома бежала за мной.

Но мама собаку прогнала
И заперла дверь на засов.
Она очень храбрая, мама,
Я с ней не боюсь никого.

С бенгали перевел А. Горбовский.

«Лучше Джеку отдать»

С. ГОЛИЦЫН

Рисунки В. Тарасенко

РАССКАЗ ПИОНЕРА ЛЕНИ

В этом году ребята нашей школы устроили туристский лагерь.

С утра мы в колхозе работали, капусту сажали, а после обеда, после тихого часа, бежали на реку. Все ребята купались до самого ужина, а мы, рыболовы, — Миша, Женя да я — прятались с удочками где-нибудь на бережку под кустами.

Я самым главным рыболовом считался: они в пятый класс перешли, а я уже в шестой.

Как же нам хотелось столько рыбы за один раз поймать, чтобы всех сто пятьдесят пять лагерных ребят накормить!

Нет, никак такое счастье не приходило, и мы каждый день только по три-четыре рыбки притаскивали и всех их Джеку отдавали. Был у нас в лагере такой маленький рыженький песик Джек.

А сегодня день выдался нежаркий, тихий, пасмурный. Рыба у нас клевала здорово!

Миша сам вырос длинный, как удилище, но такой он был тубошлеп — все по сторонам смотрел и зевал. Он дергал удочку, да поздно, когда рыбка червяка хоп — и драла!

Женя был низенький, кругленький, вроде карасика. Удочку себе он вырезал маленькую, но зато ершат и уклеек то и дело таскал одну за другой...

А у меня вот такая, как бревно, щука сорвалась, а потом как начал я... То окунька, то плотвичку, то уклейку... Даже подле-

щика размером с ладонь ухватил. А всего в тот день мы поймали на троих восемнадцать штук. И, гордясь своей добычей, мы торжественно зашагали в лагерь.

Мы несли связку, и все нам завидовали. В волейбол кто играл, кто к концерту самодеятельности готовился, кто книжку читал — все бежали навстречу нам.

Даже сам начальник лагеря Виктор Яковлевич нас похвалил:

— Вот какие вы молодцы!

А Джек вокруг нас начал прыгать, увиваться.

— Сегодня ничего тебе не достанется, сами изжарим, сами съедим,— сказал Женя.

Конечно, восемнадцатью рыбками весь лагерь не накормишь. А Джеку отдавать вроде как бы жалко.

Но, оказывается, рыбу поймать куда легче, чем...

Ну, да вы сейчас узнаете, что дальше получилось.

Сели мы за обеденный стол наш улов чистить, подошел Джек и стал жалостно смотреть нам в глаза, и вдруг...

Я забыл сказать, была у нас в лагере главная санитарка Ира. Весь день она по лагерю шныряла в своем белом халате да к нам придиралась. Вот вчера ну прямо ни за что мне наряд вне очереди влепила. А дело было так.

Побежала Ира вдоль нашей улицы и давай совать нос во все палатки подряд.

— Опять у мальчишек в пятом отряде в палатке мусор!

Это я был в пятом отряде. А много ли я насорил? Просто мы червей накопали. Консервную банку с землей и с червями я под подушку спрятал, и надо же было кому-то наступить на подушку — банка опрокинулась, черви по всей палатке расползлись, насилу я их потом собрал. Я всегда считался самым дисциплинированным и без разговоров выполнил наряд: принес на кухню ведро воды.

А сегодня Ира подсмотрела, как мы рыбу сели чистить, и завопила:

— Это что вы тут насвинячили! Почему ваши кишки на обеденном столе? Каждому по наряду!

Миша мне шепнул:

— Может, лучше всю нашу добычу Джеку отдать?

А я его за рукав:

— Да что ты! Мы сами должны зажарить, сами съесть.

И Женя меня поддержал:

— Я знаю, жареная рыба — самое на свете вкусное!

Пересели мы на травку чистить.

А Ира опять к нам:

— Еще наряд хотите заработать? Разрешаю не ближе чем на сто семьдесят пять метров от лагеря. Идите вон туда, в те дальние кусты.

Миша опять заныл:

— Давай лучше Джеку.

А я ему:

— Как тебе не стыдно перед трудностями пасовать!

Женя тоже мою сторону взял, по животу себя похлопал, глаза вытаращил:

— Во будет у нас кушанье!

В тех дальних кустах мы пенек нашли и всю рыбу на том пеньке вычистили, а Джеку выкинули кишки да чешую.

Тут горн к ужину. Мы прибежали, сели за стол. Манную кашу подали подгорелую, ужасно невкусную. С какой стати я ее буду есть, меня рыба дожидается!

После ужина мы подошли к плите.

Ответственной дежурной сегодня была Верочка, это которая в пятый класс перешла, черноглазая, быстроногая.

— Дай, Верочка, сковородку, пожалуйста.

К нам в лагерь сковородищу привезли большущую, как колесо автобуса. Виктор Яковлевич говорил, на ней можно яичницу поджарить сразу из сорока яиц.

— Занята сковорода,— ответила Верочка и косами тряхнула.

— Чем занята?

Мы узнали: этой сковородой дверка в погреб придерживается, чтобы не открывалась.

Я сказал:

— Мы лучше с реки камень принесем, только дай нам сковороду.

Миша поморщился:

— Ну, еще за камнем таскаться: он тяжелый!

А Женя — молодец, выскочил вперед.

— Я моментом принесу! — И побежал.

Масло хранилось в погребе. Кладовщиком

была у нас Нина. Знаете, кудрявая такая, курносая, еще со мной в одном классе учится.

— А где Нина?

Верочка ответила:

— Кажется, в настольный теннис играет.

Я Мише приказал:

— Ты сиди тут, рыбу стереги. Да смотри, пока Женя камень не принесет, не уходи никуда, а то Джек или вороны утащут.— И побежал Нину искать.

А Нина только начала партию играть. В вышибалку они играли. Я встал в сторонке. Вижу, Нина проигрывает: как мяч пропустит, злится, краснеет, ракеткой трясет. Наконец проиграла. Я подскочил к ней.

— Ниночка, дай, пожалуйста, немножечко постненького маслица, рыбку поджарить.

Она носом туда-сюда повела.

— Без разрешения Виктора Яковлевича не дам.

— А где он?

— Говорят, волейбол судит.

Это значит, на спортплощадку, на другую поляну, ужасно далеко ушел. Я побежал, даже запыхался весь.

Виктор Яковлевич на табуретке сидел. Он от меня отмахнулся.

— Подожди, некогда. Десять — одиннадцать. Десять — двенадцать. Десять — тринадцать...

Пятый отряд с третьим соревновался. Наш отряд проигрывал.

Мне, конечно, было обидно.

Так мы и проиграли. Ребята на меня разозлились:

— Почему не пришел? Из-за тебя мы на последнем месте.

Я было подумал, может, правда лучше рыбу Джеку отдать, но Виктор Яковлевич уже написал бумажку: «Кладовая, отпустить три столовые ложки постного масла».

Опять я побежал Нину искать, одного спросил, другого:

— Где Нина? Не видали?

Никто не видел Нину. Наконец узнаю: на реку стирать пошла. Я прямо с горы бегом скатился, еле-еле на берегу в кустах нашел Нину. Она сидела на корточках у самой воды с кучей белья.

— Вот читай!

Она даже головы не повернула:

— Видишь, я занята, подождешь.—И нарочно медленно-медленно стала тереть мылом материю, потом прополоскала раз, наверно, пятьдесят, не меньше, потом вынула платье, стряхнула.

— На, делать тебе нечего, выжми.— А сама опять присела платочки стирать.

Эх, знал бы я, что придется девчачье платье выжимать, лучше бы Джеку всю рыбу отдал! Оглянулся я, хорошо, никто меня не видит, да как начал крутить — из жгута настоящий водопад потек.

Нина вскочила.

— Да ты что?! Разорвешь!

Отняла у меня платье, вместе мы ну крутить! Выжали, поднялись на гору в лагерь.

А помогать ей платочки да платье на веревке развешивать я не стал: больно много вокруг ребят вертелось, еще увидят.

Наконец пришли мы с Ниной на кухню.

Женя с Мишей вдвоем сидели и скучали, по сковородке потихоньку пальцами барабанили. Рядом с ними стоял Джек, глядел на них и помахивал хвостиком.

— Леня, да скоро ты? — спросил меня Женя.

— Сейчас, сейчас, один момент — и начнем жарить. Во будет у нас ужин!

Нина налила на сковороду ровно три столовые ложки масла. Я бидон помогал держать. Только мы бидон обратно в погреб, только камнем дверку привалили...

— А соли, соли! — заорал Женя.

— Виктор Яковлевич ничего о соли не пишет,— ответила Нина.— Ну, так и быть, соли я вам дам, только уговор: вы и мне дадите рыбку попробовать.

— Хорошо,— ответил я.

Тут подошли к нам Верочка, дежурная, и Люба, начальник штаба. Люба ух как задавалась за свои за три красные нашивки на рукаве да за красную повязку повыше нашивок.

— Это что за безобразие! — А голос у нее был, как у нашей учительницы истории, когда мы в классе балуемся.

Верочка стала над нами издеваться:

— Наши мальчишки — такие бестолочи несамостоятельные! Рыбу поджарить, ведь пустяк какой, а они два часа бегают. Вот до чего нам надоели!

Ух, я бы ей сейчас ответил! Да нельзя, пришлось добреньким прикинуться и язык прикусить.

А Люба, словно кому-то в сторону, сообщила:

— Рыбу полагается в муке сперва обвалять.

Женя обрадовался:

— Правда, в муке — самое законное! Моя мама как купит камбалу или морского оку-

ня, так всегда... И нужно муки-то всего только столовую ложку. Ниночка, дай нам, пожалуйста, немножечко мучицы.

Нина губы поджала, на Женю и не посмотрела.

— Без разрешения нельзя.

Тут Люба за нас заступилась:

— Если они начнут Виктора Яковлевича сейчас искать, совсем стемнеет. Я тоже начальник, я тоже могу дать распоряжение. Нина, дай им ложку муки, а они пусть нас за это угостят.— И — такая бессовестная!— ткнула пальцем в моего большого подлещика.— Эту рыбу я хочу съесть.

А Верочка запрыгала и запела:

— Правда, правда! Нас, нас угостите! Мне вот этих двух малюсеньких.

Женя мне шепнул:

— Леня, да ты что? Да нам самим ничего не достанется. Может, лучше без муки?

Я ему ответил тоже потихоньку:

— Ничего не поделаешь, придется этих хитрюг угостить. Зато в другой раз, когда мы сто пятьдесят пять рыб поймаем, они нам в два счета помогут.

Люба сказала:

— Только предупреждаю, дрова сами заготовьте. Эти на завтрак оставлены.

Кое-как мы уже в темноте хворосту набрали, затопили печку. Рыба наша, обвалянная в муке, как раз на сковороде поместилась. Масло зашипело, брызги запрыгали.

Девчонки и не думали уходить. Ну ясно, остались ждать, когда рыба поспеет. И Джек все вокруг плиты вертелся.

Люба нас учила:

— Вот эту поворачивать пора. Теперь эту. Да осторожнее ты, хвост отломается.

Тут подошла Ира.

— Оказывается, вы рыбу жарите.

А Верочка к ней на одной ножке скок:

— Ира, Ира, знаешь, мы им помогаем, а потом вместе будем кушать.

— Я всегда пробу с завтрака, с обеда, с ужина снимаю,— сказала Ира и понюхала воздух.— Как вкусно пахнет! — Она взяла ложку и отколупнула со сковороды Мишиного окунька, даже нашего позволения не спросила.

Сковороду я снял, на стол поставил, все уселись вокруг. Подошел Виктор Яковлевич.

— Виктор Яковлевич, к нам, к нам, быстрее садитесь! — позвала Люба.

— Пожалуйста, мы будем очень рады,— добавил я и почему-то закашлялся.

Девчонки ели да похваливали, говорили:

— Спасибо вам, милые мальчики, за угощение.— А головы рыбьи они Джеку кидали.

В два счета уплели мы рыбу. Ах, какая она была вкусная! Только... только...

— Есть как хочется!—сказал Женя, вставая из-за стола и облизывая губы.

Миша ничего не сказал, только громко вздохнул. И я вздохнул: зря за ужином от подгорелой манной каши отказался.

Теперь я так решаю: на рыбную ловлю мы все равно ходить будем. Наверняка не теперь, так на будущее лето придет такой счастливый день, и всем лагерным ребятам хоть по полрыбки достанется.

Ну, а уж если маловат будет улов, честное слово, куда лучше его Джеку отдавать!

1. УДАР САБЛИ

В поезде мы с Лешкой всю дорогу ехали в тамбуре и то и дело высовывались из вагона навстречу ветру. Мы были счастливы. На рельсовых изгибах мы с восторгом оглядывали всю нашу электричку, которая, иногда тоненько посвистывая, отчаянно неслась среди полей и мелколесья.

Вагон болтался из стороны в сторону, колеса без умолку тараторили, буфера звенели, и в тамбур вместе с пыльцой, поднятой со шпал, врывался медовый ветер. Настроение было великолепное.

— Вот здорово, что поехали! — восторгался Лешка.— Ведь это же — мое первое самостоятельное путешествие! И ты ведь тоже никуда один не ездил?

— Не ездил! — отвечал я.— А кто первый тебя позвал?

— Ну ты, ты! Успокойся! Подумаешь, какой изобретатель!

— Не изобретатель, а настойчивый человек!

— Ну ладно, пусть настойчивый! Только не хвастайся!

А я и не хвастался. Мне просто очень хотелось, чтобы Лешка по заслугам оценил мою выдумку уехать из города.

В то лето, когда все ребята с нашего двора после экзаменов разъехались по лагерям и деревням, мы с Лешкой остались в городе. Вышло так, что у Лешки заболел отец и слег в больницу, а у моей мамы на дачу денег не было.

Обычно наши семьи — уж который год подряд! — уезжали за сто километров от Москвы под Коломну, в небольшую деревеньку, расположенную неподалеку от Оки, и там жили до конца августа. А в это лето нам было обидно, что мы не сможем снова поселиться в просторной избе у нашего сверстника Сашки Косого и его матери тети Груни. Это были очень приветливые и добродушные люди, и к нам они относились, как к своим родным.

В общем, июнь и половину июля мы с Лешкой еще крепились: играли в футбол, ходили в детский парк, в драмкружок, купались за парком в пруду величиной с блюдце. Но когда однажды Лешка вытащил из пруда на своей спине две черные пиявки, терпение мое лопнуло.

— А знаешь,— сказал я,— а ну его, этот пруд! Давай завтра махнем на Оку! Встретим Зойку, покупаемся!

— Хм!.. Махнул один такой! — безнадежно усмехнулся Лешка.— А кто нас отпустит одних? Мамы, да?! Ой, умора! А если тебе на Зойку охота посмотреть, так бы сразу и сказал!

И тут же мой план поездки на Оку он разбил в пух и прах.

Я знал, что Лешкина мама Тина Львовна никуда его одного не отпустит. Но почему бы не попробовать уговорить ее? Ведь попытка не пытка?

Вечером у себя дома за ужином я был очень грустный и еле-еле ковырялся вилкой в тарелке.

В ДЕБРЯХ КАРА-БУМБЫ

Иосиф ДИК   Рисунки А. Смолина.

— Что с тобой? — спросила мама.

— Да так... ничего...

— Нет, а все-таки?

— Все-таки, все-таки...— сказал я с горечью,— все ребята разъехались кто куда, и Лешка вот тоже завтра один на Оку уезжает, а я дома сижу...

— Его отпускают одного?! — изумилась мама.

— Да, одного! — Я сделал очень честные глаза.

— Странное дело, я вчера была у Тины, но она мне ни слова не сказала об этом. А ты хотел бы с ним поехать?

— Конечно! А что тут нам делать, в Москве?! Сиди и пыль глотай!

— Хотя что ж...— вдруг в раздумье сказала мама.— В деревню — это дело. На два денька, пожалуй, и можно прокатиться. У меня и котлеты на завтра есть. Вы с утра хотите ехать?

После этих слов я бросил ужин и побежал к Лешке.

— Добрый вечер! — сказал я, заходя к нему в комнату.— Ну как, Лешка, подготовка идет?

— Какая подготовка? — насторожилась Тина Львовна.

— Как какая? Меня мама отпустила на три дня к тете Груне. У нас уже котлеты жарятся. И Лешка хочет со мной...

— Что-о?! — изумилась Тина Львовна.— На три дня?! А вот я сейчас позвоню твоей маме и проверю... И если ты солгал, ноги твоей здесь больше не будет!

Тина Львовна кинулась к телефону. Я заволновался: а вдруг все раскроется?

— Наталь Петровна,— сказала в трубку Лешкина мать.— Это правда, что вы... Что?! У вас котлеты горят?! Хорошо, я попозже позвоню.

— Ну что?! — сказал я победно.— Сами слышали: уже котлеты горят!..

— Мама, пусти и меня! — заныл Лешка.

— Прекрати! Прекрати! Вы что, с ума сошли, за сто километров, в глухомань! Одни!

— Ну какая же это глухомань! Три часа езды! — сказал я.— Электричество! Река рядом!

— Вот-вот, я и говорю про реку! — ответила Тина Львовна.— Не хватало, чтобы вы еще там утонули!

— А мы можем и не купаться! — сказал Лешка.— Вот дадим честное слово и не будем купаться!

— Знаю я ваши честные слова! Наверно, только слезете с поезда, так сразу же в речку! В общем, о чем разговор? Этого я не позволю!

В этот вечер Тина Львовна слово «нет» произнесла, наверно, раз пятьсот.

И что мы ей только не обещали! И что поедем в деревню всего лишь на два дня, и что привезем оттуда цветов, березовый веник, свежих ягод...

Мы говорили, что в «пионерских ступеньках» написано, что все пионеры должны быть самостоятельными, что они должны любить и понимать природу, что они должны уметь разжигать костер... А где нам разжигать этот костер?! В комнате на полу?!

Однако чем больше она отказывала в разрешении, тем больше мы наседали. И наконец мы взяли измором. Тина Львовна устало махнула рукой и... согласилась.

Ее условия были такие: ладно, я Лешку отпускаю, но из окон поезда не высовываться, к Оке не подходить, в лес не ходить и вообще быть только около прошлогодней дачи. Может быть, она — Тина Львовна — приедет за нами.

Условия были жесткими, но мы их приняли.

На маленькой станции после вагонного грохота нас оглушила тишина. Над водонапорной башней стаями кружили ласточки. На крыше полуразрушенной церкви у самой колокольни примостилась тоненькая березка. Около платформы, мелко переступая ногами, паслась стреноженная лошадь.

Конечно, ни на какую прошлогоднюю дачу в деревню мы не пошли. Долой кабальные условия Тины Львовны и да здравствует наша любимая Ока!

На песчаном пляже мы быстро разделись и бросились в воду.

Это были блаженные минуты.

В спокойной воде, будто в чуть потемневшем от времени зеркале, отражалась чайка. Она неслась над рекой, не двигая крыльями, и, казалось, любовалась отражением своего плавного и величавого полета. Маленький буксирный катеришка, весь чумазый от копоти, словно ком снега, катил перед собой пенный вал. А потом мимо нас прошла широкая баржа-самоходка, на которой стояли новенькие «ГАЗ-51», и мы, лежа на спинах, покачались на ее волнах.

И вдруг, выбравшись на берег, мы увидели на песке какого-то смешного дядьку. Он сидел, по-турецки сложив ноги, перед маленьким зеркальцем и брился. У него был крупный лоб, глубоко сидящие черные глаза, широкий нос с большими ноздрями и длинные прямые волосы. Побрившись, он смыл с лица остатки пены и вытащил из рюкзака диковинную трубку. Она была сделана в виде человеческой головки с крючковатым носом и остренькой бородой. Серебряная чалма-крышка приподнималась, и под нее закладывался табак.

Ходил незнакомец по пляжу, словно дикарь: в набедренной повязке из двух тряпочек спереди и сзади. На вид ему было лет двадцать пять — двадцать семь.

Мы стали на него поглядывать. Вскоре он подсел к нам.

— Ну как, сеньоры, облучаемся? — улыбнувшись, спросил он.

— Да вроде бы...— ответил я.

— А, простите за любопытство, вы из Москвы или здешние?

— Из Москвы,— ответил Лешка.— А вы откуда?

— Я здешний. У меня тут дворец,— улыбнувшись, сказал незнакомец.— Вон, видите, он стоит на том берегу, окруженный олеандровыми рощами?

На той стороне реки мы увидели только одну-единственную копну сена, окруженную кустами ивняка.

— Впрочем, я шучу. Я тоже сюда только вчера приехал. А вы надолго на природу?

— Всего на два дня...— вздохнул я.

Я лежал на песке и видел, как из нашего берега, который широкими ступенями сходил к воде, вылетали ласточки. Там, видимо, в глинистом песке были гнезда. Над нами задумчиво шелестела листьями старая черемуха. Душный запах песка, свежий ветерок реки и запах черной смородины и татарского лука с сиреневыми цветочками — все это улавливалось моими ноздрями, и в душе рождалось необычайное чувство счастья. Какая здесь благодать!

— А почему же только на два дня?

— Мамы...— сказал Лешка и развел руками.

— М-да-с... Сочувствую,— понял нас незнакомец и на минуту задумался.— Тогда, я считаю, вот что: эти два дня у вас должны быть насыщены до предела. Хотите?

— А чем мы будем заниматься? — спросил Лешка.

— Сначала познакомимся, а потом устроим обед! У вас какие-нибудь продукты есть?

— Есть,— кивнул я головой.

— Вот и прекрасно, я тоже кое-что найду...

Владимир Сергеевич — так звали незнакомца — работал геологом в одной из поисковых партий в туркменских песках. Совсем недавно он приехал в Москву, в свое геологическое управление, с кое-какими интересными «породами» и, ожидая результата лабораторных анализов, решил несколько свободных денечков провести за городом, среди русской природы, по которой очень соскучился. В рюкзаке у него лежали все пожитки: брюки, тапочки, рубашка-ковбойка, садовый нож с кривым лезвием и полбуханки белого хлеба. А, кроме того, в папке много фотографий.

Вот мы и принялись их рассматривать. Владимир Сергеевич, оказывается, объездил уже всю нашу страну: был на Диксоне, на Украине, на Кавказе. Потом он показал нам корень женьшеня.

Это был маленький ветвистый отросток желтого цвета. Высохший и сморщенный, он умещался на ладони и был очень похож на худенького человечка.

Лешка взял его в руки и, осмотрев со всех сторон, спросил:

— А чем он знаменит?

— А ты разве о нем ничего не слыхал?

— Слыхал...— ответил Лешка.— То ли его пьют, то ли едят. В общем, не знаю...

— Ну и зря. Это ведь корень жизни по-китайски. Он, говорят, продлевает жизнь, прибавляет силы...

— А зачем вам женьшень? — спросил Лешка.— Вы же молодой...

Владимир Сергеевич подкинул корешок на ладони и сказал:

— Это мой талисман. Мне подарил его один мудрый человек, и я собираюсь беречь его всю жизнь.

— А что будет, если вы его потеряете?

— Потеряю сердце,— так сказал мне мудрый человек...

Конечно, я почувствовал, это была шутка, но и мне почему-то захотелось иметь такой талисман.

Незаметно пролетел час, другой, третий... У нас уже «засосало» под ложечкой. Мы быстро собрали тальник, разожгли костер и, проткнув мои котлеты тонкой палкой, стали их подогревать над огнем, как на вертеле. Лешка вытащил из авоськи свои бутерброды и вареную курицу. Но Владимир Сергеевич порекомендовал оставить этот пищезапас на аварийный случай.

Мы с Лешкой никак не могли предположить, какая может произойти авария, и поэтому с сожалением глядели на то, как Владимир Сергеевич решительно запихнул курицу обратно в Лешкину авоську.

Однако мы все вместе не наелись нашими котлетами и бутербродами. Тогда Владимир Сергеевич собрал в реке ворох стрелолиста и испек в золе маленькие клубни, сорванные с корневища. Вкус у них был, как у картошки.

Такое угощение нам очень понравилось.

Потом Владимир Сергеевич зачерпнул банкой воду из реки, бросил в банку для дезинфекции два кристаллика марганцовки и поставил «чайник» на костер. Ни чашек, ни ложек у нас не было, и поэтому, когда вода вскипела, чай мы по очереди сосали с помощью трубочек, сделанных из бузины.

Пожалуй, из всех чаев, которые я когда-либо пивал, этот чай был самый вкусный. И Лешка мне подмигивал — вот житуха отличная! — и осторожно своей трубочкой пытался вытащить из банки какого-то сварившегося комарика. Консервная банка была маленькой, и мы ее раза три ставили на костер.

День уходил... Нам пора уже было думать о ночлеге. Но расставаться с рекой не хотелось. Я нашел в воде большую замшелую раковину с дюжиной налипших на ней ракушек и подумал, что это ее «дети». Оторвутся они когда-нибудь от своей матери и начнут самостоятельную жизнь. А когда? Через десять дней или через месяц?

Я взял нашу консервную банку-«чайник», вложил в нее раковину и, засыпав ее песком, поставил в воду. Зайду еще сюда завтра, посмотрю. Если «детишки» отпадут, все мои будут. Из банки не вылезут.

— Друзья, минуточку внимания! — вдруг сказал Владимир Сергеевич.— А куда вам торопиться? Ей-богу, оставайтесь ночевать у меня во дворце, а? Мы с вами проведем волшебную ночь. Над вашими головами будет сиять Большая Медведица, я вам покажу Марс... И вообще живите тут хоть неделю!

— А мамы? — спросил Лешка.— Вдруг они приедут в деревню?

— А что мамы? Пошлем им срочную телеграмму со станции — и дело с концом!

— Я за! — тут же сказал я.— Будем ночевать в копне!

Но Лешка колебался.

— Да ладно тебе, Лешка, ломать голову! — сказал я.— Остаемся — и баста! Идем на станцию!

Мы долго думали, как написать нашим мамам, чтобы они поняли, что мы живы-здоровы, что добрались благополучно и что нас надо теперь искать в копне сена на Оке.

— «Ищите на Оке,— шептал Лешка перед окном телеграфа.— Целуем».

— Нет, не подойдет,— говорил Владимир Сергеевич.— Твоя мама может еще подумать: «Ищите в Оке!» Надо тут что-нибудь короткое и ясное. И чтобы приятное...

— Ну давайте: «Мы вас любим»,— предлагал я.

— Это сироп,— говорил Владимир Сергеевич.— Надо по-мужски.

— «Привет от тети Груни»,— сказал Лешка.— Они получат такое и сразу поймут, что мы в порядке.

— А лучше всего просто написать: «Ура!» — и точка! — предложил Владимир Сергеевич.— И денег меньше платить, и все ясно! А?

Мы согласились. Телеграмма вышла короткой, как удар сабли: «Ура!»

И действительно, из этого слова можно было очень хорошо понять, что мы очень любим своих мам, которые не побоялись отпустить нас в дорогу, и что мы в восторге от нашей свободной жизни. Коротко и ясно.

И никто из нас в эту минуту не предполагал, что этим «сабельным ударом» мы ненадолго, но все же отсекли себе дорогу в Москву.

Солнце уже заходило, когда мы вышли на перрон из маленького вокзальчика и решили перед сном пойти в деревню и навестить тетю Груню.

2. ЗОЙКА

В деревне перед школой играла гармошка. Там мы с Лешкой сразу встретили своего старого друга, сына тети Груни, Сашку Косого.

У нас с ним в прошлом году было много веселых событий: мы пасли коров, разводили кроликов, ходили для смеху на «прием» к деревенской бабке-знахарке, и она нас лечила «от живота» разными травами.

Здесь же на полянке я увидел и Зойку. Она была в красном платьице с белым пояском.

Владимир Сергеевич сразу обратил на нее внимание. Он спросил:

— А это кто?

— Зойка. Из Москвы,— ответил я.

— А она чем занимается?

— Еще учится в школе. А что?

— Да я просто так...

Не замечая нас, Зойка разговаривала с какими-то неизвестными мне парнями. Один из них был высокий блондин, широкоплечий и в распахнутой кожаной куртке с молнией, другой — щупленький, с узкой мышиной мордочкой. Он сидел на своем велосипеде и, то и дело касаясь земли носками ног и отчаянно вертя рулем, пытался найти равновесие и сидеть на седле, не двигаясь вперед. Видно, эти ребята были тоже, как и Зойка, дачники-москвичи.

Они разговаривали с Зойкой о чем-то веселом, потому что Зойка все время звонко смеялась. Высокого она называла Нарик, щуплого — Гарик.

Мы с Лешкой несколько раз проходили мимо Зойки, но она нас не видела. А окликнуть ее мне почему-то было неудобно, хотя мы с ней и были очень хорошие знакомые.

В прошлое лето наши дачи находились рядом. И Зойка частенько приходила ко мне с просьбой починить велосипед. Машина у нее была старая, и в ней через каждые пять минут портился тормоз.

Я тщательно разбирал заднюю втулку, промывал ее керосином и ставил на тормоз дополнительную прокладку. Лешка был моим помощником, а Зойка сидела перед нами на корточках и рассказывала о своих школьных делах. Она была старше нас на три года, перешла в 9-й класс.

В дождливые дни мы все втроем располагались у Зойки на террасе и играли в шашки. На абсолютного чемпиона. Расплата при проигрыше была строгой — двадцать щелчков в лоб.

У Зойки были тонкие крепкие пальцы пианистки, и ее щелчки были штукой чувствительной.

Особенно доставалось мне. Я почему-то часто проигрывал. Это были чистые проигрыши, но Лешка както мне наедине сказал:

— Слушай, если играть, так играть. И нечего тут романы закручивать. Я от Зойки ни одного щелчка не получил, а вы только и делаете, что щелкаетесь!

— Ну и что?

— А вот то... Уж если сели играть втроем, так уж надо, чтобы всем доставалось поровну. А то я сижу, как лопух, и глазами хлопаю. Для вас интерес, а для меня что? Никакого азарта!

— И, значит, ты думаешь, что я ей специально подставляю свой лоб?

— Да, специально!

— А почему?

— Потому что она... красивая!

— Ой, дурак! — засмеялся я.— Да кто же специально будет из-за красоты свой лоб подставлять?

— Найдутся такие,— не унимался Лешка.— Вот ты, например!

— Я?! Откуда ты взял?!

— А ты всегда перед ней гоголем ходишь, выкаблучиваешься! Дескать, посмотрите, какой я герой: у меня и пятерки, я и музыкой занимаюсь, и велосипед могу чинить! И вообще здравствуйте — пожалуйста! А что касается Лешки, он — тьфу! — растереть!

— Значит, ты хочешь, чтобы она тебе тоже щелкала?

— Хочу. Только по игре!

— Пожалуйста!

На следующий вечер Зойка очень быстро обыграла Лешку в матче-турнире из трех партий и влепила ему 60 щелчков, да таких, что после них Лешка уже больше никогда не заикался о том, что у нас с Зойкой идет нечестная игра.

Мы с Лешкой часто говорили о Зойке: что в ней хорошего и что плохого. Лешка говорил, что когда она ездит на велосипеде, то «рисуется», а я этого не находил. Потом он говорил, что она фасоня: красную ленточку вокруг головы носит. А я считал, что это ей очень идет. Зойка была маленькой, с черными вьющимися волосами и быстрыми синими глазами.

Одно мне только не очень-то нравилось в ней. Она любила нам, как взрослая, говорить: «Мальчики, вы еще ровным счетом ничего, ничего не понимаете в жизни!»

...Наконец мне надоело ходить вокруг Зойки, и я, подойдя к ней сзади, дернул ее за рукав.

— Юрка, это ты?! — обернувшись ко мне, вдруг обрадованно воскликнула она.— Когда ты приехал? И ты, Леша, здесь? Вот хорошо! А где вы сняли дачу?

— А нигде,— ответил Лешка.— Мы в копне сена живем. Одни. Как геологи.

— Нет, честное слово? — не поверила Зойка.

— Провались я на этом месте,— ответил Лешка.— Нам мамы позволили...

Нарик с ухмылочкой оглядел Лешку с ног до головы и подмигнул своему приятелю: полюбуйся на детский сад! Им мамы позволили!

— И что же вы тут хотите открывать... как геологи? — с ехидцей спросил Гарик.

— Наверно, алмазы!..— сказал Нарик.

— Хотя да, да! Такие здесь водятся,— подхватил Гарик.— И про них уже написано... как это? «Навозну кучу разрывая, петух открыл алмазное зерно».

— Жемчужное... там написано,— сказал я.

— О-о, смотри, какие они знатоки! — сказал Гарик.— Всю классику изучили!

— Да ладно вам, мальчики, смеяться! — нахмурилась Зойка.— Юра и Леша — это мои хорошие друзья!

— А это мы сразу почувствовали...— сказал Нарик.— И, может быть, ты нас с ними познакомишь? Мы этого очень жаждем.

— Пожалуйста, познакомьтесь!

Я протянул руку Гарику и ощутил в ладони его липкие и холодноватые пальцы. А Лешка от сильного Нарикова пожатия даже чуть присел.

— Ну вот,— сказал Нарик.— Между нами уже любовь и дружба.

Не обратив внимания на это «подкусывание», Зойка забросала нас вопросами: как мы живем, где питаемся, все ли в порядке дома?

А потом, как бы между прочим, спросила:

— Слушайте, а что это за молодой человек, с которым вы пришли?

— Ой, хороший дядька! — сказал Лешка.— Мы только сегодня встретились на пляже. Он геолог!

— Геолог? — изумленно спросила Зойка.— Как я всегда мечтала о путешествиях! А откуда он?

Мы все ей подробно рассказали.

Но когда Зойка услышала, что послезавтра мы уже отправляемся в Москву, она вдруг заявила мне:

— Никуда вы не уедете. Будете жить у нас на даче хоть десять дней. Моя мама утром едет в Москву и сообщит вашим родителям... Будем играть в щелчки.

Я не возражал против такого предложения, но Лешка сказал:

— Подумаем.

Тут к нам подошел Владимир Сергеевич, и мы его познакомили с Зойкой. Нарик и Гарик молча кивнули ему.

— Ну, как отдыхаем? — непринужденно спросил Владимир Сергеевич у Зойки.

— Великолепно! — улыбнулась она.

— А вы здешние окрестности хорошо знаете?

— Неплохо. А что?

— Да я люблю бродить, вот и спрашиваю. А вы за Окой были?

— Была. Мы в прошлом году туда с Юрой и Лешей на лодке переплывали. Красота там неописуемая! Говорят, там даже лоси водятся. А вы давно уже здесь?

И Владимир Сергеевич с Зойкой разговорились, как старые знакомые.

Отойдя в сторону, Нарик и Гарик начали шептаться между собой, а потом Нарик сказал:

— Зой, ты поедешь с нами в совхоз в кино?

— Поеду, только погодите минуточку.

— Нет, мы уже едем, а то опоздаем.

— Ну, хорошо.

Зойка крепко пожала нам руки и, сев к Нарику на раму (ее велосипед, оказывается, уже окончательно сломался), сказала:

— Мальчики, только завтра вы без меня не уезжайте. Ладно?

— Ладно,— ответил Владимир Сергеевич и улыбнулся.

Зажужжала Нарикова динамка на переднем колесе, и яркие снопы света заметались по деревенской тропинке...

Было уже поздно, и мы решили не ходить на реку во «дворец» Владимира Сергеевича, а спать на сеновале у тети Груни.

Тетя Груня нас встретила, как родных, дала нам по кружке молока и сама отнесла на сеновал за усадьбой овчинный тулуп и две подушки.

— Только не курите,— попросила она Владимира Сергеевича.

— Не беспокойтесь! — ответил он.— Нам не впервой!

3. В ДЕБРЯХ КАРА-БУМБЫ

Наутро я проснулся рано. Сквозь крышу пробивались ослепительные лучи, и казалось, они, как незримые столбы, поддерживали ветхое соломенное сооружение. Над головой под верхним стропилом было ласточкино гнездо, и из него то и дело сквозь черную дырочку выглядывали две головки любопытных птенцов. Хлопотливая мамаша откуда-то прилетала к ним через каждую минуту и, почти не касаясь гнезда, торопливо закидывала в раскрытые клювики разных мошек.

Над моей головой прожужжал шмель. Он долго выбирал место, куда бы ему сесть. Я затаил дыхание. Шмель был пушистый, бархатный и важный, и летел он как будто стоймя, опустив брюшко. Наконец он уселся к Лешке на раскрытую ладонь и пополз по пальцам. Я не знал, что мне делать: а вдруг Лешка спросонок сожмет пальцы в кулак! Но Лешка даже мизинчиком не пошевелил перед такой опасностью. Он спал, уткнувшись носом в плечо Владимира Сергеевича, и так крепко, что у него даже текли слюнки.

Владимир Сергеевич спал на боку, поджав под себя ноги и подложив под щеку ладонь, как будто, задумавшись и закрыв глаза, слушал музыку. Правая рука у него была вытянута вдоль бедра, и даже во сне она была будто напряжена: на ней были вздутые жилы и твердые узлы мускулов.

...После ведра холодной колодезной воды, которое Владимир Сергеевич поочередно вылил нам на спины, и после бутербродов с холодной курицей мы, захватив с собой Зойку, отправились в лес.

Когда мы проходили по деревне, из-за забора одной дачи показались две головы, Нарик и Гарик нам вдогонку крикнули:

— Зоя, ты поедешь с нами на пляж?

Зойка, обернувшись, отрицательно помахала рукой.

В лесу неподвижно стоял тугой сосновый воздух, смешанный с резким запахом бузины и папоротника. Маленькие полусозревшие ягодки земляники с белыми пупырышками то и дело попадали под ноги. Земляники было так много, что Лешка решил больше не собирать ее пригоршнями, а стал ползать на четвереньках от куста к кусту и губами захватывать ягоды.

Потом мы пошли в орешник срезать удилища. Владимир Сергеевич шел впереди, раздвигая кусты и задерживая в руках упругие тоненькие ветви, чтобы они не хлестнули Зойку по глазам.

Гроза подошла внезапно. Гром уже давно перекатывался где-то далеко на востоке, и казалось, что непогода пройдет стороной, но Владимир Сергеевич был иного мнения.

— А потопа нам не избежать...— сказал он.— «Будет буря — мы поспорим и помужествуем с ней!» Кстати, в это время Илья-Пророк всегда находится в отпуске, а его заместитель по проливной части немного глуховат. Вот люди и говорят: «Дождь идет не когда мы просим, а когда сено косим!»

— Интересно! — сказал Лешка.— Надо будет записать.

Лешка как-то раз прочитал брошюрку «Как надо собирать фольклор» и с тех пор увлекся сказками, народными былинами и легендами. Читал он их без разбору, а потом решил сам записывать разные детские считалочки, присказки и частушки. Сам он тоже пытался сочинять фольклор, и, на мой взгляд, у него получалось неплохо. Ну, например:

Уважайте труд уборщиц, соблюдайте чистоту!
Наведем тогда мы в школе золотую красоту!

...В лесу вдруг потемнело, по верхушкам деревьев пробежался ветер, обламывая суки и сучья, и вслед за этим сухо и оглушительно треснул гром. Блеснула молния.

Ударила она где-то рядом, потому что наши лица на секунду стали голубыми.

— Быстрей шалаш! — крикнул Владимир Сергеевич, выбираясь из орешников.— Полундра!

Мы кинулись врассыпную. Кто за елочными ветвями, кто за сухими слегами для крыши.

Работа шла лихорадочно. Шалаш рос на глазах. От приближавшейся грозы на сердце было и весело и жутко, и тут мы уже не обращали внимания ни на колючки, ни на занозы.

И в тот момент, когда молния снова юркнула между черными мохнатыми тучами и разразился ливень, похожий на тропический, мы уже лежали в нашей новостройке на груде сухих листьев и очищали с пальцев смолу.

Владимир Сергеевич вытащил из кармана свою трубку, закурил — в шалаше запахло ирисками,— подумал минутку и вдруг сказал:

— Друзья! Как определили ученые, жизнь есть белковый обмен. И вот меня интересует: а где мы с вами достанем в обед эти необходимые белки для обмена? Курица, как вам известно, уже скончалась, денег у вас и у меня только на обратную дорогу...

— Ну, это ерунда,— весело сказала Зойка.— Мы можем все вместе пойти к нам на дачу и там пообедать. У нас сегодня холодный свекольник со сметаной, а на второе пельмени!

— А в-четвертых,— сказал Владимир Сергеевич,— мы благодарим вас за приглашение и, как ни жалко, отказываемся.

— Ну, Владимир Сергеевич,— сказала Зойка,— вы еще не знаете моего папу! Он всегда очень любит гостей.

— Папы, они всегда любят,— улыбнулся Владимир Сергеевич.— А вот мамы, насколько я понимаю, не очень... Да еще на даче. Если гость понятливый, он всегда должен ехать на дачу со своими продуктами.

— Нет, я, честное слово, вас не понимаю,— чуть ли не с обидой сказала Зойка.

— Ладно, Зоенька, не сердитесь,— ответил Владимир Сергеевич,— мы придем, придем... но со временем... Только не сегодня. И вообще мне хочется как можно меньше тревожить людей своей персоной. Короче, давайте думать, где нам достать... эти... белки.

— А мы можем стащить новую курицу! Подозвать ее к себе: «Цыпа! Цыпа!»,— а потом как трахнуть ей палкой по загривку — и вот обед! — сказал Лешка.

— А-а... понятно,— усмехнулся Владимир Сергеевич.— Это тебя что, на уроке естествознания научили, куда бить курицу?

— Нет, я своим умом дошел.

— Вот и видно, что ты человек высокой проходимости! Только на этом далеко не уедешь.

— Уж и пошутить нельзя,— наконец сдался Лешка, почувствовав, что Владимир Сергеевич ведет серьезный разговор.

— М-да... вопрос родился сложный,— в раздумье сказал Владимир Сергеевич, а потом вдруг весело и лукаво посмотрел на нас.— Слушайте, а кто из вас может раздирать мясо руками и пить кровь из убитых буйволиц?

Этот вопрос застал всех врасплох. Мне, например, лично не приходилось в Москве заниматься таким делом. За Зойку и за Лешку я тоже ручался.

— Я готов пить кровь,— вдруг как-то тихо сказал Лешка.— Но на какие деньги мы будем покупать этих... как их... буйволиц и вообще где они водятся?

— Вот то-то и оно «где они водятся»! — воскликнул Владимир Сергеевич.—Мы с вами живем в дебрях Кара-Бумбы, а буйволиц тут нет.

— Это еще что за такая Кара-Бумба? — удивленно спросил я.

— Ну, я так окрестил наш дремучий лес,— сказал Владимир Сергеевич.

— Вот этот, где мы сейчас сидим?

— Да.

— Хорошенькая Кара-Бумба! — засмеялся Лешка.— Кара-Бумба — это, должно быть, где-нибудь у черта на куличках, в Средней Азии, а тут Ока, пароходы, электрички...

— А для романтики можно и Кара-Бумбой назвать,— сказала Зойка.— У тебя в школе спросят: «Ты где был летом?» А ты ответишь: «В лесу!» И не звучит. А когда скажешь: «В дебрях Кара-Бумбы!» — «О-о! — скажут ребята, и все начнут спрашивать: — Это что, пустыня или горы?» А на самом деле это под Москвой! Только жалко, что здесь нет буйволиц!

— А корова не подойдет? — спросил я у Владимира Сергеевича.

— Да кто тебе позволит раздирать корову руками? — сказал Лешка.— Тут вмиг по шее накостыляют.

— Тише, тише, друзья! К чему весь этот шум? Я пришел к выводу: раз в дебрях Кара-Бумбы мы не можем найти буйволиц, так, значит, я сейчас отправляюсь в... Москву!

Такого вывода никто не ожидал, и мы с Лешкой минуты две, пораженные, молчали.

— А м-мы? — наконец спросил Лешка.— Мы ведь тоже можем сегодня ехать!

— Слушайте, мне сегодня очень нужно быть в нашем управлении. Там, может быть, уже готовы анализы, а потом я жду телеграммы из Ашхабада. Вы останетесь здесь, в лесу, и будете охранять наше готическое сооружение, а я три часа в Москву, три — обратно. Это шесть часов. Плюс часа два на заход к вашим мамам. Да потом мне надо купить продукты. Это будет восемь часов. Следовательно, к шести-семи я вернусь назад...

— Нет, это уж дудки! — сказал, подскочив, Лешка.— Я тоже еду, и к бабушке эти... Кара-Тумбы.

— Не Кара-Тумба, а Кара-Бумба,—вежливо поправил его Владимир Сергеевич.

— Ну и трус же ты какой, Алешка! — вдруг сердито сказала Зойка.— Если б я жила в вашем дворе, я бы всем девочкам рассказала, какой ты человек.

— Рассказывай на здоровье! И кому хочешь! А на самом деле я не трус, а разумный человек! И все девчонки меня поймут. А в щелчки вы с Юркой и в Москве сможете сыграть...

В полусумраке я почти не различал Зойкиного лица, но я почувствовал, что она покраснела. Да я и сам смутился, опустил голову.

Владимир Сергеевич зорко посмотрел на нас и сказал:

— Время для прений истекло. Все ясно. Юрка, вот тебе карандаш и бумага, пиши маме записку, а ты, Лешка, можешь ехать со мной.

— И ты поедешь? — спросил я Лешку.

— Конечно, поеду,— ответил он.

— Такой стал, да?

— Такой...

— Ну ладно, езжай, езжай к мамочке!.. Мы еще когда-нибудь поговорим на эту тему!

Я написал на бумажке:

«Ма! Я живу очень хорошо у Зои на даче. Ты не беспокойся. Нашему Владимиру Сергеевичу, который тебе принесет записку, дай каких-нибудь продуктов и немножко денег. Целую тебя крепко».

— А ты, Лешка,— сказала Зойка,— можешь в Москве поцеловаться с любым фонарным столбом. Мы тебе разрешаем.

— Кто это мы? — спросил Лешка.

— Я, например, и Юра...

И мне также хотелось сказать Лешке что-то очень обидное.

Но пока Владимир Сергеевич доставал из рюкзака свой паспорт, пока зашнуровывал тапочки, я увидел, что на Лешкином лице появились тяжелые переживания: ехать ему или не ехать?

— Ну-с, до вечера! — сказал Владимир Сергеевич, пожимая мне руку.— С огнем не баловаться. Если хочешь, позволяю тебе пообедать у Зои. Встреча будет здесь, около шалаша.

— Есть! — ответил я по-военному.

Лешка подождал, пока Владимир Сергеевич скроется в гуще, а потом, схватив бумагу и карандаш, быстро нацарапал своей маме записку и стремительно побежал за ним...

Владимир Сергеевич не приехал к нам в шалаш ни в семь, ни в восемь, ни в девять часов вечера. Мы с Лешкой пообедали у Зойки, а поужинали у Сашки Косого. Тетя Груня дала нам по куску ржаного хлеба собственной выпечки и по два сырых яйца. Потом мы вернулись из деревни к шалашу и зажгли костер.

Что произошло с Владимиром Сергеевичем, я ни-

как себе не мог представить. Попал под автомобиль? Свалился с поезда?

Если бы не Зойка, мы с Лешкой в лесу ни за что бы не остались. Здесь было страшно. За кустами чудились какие-то звери и бородатые люди. То тут, то там, казалось, кто-то тяжело дышал и посапывал.

Наш шалаш находился в глухом ельнике. До деревни было километра с полтора, до станции лесом — километр. Ни дороги, ни тропок поблизости не было. Лишь невдалеке от нас, под пригорком возле деревенского кладбища, журчал родник.

Мы просидели в лесу до десятичасовой электрички. Она прострекотала вдали, тоненько просвистела и затихла около станции. И вдруг до нашего слуха донесся далекий-далекий крик:

— Эге-ге-ге-ей! О-го-го-го-о!

— Владимир Сергеевич! — воскликнула Зойка.— Честное слово, это он! Слушай, Юрка, бежим встречать его! Он, может быть, что-нибудь несет. А ты, Лешка, подкинь в огонь хвороста!

Мы помчались по кустам к Владимиру Сергеевичу!

Да, да, это был он! Весь увешанный кульками, авоськами, бумажными свертками! Это был он, наш Владимир Сергеевич, уставший и запыленный и, честное слово, в эту минуту самый родной человек!

Владимир Сергеевич распределил между мной и Зойкой свои свертки, положил себе на плечо свернутое одеяло с подушкой, и мы весело зашагали к шалашу.

— Ну, как вы тут прожили без меня? — спрашивал Владимир Сергеевич.— Не волновались?

— Волновались! Еще как! — ответил я.— Мы думали: ну куда вы делись?

— А я там, в Москве, задержался. Малость не подрассчитал со временем. И я тоже волновался: как вы тут?

— А вы наших мам видели?

— Видел! Вот они и задержали! Тут они такой надавали всякой всячины, что я еле-еле донес. До вокзала такси пришлось брать. Я им говорю, что нам ничего особого не надо, а они: «Надо!»

— А когда они велели приехать?

— Это я потом все подробно расскажу. Вот сядем у костра.

И вдруг впереди, в темноте, мы услышали отчаянный крик Лешки:

— Караул!!! Спасите!!!

— Что за чертовщина?! — удивился Владимир Сергеевич и на мгновение остановился.

— Спаси-ите! — опять завопил Лешка.

Тут Владимир Сергеевич рванулся на голос.

Я тоже побежал за ним и летел, не чуя под собой ног. За мной неслась Зойка.

Что с Лешкой? Режут? Убивают? Вот тебе и отдохнули на даче!

К моей великой радости, Лешка был жив. Только он стоял около шалаша с выпученными глазами и трясся так, будто сию минуту вылез из проруби.

— Ты что орал? — подскочил к нему Владимир Сергеевич.

— Ч-черное и м... мохнатое,— еле выдавил из себя Лешка.

— Что «черное»?

— М... мохнатое! — опять отвечал Лешка.— Оно вышло, з-зарычало. А п-потом ускакало.

— Ну, медведь, что ли? — возбужденно спросила Зойка.

— Нет, не медведь, но на четвереньках... А л-лица нет.

— А может быть, это тебе показалось? — спросил я.

— Честное пионерское, не вру! — поклялся Лешка.

— Странно, что бы это могло быть? — задумался Владимир Сергеевич.— В лесу... в темноте...

И тут мы услышали неподалеку от нас какие-то звуки. Они походили то на плач ребенка, то на гортанные человеческие вскрики. Потом где-то за шалашом — и очень ясно! — хрустнула ветка. Зойка прижалась к моему плечу. У меня отчаянно заколотилось сердце. Лешка втянул голову в плечи и замер.

— Во-от, слышали? — еще прошептал он.

— А откуда «оно» пришло? — спросил Владимир Сергеевич.

— Со стороны нашей дорожки!

— И что?

— Ну как что? Я как увидел, так сразу и завопил! У нас ведь нет оружия!

— А как «оно» убежало? На четвереньках?

— Нет, на дыбы, кажется, поднялось. Я не разобрал. Костер плохо горел.

— Вот было бы интересно: приходим, а Лешку уже медведь сожрал! — пошутил я.— Так и дали бы телеграмму: «Погиб в желудке!»

Владимир Сергеевич поднес палец к губам — тише! — и, подобрав с земли березовую кору, поджег ее от костра. Кора ярко вспыхнула, и он с этим факелом пошел за шалаш.

Мы слышали, как он минуты две лазил по кустарнику, видели колеблющийся огонек и стояли растерянные и жалкие. Особенно мне было стыдно перед Зойкой.

А что мы с Лешкой могли поделать? Оружия у нас никакого, кругом темнота, место вокруг шалаша нами не изведано...

Наконец Владимир Сергеевич вернулся.

— Никого нет! — сказал он.— Ни «черного», ни «мохнатого». А это крик — филин!.. Но, в общем, завтра нам надо подумать о своей безопасности.

На ужин мы сварили пшенную кашу и кофе. Настроение у нас немного улучшилось.

Владимир Сергеевич очень подробно рассказал нам о том, как он познакомился в Москве с нашими мамами и как вместе с ними ходил по магазинам.

— Да, а на обратной дороге я ехал и думал, — добавил Владимир Сергеевич.— Сколько нам тут придется прожить, мы не знаем. Но для того, чтобы в шалаше была дисциплина, надо распределить обязанности. Юрка, значит, у нас будет заведующий по продовольственной части. Лешку я бросаю на должность истопника. А Зоя, так как у нее папа — врач, она будет медиком. А себя я ставлю на пост начальника Кара-Бумбы. Какие будут соображения?

— Мы согласны,— ответил я.

— Значит, власть утверждена! — сказал Владимир Сергеевич.— Теперь я предлагаю создать институт дежурств. День дежуришь, два гуляешь — так?

— А что должен делать дежурный? — спросил Лешка.

— Вставать раньше всех, готовить еду, следить за чистотой. В этот день он является первым заместителем начальника Кара-Бумбы, и его приказы надо будет выполнять беспрекословно!

— Уж я тогда над Юрочкой поизмываюсь! — засмеялся Лешка.— Дайте мне только добраться до этих дежурств!

В общем, мы согласились с новым порядком нашей жизни и после ужина стали готовить постели ко сну.

Зойка очень боялась одна идти в деревню через

лес, и Владимир Сергеевич приказал мне ее проводить.

— А может, нам с Лешкой вдвоем пойти? — с надеждой предложил я.

— Нет,— сказал Владимир Сергеевич.— Лешка будет здесь мне помогать.

Я взглянул на Зойку, представил себе путь до деревни и обратно к шалашу и, по-честному говоря, струхнул: как же я один буду возвращаться назад? И вместе с тем мне очень хотелось проводить ее.

Когда мы с Зойкой выбрались из леса на просеку, мы увидели над нашими головами темно-синее небо с миллионами звезд. На траве лежала холодная роса, но от пыльной проселочной дороги к нашим босым ногам шло тепло.

— Слушай, а ты в эту зиму никакого письма не получала? — тихо спросил я у Зойки.

— Нет,— ответила она.— А от кого?

— А ты не будешь сердиться?

— Нет.

Я отвернулся и сказал:

— От меня.

— А зачем ты мне писал, ведь у меня есть телефон?

— Ну, телефон — это неинтересно. А твой дом — номер шестнадцать?

— Восемнадцать...

— Значит, я ошибся. Жалко!

— Юр,— спросила Зойка, — а что там было... в письме?

— Ничего особенного. Просто я тебя... приглашал на день рождения... Посмотри, а вон звезда падает... Видела?

— Видела.

— Говорят, когда падает звезда, надо задумать желание, и оно исполнится...

— А ты задумал?

— Задумал. А ты?

— Я не успела. А что ты задумал?

— Об этом нельзя говорить. Если скажешь, не исполнится.

— Ну, мне-то можно сказать? — спросила Зойка, взглянув на меня.

— Вот тебе-то и нельзя!

— А почему?

— Нельзя — и все!

Это было очень интересно — разговаривать загадками и полунамеками.

Но тут же я в открытую признался, что всю зиму ходил на каток «Динамо» на Петровку и думал, что встречу там Зойку. Потом я однажды позвонил ей домой по телефону, а когда она подошла и спросила: «Кто говорит?»,— я испугался и бросил трубку.

Вообще весь этот разговор, и о письме и о катке, я придумал еще давным-давно. Я решил: увижу Зойку, расскажу ей все. Но вот сейчас я ей все рассказываю, а она идет и тихонько улыбается. Отчего? Пусть она старше меня почти на три года! Но я-то ведь рослый мальчишка, а она тоненькая, невысокая девочка, и можно думать, что мы ровесники. И то, что она уже проходила в школе какую-то там тригонометрию и анатомию человека,— это еще ничего не значит! Я тоже буду их проходить. Но, может быть, я Зойке кажусь совсем маленьким?

Я вкладывал в свои слова особый смысл. Но Зойка словно не замечала этого. Она только пообещала:

— А знаешь, в эту зиму я тоже могу ходить на каток «Динамо».

До настоящей зимы еще было месяцев пять.

Мы постояли с Зойкой около дома и пошептались. Она сказала, что Нарик и Гарик все время ее зовут по вечерам танцевать к ним на веранду, а ей не хочется туда ходить. Эти ребята какие-то «дубы». Книжек не читают, ничем не интересуются. Когда они узнали от Зойки, что мы в лесу построили шалаш, то сказали, что этот шалаш они сожгут. А почему? Неизвестно!

— Да вы их не бойтесь,— добавила Зойка.— Они только хорохорятся. А пугнуть их как следует, они мигом разбегутся. Я их уже изучила. Они даже за меня как-то раз в совхозе заступиться не смогли, когда там один хулиган потащил меня за руку с ним танцевать...

Зойка влезла к себе в дом через окно. В доме уже все спали. Мы пожали друг другу руки, и я, поборов в себе страх, через черный лес пошел в шалаш.

4. ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ

Наутро мы с Лешкой с восторгом рассматривали все хозяйство, которое было привезено из Москвы. На землю из рюкзаков выкладывались мешочки с манной крупой и гречихой, картонные коробки с макаронами, банки с топленым маслом, чай, соль, ложки, чашки, колбаса, печень, алюминиевые миски и т. д. Оказывается, Владимир Сергеевич, познакомив наших мам со своим геологическим дипломом, сумел убедить их в том, что «дети» в шалаше отдыхают великолепно и единственно, что им нужно,— это продукты. И тут уж мамы постарались!

Заодно они снабдили Владимира Сергеевича и кухонным ножом с деревянной ручкой, и огромной кастрюлей, и двумя одеялами с подушкой. Из одного рюкзака торчали короткая саперная лопатка и топорик.

Сколько все-таки нужно вещей для того, чтобы прожить человеку!

Для продуктов мы с Лешкой начали рыть погреб. Но Владимир Сергеевич сказал, что погреб без кирпичной обкладки — это чепуха. Он скоро обвалится, и в нем появятся мыши. Тогда на елке мы выбрали здоровый сук и начали на нем подвешивать на шпагате кульки и свертки. Получалось что-то вроде новогодней елки.

Под этой же толстой елкой из ровных стволов молоденьких осин мы без единого гвоздя соорудили четырехугольный стол с плетеной крышкой и три скамейки. Рядом с шалашом над костром на случай дождя был поставлен густой навес из еловых веток.

Через день-другой о нашем шалаше, видно, не без участия Сашки Косого, прослышали в двух соседних деревнях и к нам поглядеть на наше житье-бытье стали приходить гости.

Пришел как-то раз лесник с ружьем — здоровенный мужчина в сиреневой рубахе. Мы ему налили кружку кофе, дали сахару и стали расспрашивать, а не водятся ли в его лесу медведи.

— Медведи, буде?! — переспросил он.— Отродясь не видывал! Что касается лосей, то это водятся. Я сам стою на реке, гляжу, переплывает какое-то дерево, да против течения прет! Удивительно, думаю, дерево, а против течения! А потом гляжу, буде, это дерево на берег на четырех ногах вылазит...

— Вот фольклор! — восхищенно шепнул мне Лешка.

— «Буде» да «буде».— И снова к леснику: — А вы какие-нибудь народные причеты знаете?

— Чего сказываете?

— Я говорю, ну вы какие-нибудь сказки знаете или причитания?

— Сказками не балуюсь,— ответил лесник,— и причитания не знаю. А вот бабка Кузьминична на том берегу, километров за десять, она, как хор Пятницкого, про что хошь, буде, проголосит...

Лесник еще выпил кружку кофе, церемонно поклонился и ушел. Однако вскоре он вернулся и добавил:

— Вы с огнем не того! А то я вас того! — И опять скрылся в кустах.

Зашла к нам как-то тетя Груня и, увидев, как мы уплетаем за обе щеки картошку «в мундире», сказала:

— А может, вам в готовке пособить, а? Вы, ребята, меня не стесняйтесь. Хотите, я вам буду готовить и вы ко мне будете приходить? Тут можно и мясца достать говяжьего али курочки. А вы, небось, все всухомячку да всухомячку?

— Спасибо, тетя Груня,— сказал я,— но мы не всухомячку... У нас все бывает: и первое, и второе, и третье.

— Ну?! — улыбнулась тетя Груня.— Как в чайной?

И вот наступил долгожданный отдых. Наш шалаш стал теперь крепостью, неуязвимой со всех точек зрения: продукты у нас есть, безопасность жилья гарантирована. Для самообороны от неизвестных нам пока «медведей» мы обтесали два дубовых «дрына».

Первый свободный от работы день мы с утра до вечера купались, на второй день мы ходили за ягодами. На третий — делали себе луки и стрелы и стреляли, как индейцы, в цель — в трухлявое дупло.

А на четвертый я задумался: ну, ладно, вот мы едим, спим, отдыхаем в лесу, а дальше что? Неужели и все лето так пройдет?

— А хотя бы и так,— глубокомысленно сказал мне Лешка.— Чем плохо? Тут пташки поют, там разные букашки чирикают.

— Но ведь так же скучно — только есть и спать!

— Ну, не ешь и не спи, а по мне, это в самый раз... Дети должны наслаждаться своим золотым детством. Так сам Толстой сказал.

— Значит, надо баклуши бить?

— Во-первых, ты мне объясни, что такое... «баклуши», а, во-вторых, если кто и бьет их, то все равно, значит, работает...— У Лешки был иронический тон.

— Слушай! — сказал я.— Ну зачем мы сюда приехали? Я считаю, что мы приехали сюда для того, чтобы закаляться и вырабатывать характер. Так? А характер вырабатывается в борьбе с жизненными трудностями.

— А где их достать, эти жизненные трудности? — спросил Лешка.

— Ты знаешь, мне сейчас в голову пришла великолепная идея: надо отказаться от всех денег, которые у нас есть, от помощи пап и мам и надо начать самостоятельную жизнь!

— Что?! Самостоятельную?! — удивился Лешка.

— Да.

— Без пап и мам?!

— Да.

— Не выдержим! — сказал Лешка.

Владимир Сергеевич при этом разговоре не присутствовал. Он ходил на станцию за свежей газетой. Но когда вернулся, вдруг спросил нас:

— Друзья, а вы знаете, что самое плохое на свете?..

Мы с Лешкой насторожились.

— ...самое плохое на свете,— продолжал Владимир Сергеевич.— это безыдейное существование. Понятно?

— А мы тут при чем? — перебил его Лешка.

— При том, что мы с вами уже четвертый день зазря небо коптим. Мы ничего не делаем, ни хорошего, ни плохого... А посему совещание по вопросу о смысле жизни в нашем шалаше считаю открытым. Кто хочет слова?

В предвечерней тишине леса было отчетливо слышно далекое «ку-ку». За оврагом в пионерский горн дудел пастух. Оттуда слышалось мычание, хлопанье хлыста и крики подпасков: «Э-эй, дуреха! Куда понесло!» Вероятно, стадо уже потихоньку шло к деревне. До нашего слуха долетал приятный звон. «Дилинь-дон! Дилинь-дон! Дилинь-дон!» — захлебывались многочисленные колокольчики.

— А мы с Юркой уже говорили на эту тему, — сказал Лешка.— И он знаете, что предлагает? Вот чудак! Чтобы мы отказались от всех папо-маминых продуктов и начали самостоятельную жизнь!

При слове «самостоятельную» Лешка поднял указательный палец и засмеялся.

— Ого! Интересный разговор! Прямо о пионерских ступеньках,— улыбнулся Владимир Сергеевич.— Ну, и на чем же вы порешили?

— А ни на чем. Не выдержим!

— А долго будут продолжаться ваши, то есть наши, испытания? — спросил Владимир Сергеевич.

— Я предлагаю весь шалашный период.

— Веселенькая затейка! — пробурчал Лешка.— Обалдел!

— А я стою за это испытание,— вдруг обрадованно сказал Владимир Сергеевич.— Это любопытно придумано. Итак, голосуем. Кто за самостоятельную жизнь? Кто против? Кто воздержался?

При слове «воздержался» Лешка поднял руку.

— Против нет. Воздержался один,— сказал Владимир Сергеевич.— Но так как меньшинство подчиняется большинству, то завтра мы все начинаем трудовую жизнь. На имеющиеся у нас продукты накладывается «вето», что означает запрет... Кто не работает, тот не ест! Ура, товарищи!

— Подождите, а у меня вопрос,— сказал Лешка.— А как быть с одеждой, кастрюлями, топором и другими вещами? Их что, придется отослать обратно в Москву?

— Нет, отсылать не будем,— ответил Владимир Сергеевич.

— Но ведь эти вещи не наши, а пап и мам!

— А мы предположим, что мы их взяли в долг или нам, так сказать, их подарили.

— Ладно,— вдруг торжественно сказал Лешка.— А давайте также и продукты и деньги возьмем будто в долг или предположим, что нам их подарили... Вот и весь выход из положения!

— Товарищи,— будто стоя на трибуне, официальным голосом сказал Владимир Сергеевич,— мы, кажется, этот вопрос решили, и вновь к нему возвращаться уже нет смысла.

— Но что мы будем есть на ужин?! — закричал Лешка.

— Ни-че-го,— по складам разъяснил Владимир Сергеевич— Это даже полезно. Один врач говорил: завтрак съедай сам, обед подели с другом, а ужин отдай врагу... В общем, теперь мы с вами несчастные сироты! Но у нас есть голова, руки и ноги.

И, словно для того, чтобы лишний раз показать свои ноги, Владимир Сергеевич стал затаптывать костер...

Но в этот вечер мы все-таки поужинали. Мы съели колбасу, привезенную из Москвы. И не оттого, что у нас не было воли отказаться от нее, а лишь для того, чтобы ее не выбрасывать. К утру она могла протухнуть!

5. ДА ЗДРАВСТВУЮТ ПАМПУШКИ!

Наша самостоятельная жизнь началась ранним дождливым утром, когда мы, промокшие до нитки, вылезли после ночи из шалаша и пытались разжечь костер.

Спички и дрова были мокрыми. Единственная надежда была у нас — найти в потухшем костре под навесом из листьев хоть одну маленькую искорку.

Осторожно, тоненькой палочкой мы стали разгребать глиноподобную золу, и вскоре под толстым пластом на конце обгоревшего сучка мы обнаружили маленький розовый огонечек.

Под нашими губами он то ярко разгорался, то мерк и никак не хотел переходить на полусухой мох, найденный в шалаше. Мы с трепетом смотрели на огонек, и наши сердца замирали, когда он потихоньку начинал покрываться матовым налетом.

Наконец маленькая искорка поползла по одной из ниточек мха и перескочила на соседнюю.

— Теперь я... один! — вдруг еле слышно скомандовал Владимир Сергеевич и, вытянув губы, стал дуть на мох.

Розовые ниточки все больше и больше расползались по сторонам, и в руках у Владимира Сергеевича вскоре очутилось огненное гнездышко с выгоревшей серединой.

— Ух, спасены! — вздохнул он и, положив «гнездо» на землю, прикрыл его сосновыми иголками. И вдруг над всей кучкой, словно над маленьким чумом, заколебался едкий дымок...

Вскоре мы разложили большой костер для того, чтобы обогреться, и маленький — для кастрюли с водой.

Умывшись на роднике, мы сели завтракать, то есть выпили по стакану горячей воды с брусничным листом.

У меня и у Лешки вода в желудке свободно переливалась, и эти «переливы» были очень хорошо слышны Владимиру Сергеевичу.

— Ну-с, товарищи романтики,— наконец спросил он,— надо завтракать, а чем? Денег и хлеба нет! Но есть желание стать полезными людьми.

— Я предлагаю на завтрак варить топор,— оптимистически сказал Лешка.— Помните, как в одной сказочке солдат топор варил? У нас будет суп из топора, а на второе мы его обсосем, как будто сахарную косточку. Вот проблема и решена!

— Уж лучше тогда ботинки взять,— сказал я,— они из кожи. Это очень вкусно — навар из подметок!

— Ну вы, дети! Развеселились! — сказал Владимир Сергеевич.— Я вас серьезно спрашиваю, а вы хиханьки да хаханьки!

— А знаете,— вдруг осветился Лешка,— деньги на хлеб будут! Я уже думал об этом.

— Значит, ты хлеб берешь на себя? — спросил я.

— Беру.

— Чудесно! — сказал Владимир Сергеевич.— А мы с Юркой берем на себя другое съестное! Только чур, деньги у Зойки не добывать!

— Ну зачем мне Зойка! — улыбнулся Лешка и, взяв кастрюлю и стакан, пошел по направлению к станции.

— Убежит? — спросил я Владимира Сергеевича.

— В Москву? Да нет, не думаю... А убежит — бог с ним! Нам такие люди не нужны.

— А какие нужны?

— Люди дела! Раз постановили, значит, выполняй! А то куда это годится: сегодня скажешь одно, а завтра другое. Сам себя уважать перестанешь. А это самое страшное на свете.

По серому зеркалу Оки расходились миллионы маленьких кружков, мелкий дождик шуршал в кустах ивняка, выбивал на песке рябинки. Зеленые окрестности были задернуты легким туманцем. В природе было что-то такое осеннее и печальное!

«А может быть, и мне поехать в Москву?— думал я.— А ну его... этот шалаш и «самостоятельную» жизнь!»

Сняв брюки, мы с Владимиром Сергеевичем начали ловить рыбу... руками. Дул холодноватый ветер.

Я предлагал сбегать в деревню к Сашке Косому за удочками, но Владимир Сергеевич махнул рукой.

— Ладно, обойдемся. На одном конце крючок, на другом дурачок! Рыбу можно по-всякому ловить...

Мы подходили в воде к ивовому кустарнику и осторожно шарили под его корнями. Владимир Сергеевич мне сказал, что в дождливую погоду рыба любит стоять в корнях или под корягами. И в подтверждение своих слов он вскоре выкинул на берег маленького пескаря. Я выломал прутик с сучком на конце и продел его сквозь рыбьи жабры и рот.

Я несколько раз чувствовал, как в мои ладони тюкались рыбки, но схватить их мне не удавалось.

— А ты не торопись, медленно, без шума,— погрузившись по горло в воду и еле заметно подбираясь к ивняку, учил меня Владимир Сергеевич. И вдруг — цоп — в его руке опять блестит рыбка!

За час мы наловили семь рыбок. В конце концов и я поймал одну: серебряной елочкой висели они у нас на прутике и тянули граммов на двести пятьдесят. Как-никак, а завтрак у нас все-таки был.

Я то и дело выскакивал из воды и бегал по берегу. У Владимира Сергеевича лицо посинело, и он отчаянно щелкал зубами.

— Вот бы сейчас стаканчик горячего какао да яичницу с жареной ветчиной,— говорил он, переходя по реке с места на место.

— А может быть, лучше сосиски с пюре на молоке? — вторил я ему.

Мы еще с полчаса ходили по реке, но поймать еще какую-нибудь дурную уклейку или зазевавшегося пескаря нам не удалось.

Придя к шалашу, мы почистили рыбу, посыпали солью и уложили в кастрюлю. После чистки рыбки сделались еще меньше, но Владимир Сергеевич не огорчался. Он то и дело подливал в кастрюлю воды.

— Одно ведро воды,— говорил он,— заменяет сто граммов мяса. А два ведра воды — два яйца. И стоит только нам вскипятить три ведра воды, как у нас будет королевский завтрак!

В кастрюле уклейка догоняла уклейку.

Наша «уха» бурлила долго, а Лешки все не было. Без него завтракать мы не могли.

Мы с Владимиром Сергеевичем лишь в порядке пробы съели по четыре ложки ухи. И остались довольны. Мутно-серая вода с костями была приятно солоноватой и отдаленно пахла рыбьим жиром.

— А Лешка, видимо, все-таки удрал к своей мамочке,— сказал я, вдыхая парок над кастрюлей.— Уже к Казанскому вокзалу подъезжает.

— Ты прав, надо садиться за стол,— сказал Владимир Сергеевич.— Что ж, будем есть без хлеба.

— Слушайте, Владимир Сергеевич,— сказал я,— а может быть, взять нам какой-нибудь крупы и насыпать в кастрюлю. Все-таки сытнее будет.

— А уговор?

— Да бог с ним, с этим уговором.

— А ты, брат, малодушный,— усмехнулся Владимир Сергеевич.— Говорил, надо воспитывать волю, надо закалять характер, а сам? Можешь, конечно, брать продукты. Там, кстати, на веревочках висит и масло и сахар. Я их рюкзаком прикрыл — не промокли.

Он взял ложку и принялся хлебать нашу уху.

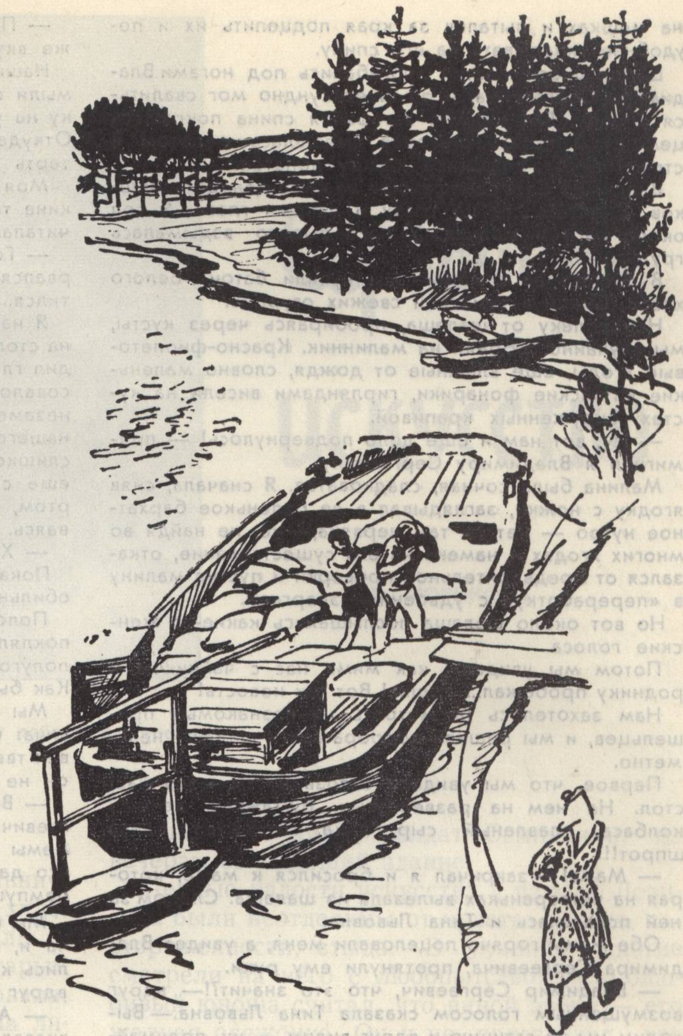
Кастрюлю мы уничтожили в пять минут. Но не всю. Мы еще надеялись, что придет Лешка и спросит свою порцию.

Дождь перестал. С неба уходили последние тучи, и лес ежеминутно менял свое освещение: то становился ярко-зеленым от солнечных лучей, то моментально темнел. И миллионы капелек на ветвях, на сосновых иголках, на цветах то вспыхивали, как алмазы, то угасали. И птичий щебет то умолкал, то раздавался с новой силой. Потом вдруг все зазеленело, зацвенькало, засверкало, и к нам в лес пришло ослепительное, жаркое утро!

— Да здравствует шалаш — поели и шабаш! — воскликнул Владимир Сергеевич.— Начинаем трудовой день! Сегодня у нас разведка: где работа, какая работа? Мы можем пойти на подсобное хозяйство дома отдыха, в колхоз. А то и на Оку: видел, там баржа с цементом пришла? Станем грузчиками! Лучше помогать от чистого сердца, чем болтаться без дела! Все работы хороши, выбирай на вкус...

Мы прикрыли наш шалаш «дверью», сплетенной из еловых ветвей, предварительно уложив в него все походное имущество, и снова отправились на реку.

Маленькая баржа была причалена к деревянным

жиденьким мосткам. Она была уже наполовину разгружена, и цемент в мешках лежал под брезентом на берегу. Около баржи нас встретила женщина-сторож.

— Скажите, тетя,— обратился к ней Владимир Сергеевич,— а чья это баржа?

— Колхозная!

— А разгружать будете?

— Будем. Разгрузка — рубль за мешок. Вынести из баржи и уложить. В мешке килограммов сорок...

Владимир Сергеевич, прищурив глаз, прикинул расстояние от баржи до штабеля мешков и спросил:

— А деньги когда?

— Грузите — и сразу получите...

— Без ведомостей?! — улыбнулся Владимир Сергеевич.

— Да зачем они, волынку разводить? Мне председатель дал сотню и говорит: «Найдешь грузчиков— рассчитывайся сама».

— Отличная постановка дела! — сказал Владимир Сергеевич и, сняв с себя рубаху и штаны, бросил их на траву.

Эта работа была очень тяжелая. Помогать Владимиру Сергеевичу я не мог. Я только стоял в барже

на мешках и пытался за края подцепить их и поудобнее укладывать на его спину.

Шатающиеся мостки прогибались под ногами Владимира Сергеевича, и он ежесекундно мог свалиться в воду. Его черная, загорелая спина покрылась цементной пылью, которая смешалась с потом и струилась по ложбинке между лопаток.

Владимир Сергеевич вынес на себе двадцать мешков, а потом лег на траву и закрыл глаза. Я сел около него и молчал. У него высоко вздымалась грудь.

В буфете на станции мы купили батон белого хлеба, бычки в томате и свежих огурцов.

Неподалеку от шалаша, пробираясь через кусты, мы случайно забрели на малинник. Красно-фиолетовые ягоды, еще влажные от дождя, словно маленькие китайские фонарики, гирляндами висели на кустах, окруженных крапивой.

— Ну, вот нам и еще дело подвернулось! — подмигнул я Владимиру Сергеевичу.

Малина была сочная, сладковатая. Я сначала, сняв ягодку с ножки, заглядывал в ее беленькое бархатное нутро — нет ли там червяка,— но, не найдя во многих ягодах и намека на его существование, отказался от предварительной проверки и пустил малину в «переработку» с удвоенной энергией.

Но вот около шалаша послышались какие-то женские голоса.

Потом мы увидели, как мимо нас с чайником к роднику пробежал... Лешка! Вот так новость!

Нам захотелось посмотреть на незнакомых пришельцев, и мы решили подобраться к шалашу незаметно.

Первое, что мы увидели сквозь кусты,— это наш стол. На нем на развернутых бумажках лежали колбаса, плавленый сыр, яйца, открытая банка шпрот!!!

— Мама! — закричал я и бросился к маме, которая на четвереньках вылезала из шалаша. Следом за ней показалась и Тина Львовна.

Обе мамы горячо поцеловали меня, а увидев Владимира Сергеевича, протянули ему руки.

— Владимир Сергеевич, что это значит?!— вдруг возмущенным голосом сказала Тина Львовна.— Выходим мы на станцию и вдруг видим — ну, подумайте только! — мой мальчик на перроне! И что он делает?! Торгует земляникой! Я его спросила: «Сколько стоит?» А он: «Два рубля стакан!» Держит в руках кастрюлю и торгует! Скажите, что это такое?!

Но Владимир Сергеевич что-то промычал в ответ и тут же, улыбаясь, пошел в лес за дровами.

Лешка принес с родника чайник и повесил его над костром на толстой палке. Потом он полез в шалаш и. вытащив оттуда буханку черного хлеба, положил ее на стол и торжественно сказал:

— Вот! Моя! А у вас что-нибудь есть?

Я показал ему пальцем на кастрюлю с «ухой».

Тина Львовна взяла кастрюлю в руки, понюхала ее и брезгливо поставила на стол.

— Ты что даешь?!— спросила она меня.— Ты видел, что ты даешь ребенку?!

— Это уха, мы тоже ею питались.

— А ты загляни в кастрюлю, загляни!

Я заглянул в кастрюлю и ахнул. В нашей ухе было полно еловых иголок, которые, видно, нападали туда с шалашных веток.

— Подумаешь, «иголки»!— сказал я.— С ними даже вкуснее. Это витамины.

Наши мамы в четыре проворных руки быстро вымыли стаканы, ложки, тарелки, поставили сковородку на угли и зажарили яичницу с луком и колбасой. Откуда-то у нас на столе появилась бумажная скатерть и букетик ромашек.

Моя мама то и дело гладила меня по голове; Лешкина тоже не сводила глаз со своего сынка и причитала:

— Господи, на кого он стал похож! Похудел, оборвался, на шее космы... Совсем в папуаса превратился...

Я наблюдал за Лешкой. Он все время поглядывал на стол с богатой закуской, но одновременно не сводил глаз и с нашей «ухи». Его, видно, очень интересовало: а как мы выполнили свой долг? Потом он незаметно от мамы взял в руки ложку и хлебнул нашего варева. Рыбно-хвойный суп, видно, был слишком крепок — Лешка тут же выплюнул его и еще с минуту после этой еды ходил с открытым ртом, часто-часто дыша и ежесекундно отплевываясь.

— Хороша кашка, да мала чашка! — сказал он.

Пока наши мамы заканчивали приготовления к обильному обеду, мы устроили тайное совещание.

Положение было тяжелое. С одной стороны, мы поклялись жить самостоятельно, а с другой,— в этот полуголодный день у нас от снеди ломится стол. Как быть? И тем более, что Лешка ничего не ел.

Мы с надеждой смотрели на Владимира Сергеевича: что он скажет? Мы чувствовали, что он человек твердый. Но неужели в этот «родительский» день он не снимет с нас клятвы?

— Вот слушайте! — вдруг произнес Владимир Сергеевич.— Наше слово нерушимо. Однако если ваши мамы узнают о нашем секрете, нас будут бить. Так что да здравствует на один день колбаса и прочие пампушки!

Мы были готовы расцеловать Владимира Сергеевича и, не дожидаясь маминых приглашений, бросились к столу. После первой чашки чая Тина Львовна вдруг подняла руку.

— А вы знаете что? Я привезла вам подарок,— сказала она и полезла в кожаную сумку.— Вернее, «вам» вообще, а в частности моему сыну. Вот смотрите...

Хотя я и недолюбливал Тину Львовну, но в этот раз она меня необычайно подкупила: в ее руках я увидел новенький фотоаппарат «ФЭД»!

Этот «ФЭД» принадлежал Лешкиному отцу и все время лежал в его столе без дела, но теперь он будет в верных руках! Мы уж тут зафиксируем для потомков всю нашу жизнь!

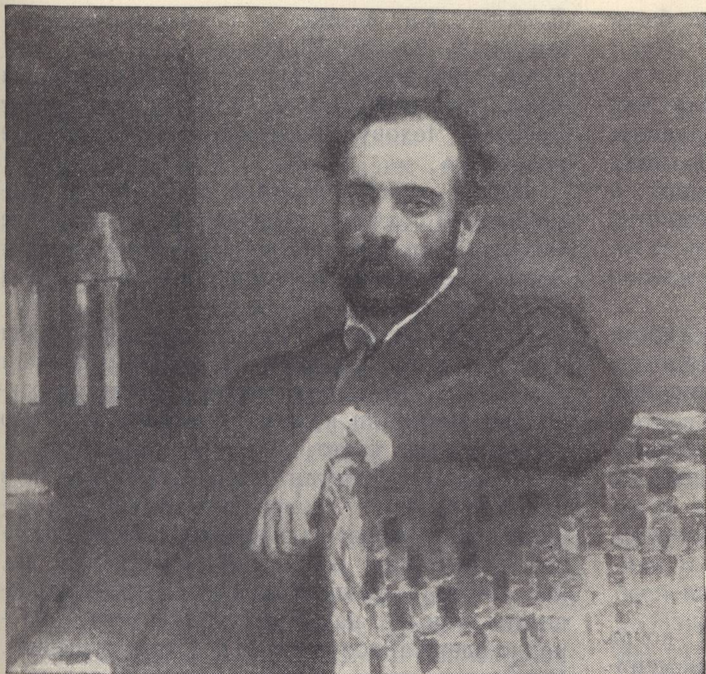
Торжественный приезд наших мам в шалаш был запечатлен на пленке до самых мельчайших подробностей. Мы их сфотографировали и в лесу, и на реке, и спящими в шалаше.

Под конец дня, перед отъездом в Москву, они уже окончательно согласились с нашим цыганским существованием и даже перешли на восклицательные фразы:

— Ах, как здесь прелестно! Ах, какой воздух! Ах, как пахнут эти цветы!

И, слыша эти восклицания, мы были очень счастливы тем, что доставили нашим мамам большую радость.

(Окончание следует.)

И. Левитан

Портрет работы В. Серова.

Сердечное искусство

Ю. НОВИКОВА

УЧИТЕЛЯ ХУДОЖНИКА

Хоронили Саврасова. Народу в больничном дворе собралось немного. Ученики художественных школ оживленно толковали о своем. Никто из них не встречался со старым художником, его смерть их не волновала. Тем заметнее была искренняя печаль на лице красивого, не очень молодого уже человека...

— Левитан... Исаак Ильич пришел, — зашептались ученики при его появлении.

Кивнув им головой, Левитан отошел в сторону. Отсюда, с Калужской улицы, открывался великолепный вид на Воробьевы горы, на Москву-реку, уходящую в осенний туман. Но Левитану было сейчас не до красот. Умер Алексей Кондратьевич. Нет больше Саврасова.

...С саврасовской мастерской связана вся юность Левитана — горькая, счастливая, нищая. Кажется, во всем Московском училище живописи, ваяния и зодчества не было ученика бедней, чем Исаак Левитан. Круглый сирота, оставшийся без всяких средств, он даже жилья в ту пору не имел. Не раз приходилось ночевать в пустующем верхнем этаже училища, где, по преданию, бродили привидения. Призраки не пугали Левитана. Опасней был живой солдат Землянкин, по вечерам обходивший здание.

Первые радости искусства в памяти Левитана были неотделимы от чувства голода, настороженности, стыда. В училище многие смотрели на него с любопытством. Самолюбивый юноша считал, что виной этому — его жалкая одежонка. Он и не подозревал, что внимание было скорее лестным. Одних поражала редкая красота Левитана — в те годы он походил на кудрявого итальянца с площадей Флоренции. До других дошли слухи о его даровитости.

«Талант», — говорили у него за спиной. А «талант» терпеливо дожидался, пока товарищи разойдутся по классам. Только тогда он обращался к буфетчику Моисеевичу с застенчивой просьбой: дать в долг (опять в долг!) дневное пропитание — кусок хлеба с колбасой да стакан молока.

Не было места для работы, не было красок, и все же Алексей Кондратьевич Саврасов, ведший мастерскую пейзажистов, заметил страсть юноши к искусству, любовь его к природе. Да и кто мог оценить эти свойства лучше, чем автор картины «Грачи прилетели»?!

Сам он, Саврасов, был влюблен в русскую природу. Случалось, он входил в мастер-

скую сияющий и торжественно, как о большом событии, возвещал:

— Дуб расцвел, дети мои!

Тотчас вся мастерская во главе с учителем отправлялась за город, в Сокольники, писать расцветший дуб. Весной занятия «саврасовцев» шли в зеленеющих рощах и полях. Писали самозабвенно, до темноты. До поздней ночи спорили о написанном. В горячих спорах, в общении с природой крепло дарование Левитана.

Все глубже постигал он красоту скромной природы Подмосковья, отыскивал в самом простом и обыкновенном трогательные черты.

Учителями Левитана в этом направлении были прекрасные пейзажисты: Саврасов, а позднее Поленов.

Третьим учителем была русская природа.

ДВА ИМЕНИ

Левитану не было двадцати лет, когда Третьяков купил у него для своей знаменитой галереи картину «Осенний день. Сокольники». Женскую фигуру, идущую по аллее, молодому пейзажисту помогал писать товарищ по училищу, портретист Николай Чехов.

С этого времени и началось знакомство Левитана с семьей Чеховых. Но с Антоном Павловичем, с писателем Чеховым, он подружился позднее, уже окончив училище.

На первый взгляд это была обычная дружба двух молодых, неугомонно подвижных людей. Три лета подряд гостил «Левиташа» у Чеховых в Бабкине. И все эти летние месяцы были заполнены шутками, веселыми шалостями. Переодетый бедуином или же чеченцем, Левитан разыгрывал сцены, которые тут же на ходу придумывал Антон Чехов. Вдвоем они ходили на тягу и не столько охотились, сколько «слушали» красоту леса... «Поэтичное Бабкино», — говорил Левитан. Здесь начал он писать свою «Березовую рощу», свежую, пронизанную солнцем.

Никто лучше Антона Павловича не умел излечивать Левитана от припадков тоски и неверия в себя, которым художник был часто подвержен. И все же они были разными: сдержанный, слегка насмешливый Чехов и Левитан, порывистый, неровный, болезненно самолюбивый... Не это ли свойство и было причиной ссоры, на долгое время их разлучившей? Но как радовались оба, когда ссора была забыта! Писательница, друг чеховского дома Щепкина-Куперник, примирившая друзей, вспоминает, как в тот день подергивались влажным блеском прекрасные глаза Левитана, как весело сияли обычно задумчивые глаза Антона Павловича.

Оба они ценили друг друга. «Ты поразил меня, как пейзажист», — писал пейзажист Левитан Чехову, перечитав его «Пестрые рассказы».

«Это — такой огромный, самобытный, оригинальный талант», — говорил о Левитане Чехов. Он не говорил это Левитану в глаза. В глаза они больше подшучивали друг над другом.

Но дело не только во взаимном уважении и не в мелких размолвках. У этой дружбы более глубокие корни. Чехов и Левитан одинаково понимали красоту в искусстве, а это случается не часто.

И Чехов и Левитан умели видеть поэзию в самом обыденном, повседневном. Оба не любили ярких, дешевых эффектов. Левитан опасался не в меру кричащей краски, так же, как Чехов — пышной фразы. Искусство Левитана, так же, как искусство Чехова, благородно-сдержанное и вместе с тем душевное. И нередко, когда мы хотим описать задумчиво тихий пейзаж или же полного внутреннего изящества человека, мы вместо объяснений просто говорим: «чеховский», «левитановский», невольно ставя два эти имени рядом.

УНИВЕРСИТЕТ ХУДОЖНИКА

Саврасовская мастерская была для Левитана хорошей школой. И все же настоящая, «высшая» школа началась за порогом училища, в самостоятельной работе, в единоборстве художника с природой, с ее дразнящей и ускользающей красотой.

Мало чувствовать прекрасное, надо суметь передать его. Как часто порывистый, требовательный к себе художник изнемогал в этой борьбе, отбрасывал начатое, снова принимался за кисть!.. Сокольники, Саввина слобода близ Звенигорода, Бабкино, Останкино — вот места этих бескровных сражений. Здесь Левитан одержал немало побед, но ему казалось, что он еще не нащупал чего-то самого важного... Волга, полноводная Волга, вдохновившая в свое время Репина, влекла к себе художника. Наконец он попал на Волгу.

Великая река встретила Левитана неприветливо. Лил дождь. Волга была серой, холодной. «Ждал я Волги, как источника сильных художественных впечатлений, а взамен этого она показалась мне настолько тоскливой и мертвой, что у меня заныло сердце и явилась мысль, не уехать ли обратно», — писал с волжских берегов художник Чехову.

Однако прошло несколько дней, и Левитан «почувствовал» Волгу. Один за другим писал он этюды. В воображении рисовалась большая картина. Репродукцию с этой картины — первой волжской картины Левитана, «Вечер на Волге», — мы видим здесь, на вкладке журнала.

Давайте сосредоточим внимание на картине так, чтобы совсем не замечать окружающего. Перед нами Волга в дождливый холодный вечер. Недвижные серые воды отражают небо, покрытое тучами... Нерадостно, неприютно здесь на первый взгляд. Но чем дольше и внимательней будем мы смотреть, тем сильней нас охватит чувство простора и воли. Сколько скрытой мощи в этой недвижной реке, какие гигантские пространства расстилаются за ней!

И краски, которые мы восприняли вначале как тускловатые, бедные, оказываются вовсе не бедны. Конечно, это не яркие краски пасмурного вечера, но какое здесь богатство оттенков, какое многообразие и тонкость переходов от белого к черному! И как стройно, правдиво и гармонично передал это художник!

В своих подмосковных пейзажах Левитан уловил застенчивую прелесть, трепетность, «усталую нежность» русской природы. Теперь он увидел в ней новое. Он почувствовал скрытые в ней могучие силы.

Еще не раз Левитан приезжал на Волгу. Особенно полюбился ему тихий городок Плес. Художник писал его в золотой закатный час, после дождя, в сумерки... Иные из волжских картин полны прелестей «левитановской» задумчивой грусти. Но в иных звучат бодрые, звонкие ноты, они точно пронизаны свежим речным ветром.

— Знаешь, на твоих картинах даже появилась улыбка, — сказал о таких полотнах Чехов.

ТОЧНО ЛИ НЕТ ЧЕЛОВЕКА?

На пейзажах Левитана почти никогда нет человеческих фигур. В его картинах вы увидите домики, лодки, пароходы, иной раз мелькнет лошадка с дровнями. Все это говорит о человеке, о его жизни и труде. А самого человека нет...

Но точно ли нет его?

Вот картина «Владимирка» (смотрите вкладку). Художница Кувшинникова рассказывает, как она с Левитаном — в тот год они оба работали близ Городка во Владимирской губернии — вышла на старое Владимирское шоссе. Дорога белеющей полосой убегала среди перелеска вдаль. И вдруг Левитан понял:

— Постойте... Да ведь это Владимирка, та самая Владимирка, по которой, звякая кандалами, прошло в Сибирь столько несчастного люда...

И он вспомнил слова песни:

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль,
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.

Из этой песни, из вида старой дороги после долгих поисков и работы возникла «Владимирка» — самая нашумевшая картина Левитана.

Другой художник, возможно, прямо изобразил бы вереницу арестантов, взметающих пыль кандалами... Левитан избрал другое. Его Владимирка безлюдна. Но такой щемящей тоской веет от этой дороги, уходящей в бесконечную даль, от облачного неба, от придорожного «голубца» со стертой иконкой, что мы сами представляем себе несчастных, бредущих в Сибирь, и, кажется, даже слышим окрики конвойных и звон кандалов...

Картина Левитана будит все это в нашем воображении, как мотив песни, как музыка, и мы невольно чувствуем боль, сострадание, гнев — горячие человеческие чувства.

И так с каждым пейзажем Левитана. Природа здесь всегда показана «через человека», через его восприятие. О человеческой драме говорит картина «У омута». Так ясно представляешь себе несчастную девушку, готовую броситься в теплую глубь омута; кстати, тема этой картины навеяна тем же преданием, что и пушкинская «Русалка»...

Человеческой радостью дышит чудесный «Март». А сколько нежности и светлого, человеческого ликования в картине «Весна, большая вода», в этих тоненьких трепетных деревцах!

Природа у Левитана пронизана человеческими чувствами. И пусть на его полотнах нет человеческих фигур, мы всегда чувствуем в его вещах присутствие большого человеческого сердца. Пейзажи Левитана глубоко человечны.

ИЩИТЕ СВОЕ!

Один из учеников Левитана, насмотревшись художников-французов, начал все изображать в лиловых тонах. Тогда Исаак Ильич — в ту пору он уже руководил пейзажной мастерской, как некогда Саврасов, — добродушно упрекнул «новатора»:

— Ну, зачем это вы?! Что вы, француз,

что ли? Пишите по-русски, как видите. Зачем подражать чужому, ищите свое!

Левитан вовсе не отрицал западного искусства, он ценил многих французских мастеров. Он был против слепого, бессмысленного подражания.

И новизну в искусстве Левитан тоже ставил очень высоко. Слова «это — так. Это — ново» были в его устах лучшей похвалой.

Но под новизной Левитан разумел не оригинальничанье, не тщеславное желание обязательно писать «не так, как все». В природе далеко не все еще открыто. Если художник глубоко всмотрится, а главное, «вчувствуется» в нее, он непременно подглядит то, чего еще никто не видел. И это будет подлинная, правдивая, нужная в искусстве новизна.

Сам Левитан неутомимо стремился к такой новизне, непрерывно совершенствовал свой глаз и свое мастерство. Смерть настигла его в полном расцвете творческих сил — ему не было и сорока лет. Последние работы его были так хороши, что иные считали: после Левитана нашим пейзажистам уже нечего делать.

Это не так. Как всякий большой художник, Левитан только расширил путь для тех, кто пошел вслед за ним. После Левитана был Серов, были и есть другие художники, тонко чувствующие природу. Но чудесные картины-песни Левитана неизменно восхищают, трогают, радуют нас. Глядя на них, мы еще нежней любим нашу родную землю и открываем красоту в том, что вокруг нас, к чему мы издавна привыкли. Еще больше гордимся нашим искусством, о котором так хорошо сказал Горький: «Русское искусство — сердечное искусство».

Мал золотник, да дорог

Если я куда-нибудь еду, всегда беру с собой фотоаппарат и много катушек пленки. Из расчета одна катушка в день. Снимаю реки, горы, улицы и площади городов. А больше всего снимаю людей, особенно тогда, когда они чем-нибудь заняты. Очень интересно ловить кусочки настоящей жизни. Аппарат у меня хороший, «Контакс». Мне его подарили в Германии. Я к нему привык и очень его люблю.

И вот однажды вместе с Центральным театром кукол я поехал на гастроли в Индию. Конечно, взял с собой «Контакс», а жена моя купила маленький дешевый аппарат «Смена-I». Рядом с «Контаксом» он выглядел, как ослик рядом с верблюдом. Прилетели в Индию, и в первый же день мой «Контакс» сломался. Чинить некогда. Жена отдала мне свою «Смену».

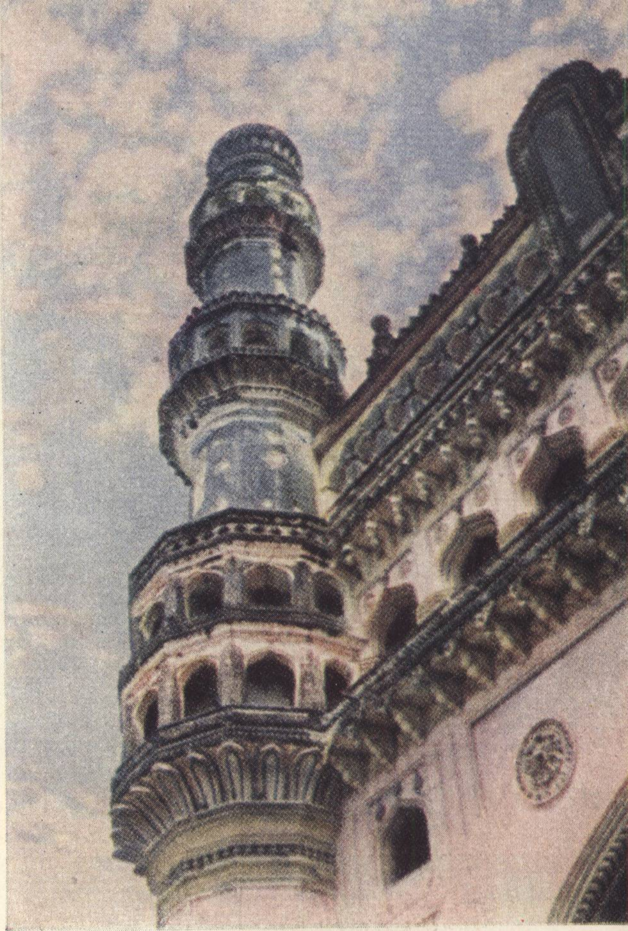
Все мне было неудобно. Все не так. И заводится «Смена» по-другому, и спусковой рычажок какой-то нескладный, и объективы менять нельзя, а главное, я был уверен, что снимки получатся очень плохие. И все-таки продолжал снимать. Уж очень много было вокруг интересного! Снял 60 катушек цветной пленки — почти две тысячи снимков. Приехал в Москву. Отдал проявлять и два дня волновался. И вдруг, оказывается, все в порядке. Конечно, некоторые снимки были не в фокусе, некоторые передержаны или недодержаны, но это уже была моя вина, а «Смена» не испортила мне ни одного снимка.

Больше полутора тысяч хороших негативов лежит у меня в конвертах, на некоторых написано: Дели, Мадрас, Агра, Калькутта, Бомбей, Джайпур, Лакнау. Моего старого друга «Контакса» в Москве починили, но теперь у меня на шее висят два аппарата — «Контакс» и «Смена»: в одном обыкновенная пленка, а в другом — цветная.

С. Образцов

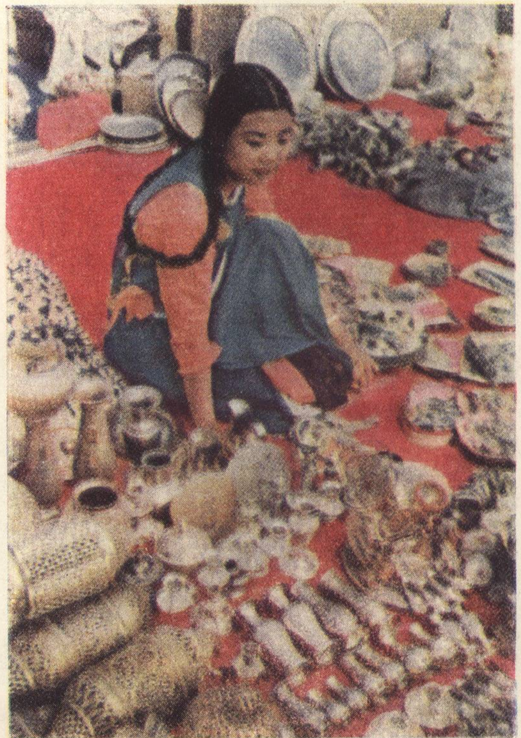
Улица Мадраса.

Одна из башен ворот Хайдарабада.

Вот снимки, сделанные в Индии народным артистом СССР Сергеем Владимировичем Образцовым, старым другом журнала «Пионер» и его читателей. В этом номере он рассказывает, как делал эти снимки и за что полюбил простой и дешевый аппарат «Смена-1».

Девушка из Непала. Непальские девушки приходят в Дели и продают на улицах ремесленные народные изделия: серьги, бусы, браслеты, маленькие глиняные или медные фигуры.

ВЕЧЕР НА ВОЛГЕ. 1886—1888 г.

ВЛАДИМИРКА. 1892 г.

Картины

И. Левитана

К столетию

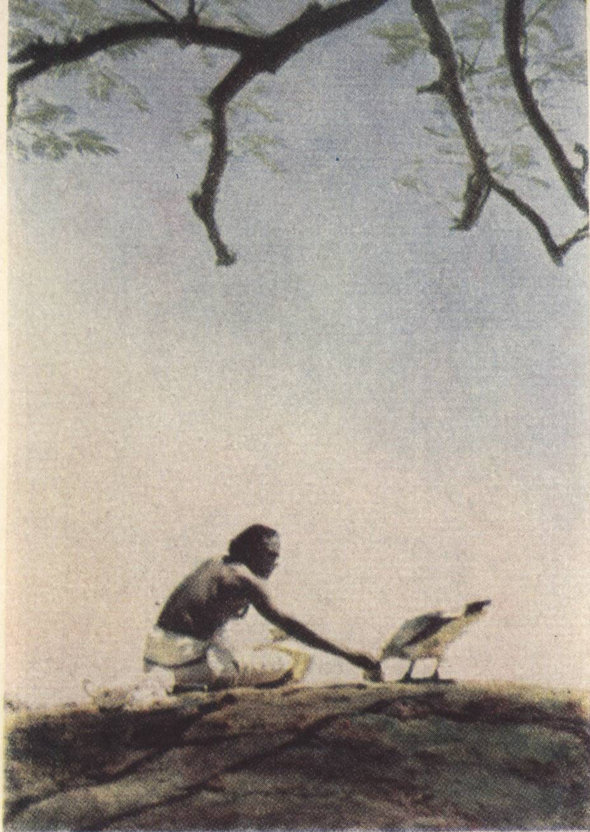
со дня рождения художника

ВЕСНА. БОЛЬШАЯ ВОДА. 1897 г

СУМЕРКИ. ЛУНА. 1899 г.

Священник храма Шивы-Вишну-Брамы кормит белого священного орла. Храм этот на горе, и по раскаленным солнцем каменным ступеням надо идти босиком, а ступенек 650.

Это мы катаемся на слонах в Джайпуре. Снимал я тоже сидя на слоне.

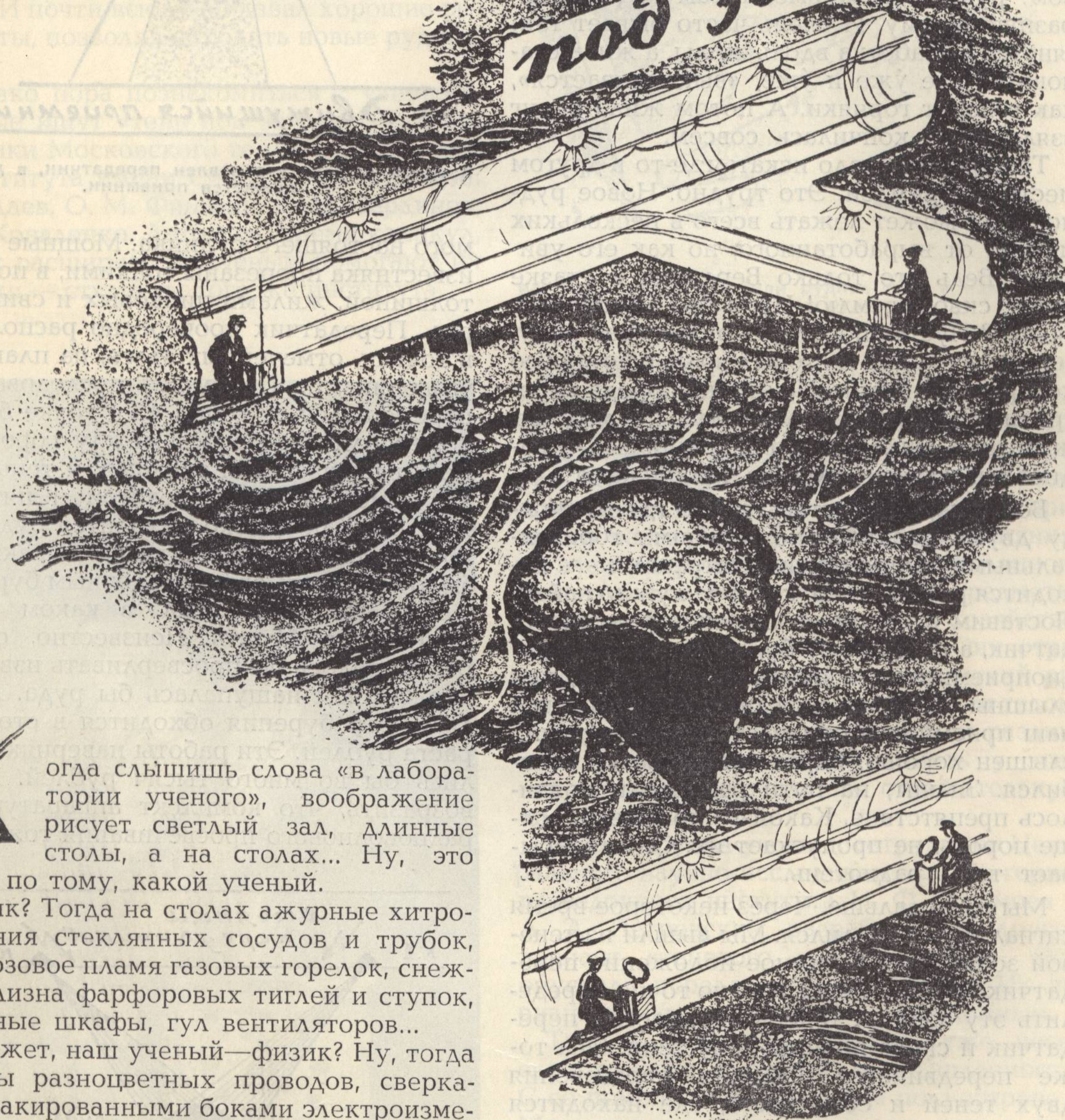

Это индийские школьницы идут к нам на спектакль. Я передал им привет от советских ребят.

Тень под землей

Ю. КАЛИНИН

Рисунки В. Цельмера.

Когда слышишь слова «в лаборатории ученого», воображение рисует светлый зал, длинные столы, а на столах... Ну, это смотря по тому, какой ученый.

Химик? Тогда на столах ажурные хитросплетения стеклянных сосудов и трубок, сине-розовое пламя газовых горелок, снежная белизна фарфоровых тиглей и ступок, вытяжные шкафы, гул вентиляторов...

А может, наш ученый—физик? Ну, тогда каскады разноцветных проводов, сверкающие лакированными боками электроизмерительные приборы, мерцающие зеленые змейки на экранах осциллографов, ровный стук вакуумного насоса, ослепительный свет дуги, треск разрядов и сладковатый запах озона.

Но сегодня вы не увидите всего этого. Сегодня мы спустимся под землю, в глубь рудника, а ученые, с которыми я вас познакомлю,— это геологи, ищущие руду.

— Зачем же искать руду в руднике? — спросите вы.— Ведь рудник устраивают там, где уже найдена руда.

Ваш вопрос не удивителен. Геолога, который ищет руду, легче всего представить себе с рюкзаком, молотком, картой. Он обязательно пробирается через леса, через горы и по неуловимым для нас признакам

находит полезные ископаемые. Или можно еще представить себе геолога-разведчика с буровой установкой. Этот сверлит «дырки» в земле — там, где обнаружена руда. Он определяет границы залегания руды, подсчитывает размеры найденных богатств.

И вот здесь возник рудник. Идет добыча руды. Но она залегает не сплошным массивом: рудные тела имеют самую разнообразную форму. И очень часто бывает так: тянется выработка вдоль жилы, а жила становится все у́же и у́же, «выклинивается», как говорят горняки. А потом жила вдруг взяла да и кончилась совсем.

Теперь руду надо искать где-то в другом месте под землей. Это трудно. Новое рудное тело может лежать всего в нескольких метрах от выработанного, но как его увидеть? Ведь это только Верлиока в сказке видит сквозь землю! Ну, а что делать не в сказке? Пустая порода, окружающая руду, непрозрачна для световых волн, с помощью которых мы видим. Но эта же порода «прозрачна» для радиоволн, а руды — медные, железные, никелевые или свинцовые — радиоволн сквозь себя не пропускают.

Вот теперь представьте, что где-то между двумя параллельно идущими горизонтальными коридорами — штреками — находится рудное тело, которое нужно найти. Поставим в одном из штреков радиопередатчик, а по другому будем двигаться с радиоприемником и отмечать при этом, как слышны сигналы передатчика. Движется наш приемник и отмечает, что передатчик слышен хорошо. Вдруг сигнал резко ослабился. Значит, на пути радиоволн появилось препятствие. Какой-то предмет в толще породы не пропускает их. Он отбрасывает тень, радиотень.

Мы идем дальше. Через некоторое время сигнал опять усилился. Мы вышли из теневой зоны. Зная взаимное положение передатчика и приемника, можно точно определить эту зону. А теперь переместим передатчик и снова поищем зону тени. Она тоже передвинется. Область пересечения двух теней и есть место, где находится рудное тело. Получается «прожектор наоборот». Прожекторы ловят самолет в скрещивающиеся лучи света. А радиопередатчик и радиоприемник «ловят» рудное тело в скрещивающиеся лучи тени. Теперь понятно, почему этот метод разведки называется теневым методом, или методом радиоволнового просвечивания.

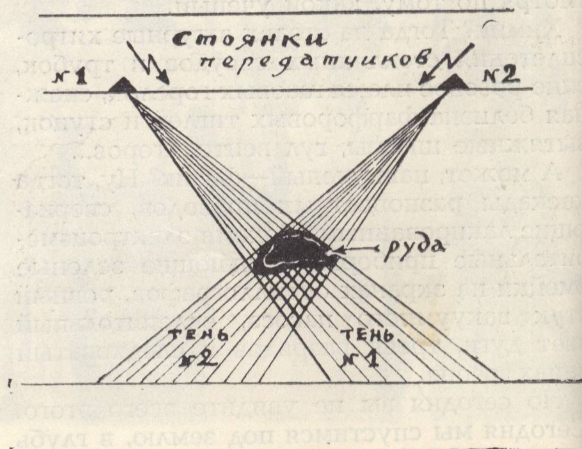
Теперь давайте посмотрим на план са-

В одном штреке установлен передатчик, в другом — движется приемник.

мого настоящего рудника. Мощные пласты известняка прорезаны тонкими, в полметра толщиной, жилами цинковых и свинцовых руд. Передатчик поочередно располагался в точках, отмеченных здесь, на плане, треугольниками. Приемник последовательно перемещался от точки 45 к точке 55. Тень номер один оказалась между сорок восьмой и пятидесятой точками, а тень номер два — между сорок девятой и пятьдесят третьей. Как близко находится рудное тело — у самой стенки штрека! И как дорого было бы искать его разведочным бурением!

Ведь никто не знал, в каком именно месте надо бурить. Неизвестно, сколько раз пришлось бы просверливать известняк, прежде чем нащупалась бы руда. А каждый метр бурения обходится в сто-полтораста рублей. Эти работы наверняка обошлись бы во много тысяч рублей. Можно возразить, что комплект аппаратуры для радиоволнового просвечивания тоже стоит

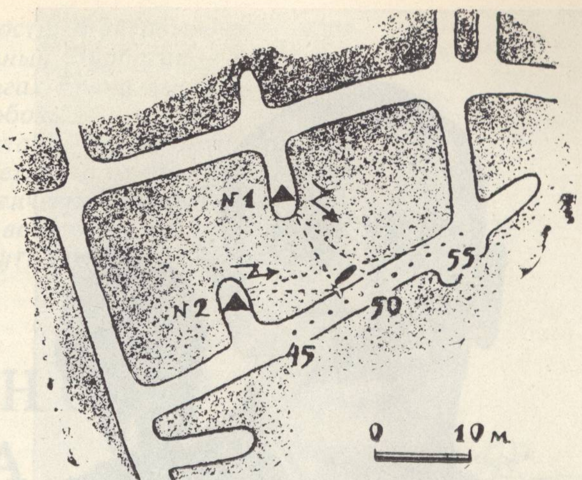

На пересечении двух теней лежит рудное тело.

недешево. Это правда. Но ведь его не бросают, найдя руду! Его можно использовать много раз. А скважина, пробуренная на пустом месте, потом уже никому не нужна, сколько бы она ни стоила.

Метод радиоволнового просвечивания испытывался на десятке различных месторождений: на Северном Урале, в Приморском крае, в Забайкалье, в Южном Казахстане. И почти всюду он давал хорошие результаты, позволяя находить новые рудные тела.

Однако пора познакомиться с учеными, которые ищут «тень под землей». Это сотрудники Московского геологоразведочного института имени Серго Орджоникидзе: Д. С. Даев, О. М. Финягин, А. И. Сердинов, Н. Д. Коваленко. Летом, во время каникул, список расширяется: ученым помогают их ученики — студенты того же института.

Вот так искали и нашли рудное тело в известняковых пластах рудника.

Антенна установлена. Сейчас передатчик начнет «просвечивать» породу.

Значит, все же геологи искали в рудниках не просто руду и ее тень? Да, конечно, не просто. Они искали новый способ искать. И это действительно было не просто! Во всяком случае не так просто, как получается в рассказе. Им, например, пришлось вести борьбу с вредными влияниями электропроводов, рельсов, вентиляционных труб. Все эти металлические предметы, такие необходимые в рудничном хозяйстве, вели себя, как «радиозеркала». Они отражали радиоволны и размывали четкий рисунок тени, отбрасываемой рудным телом.

Пришлось ученым прибегнуть к различным ухищрениям, чтобы отнять у этих непрошеных «зеркал» их отражательную способность.

Вторая группа ученых, сотрудники Центрального научно-исследовательского горно-разведочного института И. Ф. Изюмова и А. Д. Петровский, разрабатывала другой вариант «теневого просвечивания». Они опускали передатчик в скважины. Их вариант так и называется — скважинным.

Теперь «тень под землей» уже несет свою службу в горной промышленности. С ее помощью на Кольском полуострове в Мончетундре найдены новые жилы драгоценных медно-никелевых руд. И это лишь первые шаги радиоразведки. Невидимые волны сделают видимыми несметные подземные геологические «клады», таящиеся в недрах нашей земли.

Кто написал эти рассказы

А. Грин.

Сейчас вы прочитаете два рассказа. В первом из них ничего не выдумано, это точное описание жизни одной птицы. Другой — похож на сказку. Автор обоих рассказов — писатель Александр Грин.

Около тридцати лет прошло со времени смерти Грина и ровно восемьдесят исполнилось с того дня, как Александр Степанович Гриневский — впоследствии писатель А. Грин — начал свою трудную жизнь. Он родился в глухом захолустье — таким был город Вятка до революции. Уныние, бедность, побои — вот первые впечатления мальчика. Ожесточенная жизнью мать пела с горечью:

А в неволе
Поневоле,
Как собака, прозябай.

Мальчик не хотел прозябать. Он мечтал о далеких странствиях. Пробегая по глухой вятской улице с пачкой смет под мышкой — он переписывал их за гроши для городской больницы,— Александр Гриневский думал о море, покрытом парусами. Однажды ему встретились два штурманских ученика в белой форме. Как зачарованный, смотрел он на них. «Я не завидовал,— вспоминал он потом.— Я испытывал восторг и тоску».

Юношей — почти без денег, но с коробкой акварельных красок — он уехал из дому в Одессу, к морю. Он мечтал объездить на корабле весь мир, а стал подручным у грубого и жестокого хозяина небольшой шхуны... Много нелегких профессий переменил за свою жизнь Александр Грин: был грузчиком, рыбаком, работал на золотых приисках, служил в солдатах царской армии... Неудачи преследовали мечтателя. И все же он нашел цветущую землю, заселенную мужественными, добрыми людьми. Он создал ее в своих рассказах.

Человек, измученный постоянной нуждой, писал о солнечных городах — Зурбагане, Лиссе, Гель-Гью. Он писал о человеческом счастье. В голодном, промерзлом Петрограде двадцатого года, бездомный, еще не оправившийся от тифа Грин обдумывал свою пленительную повесть-сказку «Алые паруса», полную неутомимой веры в жизнь... И жизнь точно сжалилась над ним. В это тяжкое время Грину помог Алексей Максимович Горький. По просьбе Горького Грин получил, как говорили тогда, «паек», ему дали комнату с постелью и столом, на котором можно было писать. «Часто по ночам, вспоминая свою тяжелую жизнь и помощь Горького, еще не оправившийся от болезни Грин плакал от благодарности»,— рассказывает жена писателя.

Мечтатель Грин любил землю. Сердце его было исполнено любви к людям и к тому прекрасному, что есть в мире. Материал для своих

фантазий он черпал из живой действительности. Фантастическое море Грина похоже на Черное море, а выдуманный Зурбаган — на город Севастополь. И уж никак не выдуманы в книгах Грина высокие человеческие чувства: отвага, дружба, верность, любовь...

Да, рассказы, которые вы сейчас прочитаете, не похожи друг на друга. Но если вы вдумаетесь в них, вы поймете, что правдивую повесть копчика Гуля, полюбившего людей, и фантастический рассказ о матери, не побоявшейся льва, писал один человек. И, возможно, вы сразу же полюбите этого человека — доброго, зоркого, чуть грустно улыбающегося писателя Александра Грина.

Ю. Нейман

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЯСТРЕБА

РАССКАЗ-БЫЛЬ

А. ГРИН

Рисунки Г. Сундырева.

I

Сейчас, когда я пишу это краткое повествование о детстве, возмужалости, путешествиях и несчастьях ястреба, названного мною Гуль-гуль (хоть привык кликать его сокращенным «Гуль»), этот самый Гуль сидит на моем правом плече и наблюдает движение руки по бумаге.

Вскоре он понял, что происходит: «Человек рассказывает о птице. Птица — это я». Установив факт, Гуль начал чиститься. Он встряхнулся так, что все его перья отделились одно от другого, провел остро загнутым клювом по рулевым перьям хвоста и маховым — крыльев, сунул голову под крыло, вздыбил там и перечистил все, что и где мог достать, пощипал грудь, поскреб кожу между пальцев, оправил крылья, вновь сложил их, встряхнулся, так сказать, набело. И вот мгновенно исчез взъерошенный образ: перья легли рядком на свое место, красивая большая птица облетела рабочую комнату автора на высоте, доступной ему лишь с помощью стула. Сев теперь мне на левое плечо, Гуль заглянул в лицо с тем «полным понимания выражением глаз», которое так восхищает нас у животных.

Я дал Гулю утреннюю порцию мяса, которое он терзает теперь, сидя между записной книжкой и пресс-папье, и перевернул страницу.

II

В конце июня 1929 года шел мимо галереи Айвазовского мальчик с большой корзиной. Из корзины несся отчаянный вопль: «Ке-ке-ке-ке!» — и что-то хлопало. Это был двухнедельный Гуль, выпавший из гнезда и живший теперь у подобравшего его мальчика.

Заинтересованный писком, я увидел нескладное пушистое существо, очень похожее на цыпленка, только с клювом такой формы, от которой цыпленку несдобровать. Ястребок был большеголов, дик и драчлив. Между прочим, Гуль всегда выказывал безумное мужество, не считаясь никогда с силами противника — человека, собаки, котенка. Если враг, по его мнению, требовал острастки, Гуль яростно кидался на него, издавая свой боевой крик: «Ке-ке-ке-ке!» — и грозно махал крыльями. Но он почему-то боялся индеек и однажды обратился в бегство при виде стада этих глупых птиц, сонно подходивших рассмотреть ястреба.

В мире животных меня более всего привлекают птицы. Как мысль человека, они свободны, потому что летают где и когда хотят. У нас, людей, нет этого дара. Я могу часами наблюдать полет птиц, и, скажу откровенно, с завистью. Так вот, я купил Гуля у мальчика за рубль, а донес свою покупку домой с трудом, потому что Гуль бился, царапался и кусался отчаянно. Я устроил ему жилище в ящике из-под фруктов, затянув открытую сторону ящика проволочной сеткой, а внутрь я поместил камень — будто скала! Еще поставил я жестянку с водой, набросал хлеба и натыкал разных веток, чтобы было зелено Гулю, каменисто, весело. Одним словом, я увлекся птицей. Даже в мыслях у меня не было, что ястреб сделается ручным. Я хотел вырастить его и отпустить.

Публикация В. И. Сандлера. Рассказы печатаются с сокращением.

Домашние прозвали меня «мамкой». Действительно, Гуль, завидя меня, тотчас подбегал к решетке, ожидая лакомого кусочка. Он вначале ел все: хлеб, яблоки, сыр, арбуз,— но раз отведав сырого мяса, ел вегетарианскую пищу только в случае крайней необходимости, когда был голоден.

Поев, Гуль охорашивался, чистился и вспархивал на свой камень, где тотчас гадил. На камне он проводил часы размышления, а проголодавшись, прыгал около проволоки, все время пытаясь ее разогнуть.

К настоящему времени вкусы ястреба определились в таком виде: сырое мясо, сырое мясо превыше всего! Но, странно сказать, он полюбил также макароны. С макарониной в лапе, сидя на жердочке, Гуль напоминает старичка — ученого средних веков, вооруженного свитком своего реферата. Если он наелся, а макароны остались, то, разжав лапку, Гуль предоставляет огрызку падать, а сам уютно втягивает голову в плечи.

III

Через восемь дней после того, как я купил ястреба, он начал привыкать к обстановке, дичился меньше, подрос; молодые перья хвоста и крыльев ощутительно выровнялись. Все еще хотелось ему кусаться; поднося мясо к решетке, я нередко получал удар в палец. Гуль вырывал мясо из рук и пожирал его с причмокиванием: «Цвик-цвик!»

Мы с женой уехали в Старый Крым, откуда я вернулся через две недели.

В ящике на камне сидел блиставший красотой первого полного оперения молодой ястреб. Он не сразу узнал меня: всматривался долго, с сомнением, наконец признал, выразил это так: когда я открыл проволочную загородку, Гуль смело сел мне на рукав.

И тотчас укусил, как только я захотел погладить его.

IV

Выпущенный мною из ящика, он, беззастенчиво шляясь по всем комнатам, не давался в руки и оставлял знаки своего пребывания на мебели. Я начал ловить Гуля; он отлетел, побежал по полу, долго пятился задом и лишь после долгих упрашиваний сел на рукав. Тогда вверг я его в узилище, наслушавшись птичьей брани и получив несколько здоровенных щипков.

Так как Нина Николаевна[1] разрешила мне выпустить ястреба без нее, то вечером того же дня я не без волнения посадил Гуля на руку, досыта покормил его и вынес во двор.

— Гуль,— сказал я,— это свобода, понимаешь? Свобода! Это твоя жизнь!

Каюсь, я поцеловал его в спинку, но так быстро, что он не успел куснуть.

Волнение, боязнь неведомого и голос инстинкта светились в умных серых глазах птицы. Он весь дрожал, взглядывал на деревья, небо, крышу, но не слетал с руки. Я тронул его за хвост. Гуль перелетел на ветку уксусного дерева и вдруг детским движением бросился мне на грудь.

Прослезившись, я унес Гуля в комнаты, где некоторое время ходил с ним, сидящим на рукаве, не зная, что делать. Окна были раскрыты. Я поднес Гуля к окну и отпустил его. Гуль тотчас слетел на подоконник, с подоконника на мостовую, оглянулся, повернулся и решительно влетел в комнату, сев мне на голову.

При таких обстоятельствах лишь жестокое сердце решилось бы насильно гнать птицу. Обласканный безмерно мясом и словами Гуль переночевал в ящике, а утром я посадил его в клетку, оставшуюся у меня от выпущенных на волю чижей, и повез на автомобиле в Старый Крым. Клетка была обвязана платком. Трясло, но Гуль сидел смирно, прижавшись к прутьям. Взглядывая сверху сквозь складки платка, я встречал изумленный взгляд птицы. Ни одного крика. Несколько ошеломленный ездой, Гуль прибыл к нетерпеливо ожидавшей его Нине Николаевне (по телефону я сказал, что Гуль едет). Тотчас мы выпустили его, и на этот раз дело пошло удачнее: едва я открыл дверцу, как ястреб выскочил на порог клетки, помедлил одно мгновение и плавно перелетел на горизонтальный сук орехового дерева. Он переживал очарование, понятное даже нам, людям: сад, горный воздух, горы вдали, небо и уверенность в крыльях. Осмотревшись, Гуль взмахнул крыльями и описал над садом три круга.

— Осматривается, запоминает место,— сказал наш квартирохозяин, садовник Шемплинский (все собрались смотреть первый выход Гуля на широкую дорогу самостоятельной жизни).

Некоторое время ястреба не было видно за вершинами тополей. Когда он вновь показался, осмотр, надо думать, был кончен, так как Гуль резко пошел вверх; он уменьшался, исчезал, стал, наконец, едва заметной точкой вверху. Закинув голову, с завистью смотрел я, как он летит там, где плавали и другие точки. Вдруг точка — Гуль — начала падать почти отвесной линией, закатилась куда-то между городом и горой Аргамыш и исчезла. Начал Гуль сразу охотиться или не стерпел разреженного воздуха по непривычке к высоте, я не знаю, он мне никогда о том не сказал.

---

[1] Жена А. Грина.

— Вот и улетел наш Гуль,— сказала Нина Николаевна, растроганная зрелищем.— Ну, вот... Ну и пусть он живет свободно.

Все мы — Шемплинский, его жена, я и Нина Николаевна — долго спорили, вернется ястреб или нет. Втайне я надеялся, даже был уверен, что он вернется; остальные выразили сомнение: «Дикая птица». А так как весь день не было и следов Гуля, я тоже наконец поверил, что Гуль с нами простился.

Уже село солнце, когда я и Нина Николаевна возвращались с прогулки.

— У вас гость! — весело улыбаясь, сказала Шемплинская, едва мы вошли в калитку.

К великой радости нашей и удивлению, произошло следующее: на заходе солнца Гуль прилетел, посидел на крыше и спустился на дерево перед окном. Хозяйка взяла его и посадила в клетку, куда он прыгнул охотно.

Удивлению нашему не было конца. Мы накормили Гуля вареным мясом; я подвесил клетку к веревке, протянутой между беседкой и деревом, чтобы кошка не схватила птицу (кошки ломают клетки), а наутро Гуль опять улетел, возвратившись вечером как к себе домой. Тут я сделал ошибку, начав его ловить, чтобы посадить на ночь в клетку; ястреб дал поймать себя, но потом, как близко ни садился ко мне, схватить его я уже не мог.

С третьего дня свободы Гуль установил для себя такой режим: утром он сидел на трубе дома, махая крыльями и криком требуя пищи. Вначале я бросал ему на крышу мясо, сливы и куриные кости; ястреб слетал, схватывал добычу, делал по саду круг и усаживался терзать провизию на задней стороне трубы, так что виден был только хвост, двигающийся то вверх, то вниз. Затем Гуль улетал в горы; иногда он проводил часть утра сидя на перилах балкона соседнего здания — больницы. Спал Гуль где-то вблизи на дереве, но где именно, установить не удалось. Я начал приучать его брать мясо из рук; пококетничав сколько мог, но не больше размеров аппетита, ястреб слетал, схватывал мясо из протянутой вверх руки, облетал вокруг сада и усаживался на свою трубу. Однажды Гуль сел мне на голову, правда, тотчас слетев, и Нина Николаевна говорила, что, восхищенный, я пробормотал: «Ах ты прелесть моя!»

Случилось так: мы ушли в горы; над нами довольно высоко, медленно по направлению нашего пути пролетел ястреб.

— Это Гуль,— сказала Нина Николаевна.— Он провожает нас.

Я не поверил, а на обратном пути, через час или два, когда мы подходили к дому (дом стоял в цветочном и фруктовом саду), я опять увидел ястреба, тотчас признав Гуля, так как птица летела низко. Узнал, значит, угадал, потому что все кобчики похожи один на другого. Ястреб, увидя нас, скрылся за тополями сада, сев, должно быть (как я подумал), на крышу. Через минуту вошли мы. Точно: Гуль сидел на своей трубе, взмахивая крыльями и крича: «Пи-пи-пи!» — то есть: «Хочу есть». Хозяин сказал, что Гуль только что прилетел перед нами.

Когда утром я выходил из дому, Гуль, увидев меня, немедленно начинал кричать и махать крыльями. Разумеется, я исполнял его просьбу.

Бывало, что Гуль вечером опускался с крыши на площадку перед домом и бегал, как курица, среди клумб, давая подходить вплотную к себе, но тронуть не позволял: улетал на крышу.

Так прошли три недели. В конце третьей недели два ястреба, играя, пролетели над крышей: один (Гуль) сел на трубу, а второй, приветливо крича, улетел. То был приятель Гуля или... или его подруга.

V

У старика Шемплинского было две кошки: старый кот Айша, ленивое, добродушное животное, и проворная молодая Белка — белая кошка с зеленоватыми мерцающими глазами. Белка часто смотрела на ястреба, когда он бегал перед домом или сидел низко на ветке, но мы отгоняли ее по причине крайней напряженности ее взгляда на птицу.

Кухня стояла отдельно от дома. Крыша кухни была значительно ниже крыши жилого здания,— плоская, слегка покатая крыша из черепицы. Вплотную к кухне примыкало ореховое дерево.

Утром Гуль сидел на воронке сточной трубы крыши жилого дома. Я бросил ему куриную кость на крышу кухни и ушел в свою комнату.

Едва совершенно беспричинно успел я подумать, что Белка может схватить Гуля, как отчаянный крик — плач ястреба — выбросил меня в сад. Прошла всего минута, но страшное уже свершилось: Шемплинский, стоя перед кухней, держал в руке умирающую птицу. Она слабо подергивалась, глаза ее закатились, одно крыло было смято и висело, на шее проступала кровь.

Произошло следующее: Шемплинский, услышав крик Гуля и возню на дереве, выскочил из кухни и камнем сбил Белку, закусившую ястреба сверху плеч так, что из ее рта беспомощно торчали распростертые крылья. Кошка выпустила ястреба, и он упал на траву.

Я взял Гуля, почти плача; Нина Николаевна плакала. Ястреб лежал на моей ладони с затянутыми предсмертной пленкой глазами, свесив голову. Он был теплый, сердце билось слабо. Тотчас я подставил Гуля под кран и начал отливать во-

дой. Прошло минут пять; наконец, задохнувшись от попавшей в рот воды, Гуль хлопнул здоровым крылом. Он сел, качаясь, едва держась на ногах; его глаза то открывались, то закрывались опять.

Чтобы он отлежался, я посадил его в клетку, постлав туда травы. Он лег на грудь, вновь стал умирать, вытягиваться, но вдруг — и, очевидно, страшным усилием — воспрянул, забившись по клетке в совершенном исступлении. Сгоряча он правильно распускал оба крыла, и я понял, что кости раненого крыла не сломаны. Это меня ободрило; затем, боясь, что Гуль искалечит себя, колотясь в тесном помещении, я вынул его из клетки и принес в комнату. Чтобы поддержать силы Гуля, мы принялись насильно кормить его: Нина Николаевна раскрывала клюв, а я просовывал туда маленькие кусочки мяса, которые ястреб бессознательно стал глотать. Капля крови на шее оказалась следствием простой царапины; однако Гуль долго не мог поворачивать голову. Насильственное кормление продолжалось дней пять, затем Гуль стал есть рубленое мясо сам, а так как правая лапка его была ушиблена, то он клевал мясо с руки.

Через десять дней после несчастья с Гулем мы переехали в город и посадили злого, как черт, кусающегося, измученного переездом ястреба на камень на подоконнике, среди герани и испанского камыша.

VI

Выздоровление Гуля протекало так медленно, как это было бы с человеком, изувеченным тигром. Гуль требовал неустанного попечения, и особенных забот требовало раненое крыло: чтобы маховые перья не съел едкий помет, я каждый день очищал крыло мокрой ватой и насухо протирал его. Гуль пытался укусить руку; тогда я клал его на колени, головой к себе, прикрыв туловище рукой вместе со здоровым крылом (оно было, по-видимому, только ушиблено, так как Гуль недели через две свободно махал им и чистил его сам). Гуль кричал, если я неосторожно причинял ему боль, но обыкновенно он прятал голову в складку блузы и молча пощипывал материю; иногда выскальзывал из рук и, хлопая здоровым крылом, взбирался на плечо.

Шея его зажила; еще не совсем свободно, но довольно живо Гуль начал вертеть головой, чистясь там, где мог достать клювом. Зажила лапка; ястреб хватал уже ею мясо и бегал по комнате не хромая. Незалеченным оставалось левое крыло. Насколько был глубок укус, исследовать не хватало у меня мужества. Что связки и суставы целы, я убеждался в этом неоднократно, потихоньку оттягивая крыло за концы маховых перьев; крыло подбиралось правильно, но управлять им Гуль совершенно не мог; лишь очень постепенно, по истечении месяца, он научился слабо подтягивать крыло, снова отпуская его затем висеть.

Так прошел август. К 15 сентября Гуль оправился настолько, что чистил под крыльями, со стороны спины, оба крыла; больное крыло лежало у него правильно подтянутым, все перья были чисты без моей помощи. Я выносил ястреба за двор, на пустырь; Гуль неровно махал крыльями, взбираясь на груду камней у забора, бегал по шесту, подвешенному между двух деревьев, слетал мне на руку, на плечо; он почти не кусался теперь, разве лишь если его дразнили, щупая шелковистые штанишки: штанишки Гуля действительно были очень приятны на ощупь. Видя такие успехи Гуля, я начал учить его летать в расчете на то, что крыло зажило и только ослабело из-за долгого бездействия. Понемногу, но каждый день я заставлял ястреба взлетать с руки на табурет, стул, кровать, пользуясь всегдашним стремлением птицы садиться на возвышение. Усиленное кормление тоже помогло, и к концу сентября Гуль мог сам перелетать расстояние в три метра — с подоконника на письменный стол. После этих упражнений его крыло отвисало.

Должно быть, окончательно приручился и привязался Гуль к нам именно после несчастья, когда увидел, что руки человека, приближение которых раньше пугало птицу, кормят ее, чистят и помогают передвигаться. Теперь можно отнять у Гуля мясо, не опасаясь укуса.

В таком неопределенном положении Гуль находился до двадцатых чисел октября. Я поехал в Москву, пробыв в отсутствии девять дней, и по возвращении увидел, что Гуль уже свободно перелетает комнату, садясь всюду, кроме высшей точки квартиры — верха буфета, куда подняться у него еще не хватало силы.

Оказалось, что без меня ястреба не трогали. Он сидел спокойно на невысоком насесте против окна и сам каждый день упражнялся, слетая на пол, взлетая на кресло, стол, кушетку, а к ночи возвращаясь на свой насест. Спокойный теперь за судьбу Гуля, я стал меньше возиться с ним, иногда в виде сюрприза, чувствуя, что на плечо село что-то живое и чистится.

В первых числах ноября Гуль взлетел на буфет с плеча Нины Николаевны.

Немедленно я понес его за двор, на пустырь. Гуль сидел на высоте поднятой руки. Взглянув, прищурясь, на небо, ястреб полетел невысоко над землей и, одолев расстояние в полквартала, сел на тумбу у винного склада. Я подошел. Гуль охотно сел на руку и на плечо. Когда я подходил к дверям квартиры, он вспорх-

нул опять и сел на крышу противоположного дома. Никакими средствами не удалось заставить его слететь; ястреб чистился, осматривался и вертелся, как балерина. Я ушел в комнату, наблюдая за Гулем из окна. Забеспокоясь, ястреб прилетел на подоконник и скакнул на свою жердочку.

Весь день он летал по комнатам, садясь то на сливочное масло, то на лампу, то на рамы картин. Утром я выпустил его со двора, и Гуль, плавно взмахивая крыльями, скрылся по направлению к горам. Я был твердо уверен, что он вернется. Действительно, как стало смеркаться, Нина Николаевна сообщила, что Гуль сидит на бельевом шесте, у крыльца. Взял его, покормил, посадил на жердочку. Совершив туалет, он завернул голову под крыло.

На другой день Гуль опять улетел рано утром и долго не возвращался. Пришлось лечь спать. Я беспокоился.

Надо сказать, что наши окна закрываются изнутри ставнями. Район глухой. Я дремал, и мне показалось, что выламывают стекло в моей комнате. Я зажег лампу и открыл ставню. Это Гуль хлопал крыльями о стекло, сидя на карнизе; он запомнил окно, из которого, больной, так долго смотрел на улицу! Радость была велика. Впустили бродягу, покормили, и он домовито сел на свою жердочку.

В следующие дни, выпуская Гуля, я сторожил вечером его возвращение и убедился, что ястреб вначале прилетает на двор, садится там на дерево или шест. Он слетал ко мне на плечо, едва завидев меня.

Вскоре окна были замазаны, заперты; наступили холода. До весны ястреб будет жить в комнатах. Холодно ждать его возвращения; на дворе снег, мороз до десяти градусов.

Большей частью Гуль сидит у меня на плече, иногда на раме большого зеркала. Любопытно, что отражение в зеркале не волнует Гуля: он остается равнодушным к отраженному ястребу. А как волновался он, когда, раненный, в клетке, заслышал однажды крик — призыв своего друга, который тщетно искал его! Гуль весь дрожал, увел голову в плечи, весь замер от муки и горя...

Я уверен, весной они встретятся...

ГРИФ

А. ГРИН

Рисунки Г. Сундырева.

ГИМН

Великий лев! Очаровательный спартанец! Дикая победоносная кошка! Гривастый огонь! Шалун с лицом старого капитана! Рык и гнев! Да славна будет порода твоя, твои толстоголовые котята!

Желаю тебе много мяса, камышей и лунного света!

ОШИБКА СТОРОЖА

Тадеуш был пьян. Прислонившись спиной к огромной стальной клетке, по которой безостановочно и бесшумно ходили два льва, сторож думал о чем-то своем и размазывал по лицу слезы.

Львы Гриф и Астарот, ступая с могучей мягкостью гигантских кошек, расхаживали по диагонали клетки навстречу один другому, не сталкиваясь, поворачиваясь всегда на одном и том же месте с точностью заводных фигур.

Астарот был стар, с впалыми, линяющими боками и худым хвостом. По клетке он ходил двадцать два года.

Гриф был молод, в расцвете сил, массивен, космат и статен. По клетке он ходил восемь лет и помнил еще озеро Чад.

Изредка ужасное «Х-грар-р-р!», подобное коротким раскатам грома, вырывалось из горячей его пасти.

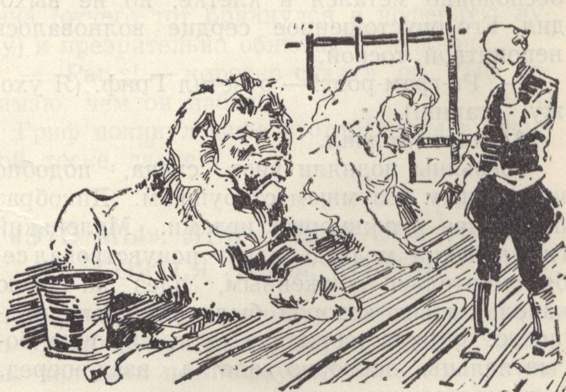
Астарот отвечал тем же.

Они говорили:

— Я в клетке!

— Тресни она! И я в клетке!

На задней, цементной стене львиной тюрьмы метались их тени.

Тадеуш долго смотрел на пол, утирая слезы, затем, махнув рукой, отпер клетку, вошел в нее и сказал:

— Лев! Грифочка! А, Гриша! Съешь меня!

Гриф остановился, сморщился, вытянулся на передних лапах и улыбнулся. Улыбка его напоминала выражение лица человека, собравшегося чихнуть.

— А-хр-гра-р-р?..— сказал он. (От тебя пахнет водкой. Ты не злой?..)

— Так что, зверюги, растерзайте меня,— продолжал, всхлипывая, Тадеуш.— Излохматьте меня, жизнь моя горькая!

— Гра-р! — сказал Астарот. (Скучно. Каждый раз то же самое.)

Тадеуш стоял, покачиваясь. Разжалобив себя, сколько мог, тщетными увещеваниями к зверям использовать его как ужин, сторож наконец расплакался навзрыд, изругал львов уличной бранью и побежал в не столь отдаленный переулок за порцией «кали-мали».

Разбитое сердце погубило его пьяную память. Он забыл запереть дверь клетки.

«БЕЖЕНЕЦ» НОВОГО ТИПА

Львы снова принялись ходить по диагонали, но скоро внимание Грифа было привлечено узкой блестящей щелью между замком и стальной стойкой. Лев изучил каждый дюйм клетки. Он знал, что в этом месте щели никогда не бывает. Лев тронул щель лапой — дверь хлопнулась и открылась шире (вовнутрь). Гриф раскрыл ее легким движением головы. Астарот, остановившись, смотрел.

— Г-р-р! — сказал Гриф. (Астарот, я удивлен. Тут пустота, свобода!)

— А-х-гр-рг-рах! (Не верю, клеток много на свете.)

Новый взрыв грома. Длительно и грозно заревел Гриф, скакнув в коридор. Астарот беспокойно метался в клетке, но не выходил. Его опустошенное сердце волновалось непонятной тоской.

— Ра-грам-ронг! — ответил Гриф. (Я ухожу, старик!)

Астарот молчал.

Обезьяны подняли визг, скача, подобно крошечным безумным старушкам. Дикобраз проснулся и зашуршал иглами. Маленький гималайский медведь вдруг почувствовал себя смертельно обиженным, влез на свою качель, доска которой была украшена надписью: «Миша качается»,— и, скрючив босые пальцы, проворно залетал взад-вперед, испуская тонкие, скулящие возгласы.

Гриф бросился на струю свежего воздуха, лившуюся из-под входной двери. Разбив дверь могучим скачком, зверь прыгнул через садовую ограду и начал производить сенсацию.

Почти тотчас же, как ушел лев, вернулся Тадеуш. Он мгновенно протрезвел, запер Астарота, схватился за голову и побежал к телефону.

СВИНЬЯ. ДВА «ЛЬВА»

За оградою был пустырь, за пустырем — деревянные заборы и уединенные дома окраины.

Гриф остановился среди пустыря и огласил громом окрестность. Тотчас же где-то кто-то пустился бежать, кто-то закричал «караул», и добрая сотня собак затявкала в различных местах города.

На одном из дворов плотный мужчина с уравновешенно-жирным лицом смотрел на розовую ушастую свинью, хлюпавшую пойло из кадки. Мужчина держал фонарь.

— Лопай, Машенька,— вдумчиво говорил он,— потом хозяина кормить будешь.

— Хрюк! — сказала свинья.

— Правильно дело. Вопче продам я тебя за сто тысяч... Не свинина, а брулиант. За полтораста отрекусь от тебя.

Тут произошло нечто: свинья, пронзительно завизжав, сшибла хозяина, и, падая, увидел он в вспышке потухающего фонаря грозное чудовище с острым пламенем круглых глаз, заносящее над свиньей лапу, в позе геральдических львов, то есть величественно.

— А-гр-р-р-р! — сказал Гриф. (Это свинья!)

Он лишил ее дыхания и стал есть. Кто-то, вопя, бежал к дому. Там замелькали огни, захлопали двери. Оберегая свое отличное настроение, Гриф захватил ужин и вернулся на пустырь. Докончив дело уничтожения полутораста тысяч, лев быстро направился к изумляющим его огням трамвайной линии и отсветам окон, где раздавались шум, звон и неясные выкрики.

Вообразите себя тихо переходящим небольшую площадь, где скрещиваются трамваи, — нынешнюю полутемную площадь. Магазины еще торгуют: вы видите наискось в белых квадратах витрин озаренные блузки, чемоданы, роскошные краски фруктов; вы настроены мирно. И вот видите вы в скупом свете фонаря присевшего на задние лапы огромного, черного от полутьмы льва.

Видение или большая собака?

Именно это увидели на углу Залихватской и Остолбенелой улиц сразу тридцать два человека, не считая множества лошадей, ноги, шеи, хвосты и гривы которых мгновенно составили прямые линии, ринувшиеся с великим «И-го-го!» куда попало.

Тридцать два человека присели, задохнулись, подскочили и произвели неописуемую суматоху.

Все бежало, лавки закрывались, двери гудели.

Гриф беспомощно, тоскливо оглядывался, изредка посылая раскаты грома. Рев льва!..

Где же пустыня? Везде стены, костры вверху и внизу. Ничего не понять.

Сильное возбуждение охватило Грифа. Он метался по площади, то вскакивая на тротуар, то исчезая в тенях углов. Наконец, он помчался вдоль улицы.

Лев Пончик, главный по соде и макаронам, благодушно сидел в «Кафе мародеров». Сиял он, сияли его перстни, сиял оранжад в высоком стакане. Лев Пончик был тщедушен и мал ростом, но носил высокие каблуки.

Вошел Гриф и опрокинул кофе. Сначала он медленно спустился по ступенькам входа и встал, колотя хвостом. Глаза его горели, как люстры. Затем он молча прыгнул в середину прохода.

Пончик сидел спиной к Грифу.

— Зачем смятение, господа? — внушительно проголосил он, видя, что все лезут под столы, давя друг друга. — Что? Милиция? Обход? Когда я свободный гражданин...

— Лев! — крикнули сзади из-под стола. Думая, что это — личное к нему обращение, Пончик уже хотел рассердиться на подобную фамильярность и с достоинством

обернулся. А затем присел перед стулом, приподнял шляпу, чем-то подавился и вытащил почему-то бумажник.

Перед ним стоял Гриф.

Состоялась величественная встреча двух львов.

Пончик замахал руками и упал в обморок.

Гриф поднял его зубами за спину пиджака и сильно встряхнул. Шурша, посыпались из карманов деньги.

Заинтересованный, Гриф выпустил Пончика (отчего тот брякнулся в кофейную лужу) и презрительно обнюхал бумажник.

— Раг-х! — коротко сказал он. (Не понимаю, чем он набит!)

Гриф покинул кафе и отправился в ужасной тоске далее.

«ЭТО МЫ». ЛЕВ И ШАКАЛЫ. ЧЕГО БОЯТСЯ ЛЬВЫ. КОНЕЦ

Довольно значительная толпа двигалась по одной из главных улиц. Впереди толпы два человека несли внушительных размеров черное знамя. На знамени стояло: «Это мы». Несравненно более скромное, чем, например, объявление кинематографа, заявление это, однако, сильно смущало прохожих: почти все встречавшие процессию боязливо расступались, сворачивая в боковые улицы.

Навстречу им мерным шагом совершающего моцион зверя вышел и остановился Гриф.

Он зарычал.

«Это мы» заколыхалось, вздрогнуло и повлеклось по земле. Передние ряды, мгновенно став задними, поползли на карачках, пытаясь, подобно страусам, затолкать свои головы меж туловищами бегущих. Бестолково затрещали револьверы. Не прошло минуты, как Грифу не на кого было уже нападать.

Смущенный быстрым исчезновением неприятеля, который, как показалось ему, скрылся, чтобы напасть сзади или окружить его, лев решил переждать. Легкими скачками взобрался он по некой освещенной лестнице.

Одна из дверей была раскрыта. Люди, выходящие из нее с узлами, увидели, как на картине, мясистую жесткогривую голову. Два верхних клыка пасти висели вниз, дымясь горячей слюной.

Лев встрепенулся. От людей несло особым, хорошо знакомым ему запахом истребления, вернее, нервным током убийства. Он сшиб лапами одного грабителя, упавшего замертво. Другой, бросив узел, прыгнул в раскрытое окно и ухватился за водосточную трубу, но оборвался — с пятого этажа. Эхо, раздавшееся внизу, напоминало звук расколотого полена.

Дрожа от гнева, Гриф пробежал ряд комнат, разыскивая новых врагов.

Внезапно из дверей кухни выступило нечто живое, полуголое, ростом немного ниже глаз Грифа. В одной руке оно держало нечто круглое, красное, вившееся на короткой нитке. Ужасный, леденящий душу звук огласил квартиру.

— А-а-а-а-а-а!..— пронзительно верещало это.

Лев попятился. Оно хлопнуло его круглым красным по лбу, отчего красное лопнуло, как выстрелило; затопав, оно залилось снова:

— А-а-а-а! М-а-а-м-ма!

Лев струсил. Он беспомощно оглядывался, но кругом были три стены коридора и оно. Бегство немыслимо! Пытаясь умилостивить его, лев лизнул это в щеку, отчего оно пошатнулось и шлепнулось. Гриф снова лизнул, оно опрокинулось. Вдруг, задрожав, лев отпрыгнул и скорчился в углу: оно заголосило так звонко, что сердце менее храброго зверя лопнуло бы от страха.

В этот момент, глухо вскрикнув, вошла женщина. Она не упала в обморок, но, бескровно побледнев, стояла несколько мгновений, упираясь ладонями и спиной в стену; затем, стиснув зубы, подошла к мальчику, вынесла его на площадку и, шатаясь, заперла дверь.

Гриф облегченно вздохнул.

Женщина, крепко прижимая сына к груди, спустилась к телефонной будке и позвонила в комиссариат. Трубка бешено плясала в ее руке.

— Вот, — сказала она. — Нижегородская улица. Дом сто двадцать один.

— Что вы хотите? Мы заняты.

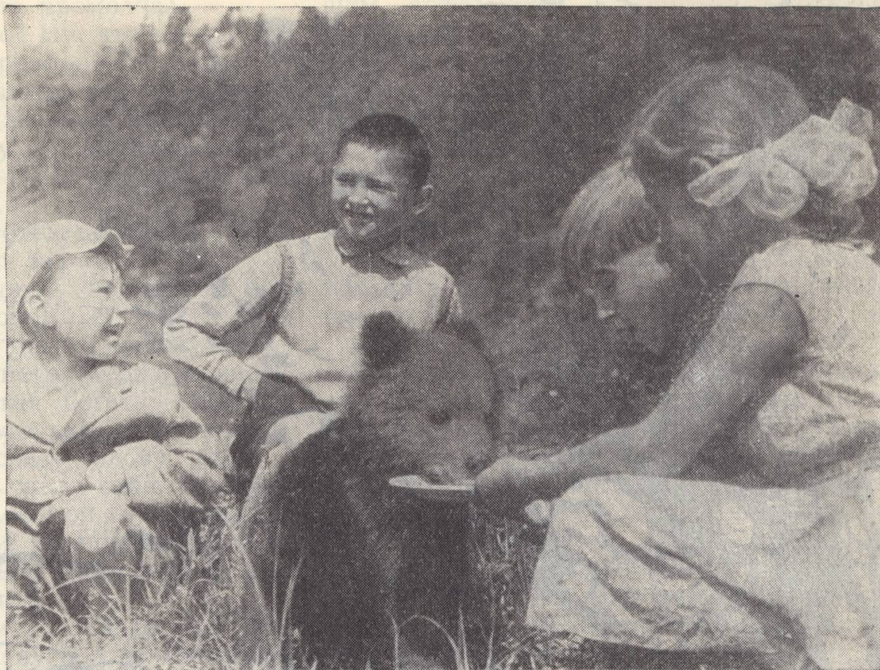
Слова еще не вполне повиновались ей. Наконец она нашла силу договорить.

Она сказала:

— Здесь лев!

Жизнь кругом удивительно хорошая! У ребят — тысячи дел, забот и приключений! Познакомьтесь: медведица Маша и ее друзья. Они живут в самом центре Карпат — в Межгорье. Маша любит конфеты, печенье и особенно сырые яйца с сахарным песком. Это роскошное блюдо готовит для нее Аллочка Сальник.

Рижанин Миша Салов с дружками целыми днями рыбачили (Фото В. Воробьева).

Вот что рассказал жонглер Харьковской эстрады **Савелий Вертеим**:

«Я артист, жонглер. Мячи, стеклянные шарики, кольца и булавки послушны моим рукам. Я из них могу устроить красивую, сверкающую карусель, и ни один предмет не упадет на пол, не разобьется. После концерта в пионерском лагере в Люботине ребята сказали мне:

— В ваших мячах, наверное, есть дырочки, а в металлических палочках замаскированы магниты.

А третьеклассница Люда Гнырина добавила:

— Вообще все, что вы показываете,— это для отвода глаз.

Тогда я взял мяч, раскрутил его у себя на пальце и передал на палец ей самой. Мяч продолжал послушно крутиться.

Вот так и началась наша дружба. Сейчас многие бывшие мои зрители занимаются у меня в кружке юных жонглеров».

ХОРОШО ЛЕТОМ!

СПОКОЙНО, ГЕРОЙ!

Анатолий МАРКУША

Рисунки Ф. Лемкуля.

Не жалей себя — это самая гордая, самая красивая мудрость на земле.

М. Горький.

Все было безнадежно плохо в этот день.

Утром, собираясь на работу, отец без лишних слов заявил:

— Если ты еще раз полезешь в телевизор, Сенька, держись! Выпорю. Не посмотрю, что под самый потолок вымахал, честное слово, выпорю — и никаких разговоров!

Сенька обиделся, но промолчал.

«Выпорю!» А за что? Ну что он плохого сделал? Припаял проводничок антенны? Так проводник действительно еле держался. Конечно, Сенька зацепил паяльником за тюлевую занавеску, но, во-первых, при чем здесь телевизор? И, во-вторых, он же не нарочно зацепил...

И старший брат тоже пообещал — совсем уже неизвестно за что:

— Еще раз к мотоциклу подойдешь без спросу — голову оторву!

Как машину мыть, так «Сенечка, пожалуйста»! Как ему канистру держать, насос качать, за сигаретами бегать — так все Сенька. А тут всего-то два кружочка по двору проехал — и сразу голову рвать...

Сеньке было очень жаль себя. Почему-то так всегда получалось: он хотел сделать лучше, помочь людям, принести пользу, а все считали, что Сенька умеет только ломать, корежить, портить.

«Ну и пусть,— думал Сенька,— не хотят — не надо. Проживу без их спасиба».

Обиженный на весь свет, он ушел к шоссе.

Сенька любил сидеть на обочине, смотреть на пепельно-серую ленту дороги, слушать, как мимо него со свистом проносятся машины.

Куда они спешат? Какие важные дела у них? Что ждет их там, впереди?..

Вот сверкнула хромировкой и исчезла за поворотом голубая «Волга». Ну что он успел заметить: распластанного над капотом оленя, молодого вихрастого водителя за рулем и белую занавеску на заднем стекле? Все.

Но этого было уже достаточно, чтобы сочинить целую повесть. Обыкновенная «Волга» превращалась в оперативную машину. Конечно, машина не просто ехала, а летела, и не куда-нибудь, а непременно к границе. Там предстояло задержать важных преступников...

Сенька любил утреннюю дорогу.

Утром дорога дремала. Над обочинами бродили ласковые голубоватые туманы. И звук проносившихся машин был особенный — приглушенный, мягкий.

Сенька любил дневную дорогу.

Днем дорога казалась не такой широкой: ее стискивал упругий, густой поток машин. Временами казалось, что дорога стонет под тяжестью надрывно всхлипывающих на подъеме дизелей. Без конца неслись и неслись по ней самосвалы со щебенкой, гравием, горячим, остро пахнущим асфальтом; громыхали железным листом металловозы.

Глядя на эту рабочую, ломовую дорогу, Сенька придумывал повесть о стройке.

Где-то там, впереди, люди возводили плотину. Вода прибывала, грозя затопить, смести все. Судьба плотины, города, всей области в руках шоферов: успеют или не успеют подать бетон...

Сенька считал машины и волновался, когда пролетавшие мимо самосвалы везли вместо бетона дрова, сено, опилки...

Сенька любил вечернюю дорогу.

В фиолетовых сумерках машины исчезали с проезжего полотна дороги. Над шоссе жили только огни. Они дробились, мигали, отскакивали в сторону и снова наступали. К ночи дорога становилась таинственной, дразнила, звала куда-то в неведомое.

Дорога была Сенькиной любовью, его тайной, его лучшим другом. Здесь он забывал даже о футбольных схватках, здесь отступали от Сеньки все большие и маленькие неприятности.

Обиженный, он уселся на обочине. Слева — старый, морщинистый дуб, справа и чуть позади — мачта высоковольтной передачи. Здесь был его лучший наблюдательный пункт — командная высота. Напротив дуба шоссе переламывалось и длинным покатым спуском уходило вниз, в город.

Сенька стал смотреть на дорогу, и все утренние огорчения тут же забылись.

Вот на самом гребне шоссе остановился тяжелый грузовик.

Открылась дверка, на подножку вышел шофер. Высокий парень в выцветшей, заправленной в брюки гимнастерке оглянулся назад. Он ждал кого-то.

«Так. Ясно, кого он ждал». Около машины с писком затормозил голубой милицейский мотоцикл.

Шофер сошел на теплый асфальт.

Грузовик недовольно пофыркивал.

Старшина-инспектор проворно соскочил с седла и, вежливо козырнув, что-то сказал водителю.

Мотоцикл приглушенно стрекотал.

Сенька не слышал слов, и ему казалось, что он смотрит немой фильм.

Милиционер резко взмахнул рукой и показал куда-то вдаль.

Шофер отрицательно покачал головой и сделал несколько шагов по шоссе назад, в ту сторону, откуда он ехал.

Инспектор, энергично жестикулируя,

пошел рядом. Потом оба остановились. Старшина протянул руку.

«Так. Ясно. Требует права,— подумал Сенька.— Интересно, чем все кончится?»

Шофер снова отрицательно покачал головой и не полез в карман за документами. Он настойчиво куда-то тянул милиционера.

«Эх, зря спорит! — подумал Сенька.— Разве ж инспектору можно что-нибудь доказать?»

Шофер и старшина вступили, видимо, в основательную перепалку: оба размахивали руками, что-то выкрикивали, пригибались к самому асфальту (наверное, разглядывали тормозной след), отбегали к обочине...

Сенька был не только великим выдумщиком, но и самым любопытным человеком на земном шаре. Оставаться отдаленным свидетелем таких волнующих событий он не мог.

Он поднялся со своего командного пункта, подтянул вечно сползавшие тренировочные брюки и вдруг почувствовал — именно почувствовал, а не увидел,— на шоссе что-то случилось.

Грузовик больше не фыркал.

Сенька повернул голову в сторону машины и онемел: грузовика на прежнем месте не было.

Большой, неуклюжий, он медленно катился под гору. А те двое на шоссе — водитель и инспектор,— ничего не замечая, продолжали спорить и размахивать руками.

Потом Сенька со всеми подробностями не раз рассказывал, и о чем он подумал в первый момент, и как решил, и что себе представил. Но все это было потом. А сейчас ноги сами вынесли его на шоссе. В голове отчаянно билась только одна мысль: «Не поставил на тормоз, на тормоз не поставил...»

Сенька вскочил на голубой мотоцикл, выжал сцепление, включил скорость, рванул на себя рукоятку газа и чуть не вылетел из седла. Мотоцикл взвыл, подпрыгнул и как безумный дернулся вперед. Сенька с трудом удержал машину в руках и почему-то со злорадством подумал: «И не подойду к твоему несчастному «ижику», целуйся с ним,— вот машина!» Слова были адресованы брату.

Сорвавшийся с места грузовик успел набрать скорость на спуске и, опасно вихляясь из стороны в сторону, летел вниз. Не закрытая шофером дверка хлопала на ходу, как гигантское ухо взбесившегося великана.

Сенька чуточку освоился с инспекторской машиной. Она была чертовски тяжелая, не по мальчишеским рукам. Сенька вспотел, у него пересохло во рту, но отступать было некуда, и он все увереннее прибавлял газ.

План у Сеньки возник неожиданно. Это был отчаянный план, но ничего другого он придумать не мог. «Подойду к машине вплотную,— решил Сенька,— перескочу на шоферскую подножку и остановлю грузовик». Жалко было бросать мотоцикл: разобьется, — но что делать...

По склону подымалась встречная машина. Сенька увидел ее издалека и понял: если он не успеет немедленно догнать грузовик, если он сейчас же не остановит его,— все! Несчастье, катастрофа, смерть обрушатся на дорогу.

Сенька подвел мотоцикл к самому борту грузовика, осторожно сравнял скорость.

Дверка угрожающе моталась перед самым Сенькиным носом. Надо было очень точно ухватить момент, когда дверка пойдет вперед, осторожно прибавить скорость и прижать дверку защитным козырьком мотоцикла.

«Промахнусь — убьет»,— подумал Сенька.

И тут он снова уже совсем близко увидел встречную машину.

Ничего не понимая, шофер высунулся из кабины и грозил ему кулаком.

Дверка пошла вперед.

Коротким рывком Сенька прибавил газ. Он почувствовал легкий толчок и краешком глаза увидел, как согнулся кронштейн мотоциклетного козырька.

«Если обломится, дверка сшибет башку...»

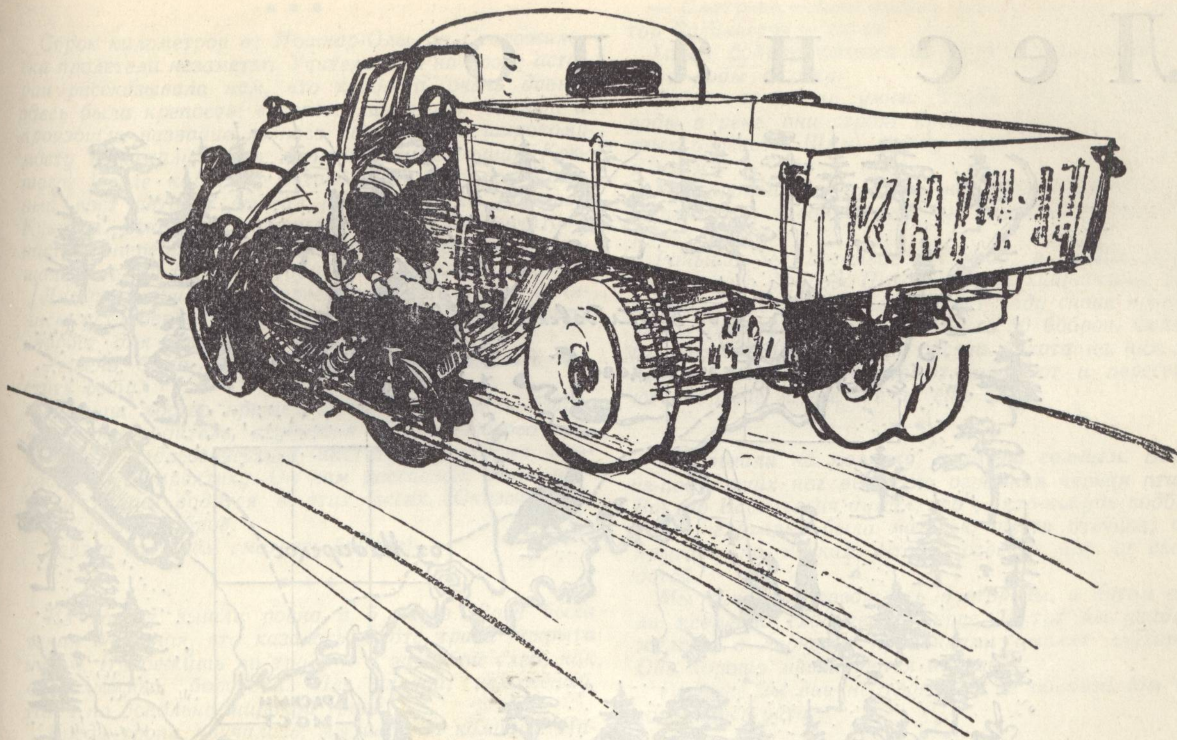
Он глянул вправо. Руль грузовика вздрагивал над самой головой. Вот она, черная большая баранка...

«Ну!» — приказал себе Сенька и почувствовал, как руки намертво вцепились в рога мотоцикла. Спина стала шершавой, как напильник, похолодела кожа.

Он еще раз покосился на козырек — кронштейн прогнулся еще больше.

«Сейчас треснет...»

В этот момент он услышал пронзительный рев. Сенька не понял, что это сигналит шофер встречной машины. Но резкий, неприятный звук подстегнул его. Сенька прицелился и, отпустив теплый, влажный руль мотоцикла, рванулся всем телом

вверх, к черной вздрагивающей баранке грузовика.

Ноги толкнулись обо что-то мягкое. Наверное, о седло мотоцикла. Сеньку больно ударило по плечу: дверка все-таки догнала его. Но теперь он уже ничего не боялся. Туловищем успел коснуться шоферского сиденья. Сенька потихонечку, осторожно втягивался в пустую кабину.

Мокрый, задыхающийся, сел он за руль и что было силы нажал на тормозную педаль. Сенька не рассчитал: тормознул слишком резко — его швырнуло вперед, крепко ударило грудью о баранку. Но грузовик сразу же потерял скорость.

Сенька слегка вывернул тяжелый руль вправо, вывел грузовик на обочину, еще тормознул, на этот раз осторожней, и, поняв, что все удалось, машина остановлена, боком повалился на сиденье.

Он пришел в себя, отдышался и осторожно сполз на дорогу.

Асфальт был мягкий, он почувствовал его ласковое тепло сквозь тонкие подошвы резиновых тапочек. Дорога почему-то немножко покачивалась. Болела грудь. Сенька присел на обочину, его начало рвать.

Сбежались какие-то незнакомые люди, окружили. Кругом говорили, шумели. Но Сенька не понимал слов. Ему было стыдно: рвота долго не прекращалась.

Какой-то седой майор обнял Сеньку за плечи и сказал в самое ухо:

— Спокойно, герой! Держись.

Это были первые слова, которые дошли до его сознания.

Но Сенька почему-то не обрадовался, а постыдно заревел. Спасибо майору, он прикрыл его своими широкими плечами и громко крикнул собравшимся:

— Ну, чего уставились? Дайте человеку прийти в себя!

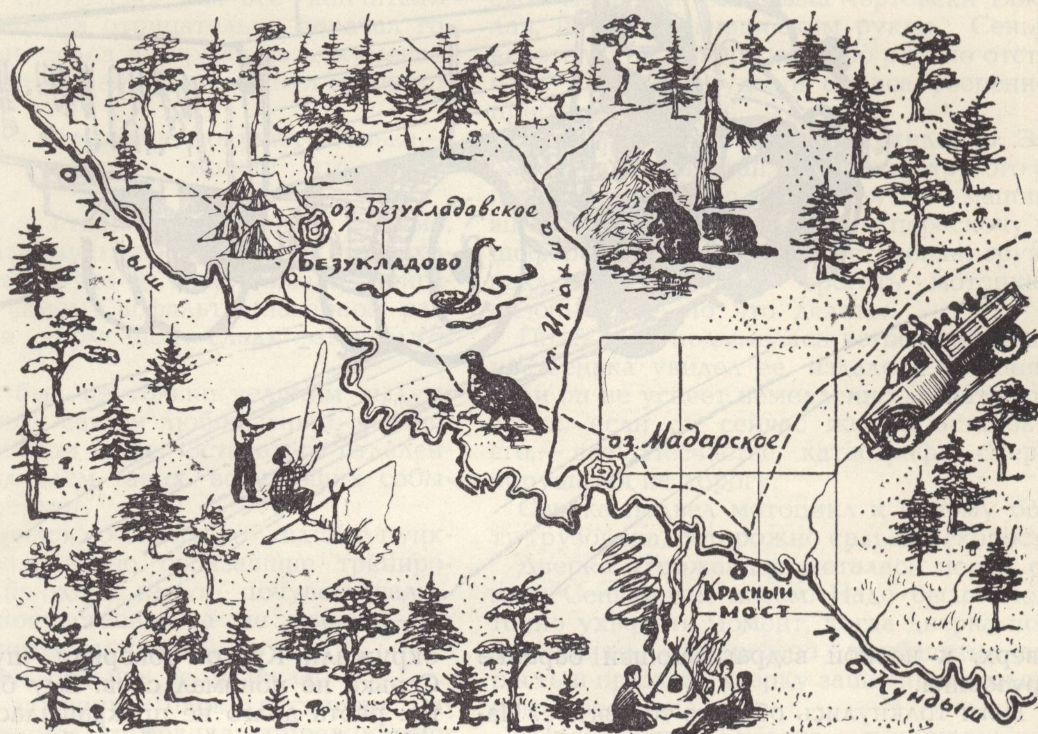
Понемногу Сенька успокоился.

И тогда все стали жать ему руки. А шофер спасенного грузовика целовал его, как маленького. Инспектор улыбался, он оказался совсем не плохим человеком и обещал представить Сеньку к награде.

— Герой, ну, герой!..— повторял седой майор и тоже не отходил от Сеньки.

Сенька долго жал всем руки и говорил какие-то слова благодарности, а в голове у него все прыгала и прыгала такая неожиданная и такая странная мысль: «Герой! Оказывается, это очень страшно — быть героем».

Лес надо

защищать

В. СТЕПАНЕНКО

Вся Марийская республика покрыта густыми, порой непроходимыми лесами. Это — ее богатство. Комсомольцы и пионеры помогают беречь зеленое богатство, заботятся о том, чтобы оно не иссякло: леса охраняют, берегут и умножают. Уже вошло в обычай — каждую весну и осень школьники помогают лесникам сажать молодые деревца и ухаживать за ними. У Светлого озера на месте старых гарей скоро подымется молодой лес, посаженный школьниками.

Перед вами небольшой кусок карты Марийской республики. На нее нанесен маршрут, по которому прошел отряд туристов восьмой школы Йошкар-Олы.

Поход этот начался задолго до того, как ребята собрались в школьном дворе, чтобы сесть в экскурсионный автобус. Первым этапом путешествия был Поволжский лесотехнический институт имени М. Горького. Ребята пришли сюда, чтобы узнать, не нужна ли их помощь ученым.

Научный сотрудник Иван Степанович Аверкиев обрадовался их приходу. Он получил сведения, что на некоторых лесных участках обнаружены личинки майского жука.

У молодых сосенок, елочек, дубков, кленов и березок есть много врагов. И, пожалуй, самый страшный из них — майский жук. Его жирные белые личинки четыре года живут в земле, и все это время, до вылета взрослых жуков, они жадно пожирают корни деревьев.

Иван Степанович дал ребятам задание: проверить, есть ли личинки майского жука в лесах Мадарского лесного хозяйства.

Личинки прячутся в почве, до них не доберешься. Уничтожать нужно взрослых жуков. Вот почему так важно разведать «зараженные» участки, определить возраст личинок, чтобы заранее знать, когда послать туда самолеты с ядами.

Иван Степанович рассказал ребятам, как вести разведку, дал им карточки учета хрущей в почве и стеклянные банки с формалином для сбора личинок.

Вот с этим несложным оборудованием, прихватив с собой несколько лопат, ребята сели в автобус и поехали...

Видите на карте несколько прямоугольников? Это участки леса, проверенные ребятами. Они, конечно, не только этим занимались. Путешественники узнали и увидели много интересного, собрали гербарии, подготовили пособия для школьного биологического кабинета.

Здесь мы печатаем выдержки из походного дневника участников этого интересного похода.

* * *

Сорок километров от Йошкар-Олы до Сторожильска пролетели незаметно. Учительница на уроке истории рассказывала нам, что когда-то, очень давно, здесь была крепость: «сторожили татар». Отсюда и произошло название лесного поселка. По широкому мосту переехали через лесную реку Большая Кокшага. После короткой остановки в поселке Красный мост автобус выехал на берег реки Большой Кундыш. Вскоре он свернул в лес, по бревенчатому настилу перебрался через болото. Здесь мы попрощались с шофером автобуса и потопали пешком.

Лагерь разбили на берегу реки. Мальчики занялись установкой палаток, девчата стали собирать хворост для костра.

Решено было варить уху. Девочки взялись чистить рыбу.

На наш костер пришел Петр Григорьевич Ефремов — руководитель студентов биологического факультета педагогического института, которые проходят здесь практику. Он нам рассказал, какие звери и птицы водятся в этих лесах. Оказывается, здесь много бобров.

Завтра мы идем смотреть бобров!

* * *

Из лагеря вышли ровно в 6 часов. Роса была такая обильная, что казалось, будто трава покрыта инеем. Пробежишь по траве — и за тобой след, как две лыжных бороздки. Лес глухой, нехоженый. Идем по довольно широкой тропе.

Когда тропа кончилась, мы шли по компасу. Наконец вышли к реке Ирыкша.

Всюду повалены деревья, больше всего осин. Около одной осины видны совсем свежие щепки, похожие на крупную рыбную чешую. Неужели бобры могут перегрызть такие толстые деревья?

— Смотрите,— тихо сказал наш руководитель Виктор Васильевич,— хатка!

Хатка бобров похожа на кучу хвороста. От нее идут ходы в реку.

Бобры по-своему умны. Чтобы поднять уровень воды в реке, они строят крепкие плотины из толстых деревьев. Щели между ними забивают землей и мхом.

Мы прошли по плотине на другой берег речки и измерили глубину реки у плотины. Оказалось, 1,5—2 метра.

Раньше, лет восемьдесят назад, в наших реках было много бобров. Потом на них хищнически охотились и всех истребили. В 1947 году снова привезли из Воронежского заповедника 50 бобров. Сейчас их расплодилось больше тысячи. Охота на них запрещена. Осенью бобров отлавливают и переселяют в другие места, где их еще нет.

* * *

Мы вышли на полянку, залитую солнцем. Вдруг из-под наших ног вылетела огромная черная птица. Виктор Васильевич думал, что ее кто-нибудь подбил.

Нет, глухарка была матерью шести птенцов; она прыгала по кочкам, чтобы отвести нас от своих детей.

Мы тихонько разошлись в стороны, а потом стали медленно сходиться в круг. И тут мы увидели желтых с черными крапинками цыплят глухарки. Они хорошо маскируются в траве.

Глупые, мы вас не тронем и не обидим! Мы поторопились уйти.

* * *

Сегодня мы начали разведку хруща недалеко от лагеря. Отмерили рулеткой десять метров в одну сторону, десять метров в другую. Получился большой квадрат. По углам его вбили колышки. Теперь

Много вредных личинок обнаружили ребята в этом «конверте».

Вот какие толстые деревья валят бобры для своей плотины. Ребята измерили глубину реки у запруды — оказалось очень глубоко.

надо выкопать четыре ямы (1 м×1 м) по углам и одну посередине — сделать «конверт». Вот мелькнула белая личинка, большая, с крепкой круглой головой, наверно, четвертого года. Еще одна, поменьше.

Мы принесли выкопанные личинки в лагерь. Стали заполнять карточки, записывать, сколько в каком слое земли нашли личинок.

Потом Наташа Сперанская положила личинки в марлевый мешочек и опустила в кипяток. Теперь они не почернеют, когда мы положим их в формалин.

* * *

Пришел лесник Анатолий Михайлович Анеев и повел нас в молодой сосновый лес. Этот участок у него на подозрении: деревья на нем сохнут.

Мы выбрали место и стали копать. В одном квадратном метре 21 личинка. Очень много! Анатолий Михайлович сказал, что если в одном квадратном метре 3—4 личинки, то на этом участке нельзя сажать молодые деревья.

Скоро мы кончили копать и собрались вместе. В «конверте», в пяти ямках, найдено 62 личинки, и почти все они четвертого года. Подозрения лесника подтвердились. Он сделал отметку в своей карте.

* * *

Сегодня мы были на другом участке леса. Деревья на нем стоят почти голые. Если потянуть деревцо за ствол, то оно легко выдергивается из земли. У него только стержневой корень остался, мочковатые корни съели личинки хруща. Мы еще раз убедились, как опасен майский хрущ. Хорошо, что мы задумали перед походом зайти в институт. Леса надо защищать! Прилетят самолеты и расправятся с майским жуком.

* * *

Собрали палатки. Жаль уходить, но нас ждут впереди новые участки леса. Идем к Мадарскому озеру.

На этом озере сейчас Семеновский совхоз построил утиную ферму. Весь берег покрыт белыми перьями. А уток не видно ни одной: их пасут на другой стороне озера, чтобы дать отрасти траве здесь.

Отмеряем квадрат и принимаемся копать. Кругом одни дубы, но и здесь много личинок.

* * *

Сегодня возвращаемся домой. Ребята старательно упаковали в рюкзаки банки с личинками. Их надо сдать в институт.

Пока на дороге не видно машин, решили проверить молодой лес. И здесь нашли личинки.

Показалась машина. Мы едем в город! Дорогой договариваемся, когда завтра встретимся в институте.

* * *

В институте Иван Степанович Аверкиев внимательно просмотрел наши заполненные карточки. Он доволен нашей работой.

Иван Степанович сказал, что наши карточки передаст в управление лесного хозяйства, и во время вылета майского хруща в зараженные участки пошлют самолеты. Они уничтожат майского хруща ядами.

В редакцию позвонили из обкома комсомола и сообщили: вслед за путешественниками из восьмой школы города Йошкар-Олы обследовать леса вышли и другие пионерские отряды. Осенью они составят общую карту и передадут Управлению лесного хозяйства.

„Разговор" с рябчиками

Н. БЕЛЯКОВ

Рисунок В. Цельмера.

В густом еловом лесу близ речек и горушек часто водятся рябчики. Здесь ты можешь «поговорить» с ними. Они охотно отзываются на манок (вабик, свисточек), и не только весною, но и в конце лета и осенью. Рябчик обязательно отзовется на призывный свисток и прилетит к тебе, а самка-рябушка, вероятно, пешком прибежит.

Самец же сядет на елку, да так, что не сразу углядишь его: перья рябчика под цвет коры, а шею он вытянет так, будто сучок на дереве. Но вот чуть качнется веточка, и ты заметишь рябчика: хочешь — рисуй, хочешь — фотографируй, только, конечно, если ты до этого хорошо замаскировался.

Вабик можно сделать из заячьей косточки, гусиного пера или из жести. Но жители северных лесов, тонкие специалисты по «разговорам» с рябчиками, предпочитают делать вабики из еловой веточки. Придет такой специалист в лес, быстренько сделает два-три вабика и начинает «разговаривать» с рябчиками на разные голоса.

Сделай и ты такой вабик. Выбери молоденькую елочку, острым перочинным ножом срежь у нее одну из нижних веточек — лучше такую, на которой почти нет хвои, но не сухую, гибкую. Отрежь от веточки гладенький кусочек длиною в 7 сантиметров и толщиною в 5—7 миллиметров и приступай к работе.

Сначала на отрезанном кусочке веточки, на расстоянии двух сантиметров от конца, сделай круговой надрез коры (до древесины). Затем от этого надреза разрежь кору вдоль и сними ее без повреждений при помощи ногтя большого пальца. Потом снова надень снятую кору на палочку и сделай острым ножом глубокий вырез. Снова сними кору, а на древесине палочки вырежь желобок длиною 13—15 миллиметров. От него до конца вправо срежь полосу древесины. Чистый, аккуратно сделанный черенок-палочку смочи слюною и надень на него кору.

Вабик готов!

Желаем тебе удачи в «разговоре» с рябчиками.

При «разговоре» с рябчиком нужно извлечь из вабика два длинных и три коротких звука:

Пииить, пииить, пи-ти-рить!
пииить, пииить, пи-ти-рить
(медленно) (медленно) (быстро).

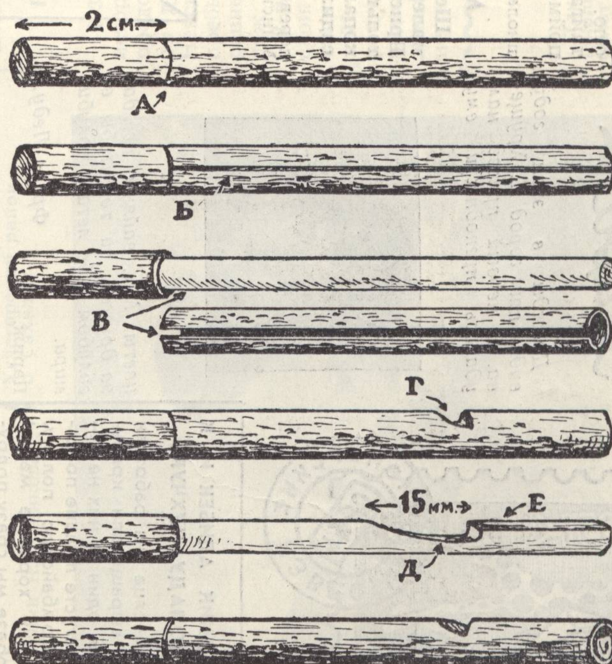
Первый звук к концу понижают — пииить, второй повышают — пииить, а из трех коротких — первый высокий, второй низкий, третий высокий.

Чтобы понизить «голос», нужно чуть-чуть губами прикрыть часть отверстия, вырезанного на коре.

Лучшие часы для таких «разговоров» с рябчиками — утренние и вечерние.

Прилетит рябчик, прилетит! А рябушка пешком прибежит!

Только не обижай их, не пугай, и знакомство состоится.

ПИОНЕРские ИЗВЕСТИЯ

№ 8 АВГУСТ 1960

БЕЗ «ЛЮБИМЧИКОВ»

Как только пришел я на ферму, сразу заметил, что тут не все в порядке. Одни кролики голодные сидят, а около других по пять человек толпится. Спрашиваю одну девочку:

— Что ты делаешь?

— Хочу дать побольше витаминов моей Рябке.

Так это же прямое нарушение мичуринской науки! И ее любимице от того пользы нет, а остальным кроликам-то и подавно. Начали мы разбираться и решили, чтоб этого больше не было. Теперь все кролики такие веселые стали!

Женя Брогди,
Закарпатская область,
ст. Тросник.

КУПИЛИ ТРАКТОР!

После окончания учебы все наши ребята решили помогать колхозникам. Но в колхоз мы пришли не с пустыми руками. Еще зимой пионеры начали собирать металлолом, чтобы на вырученные деньги купить трактор. Сейчас школьные трактористы поочередно работают на своем тракторе.

Оля Еремина,
деревня Речица,
Сталинский район,
Брестская область.

В небе голуби мира

Дважды в этом году видел наш город Н. Хрущева. В первый приезд нам удалось преподнести ему цветы. Мы, вайяны, всегда за дружбу, за то, чтобы в голубом небе летали голуби мира.

Франс Леду,
Париж.

ОГРОМНАЯ РЫБА

Лучший класс нашей школы поехал в каникулы на пароходе по Енисею. По берегам тянулась тайга. Наши мальчишки поймали огромную рыбу...

Валя Танкович,
школа № 49, г. Красноярск.

МОЙ НОВОСЕЛ

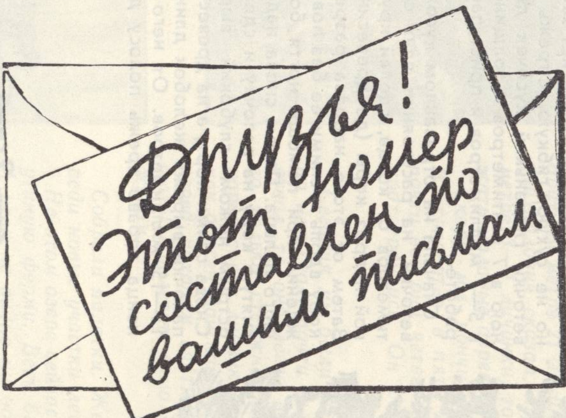
Шел я по лесу. Вижу, маленькое деревце стоит. Присмотрелся повнимательнее — черешня. Выкопал, принес домой и посадил.

Сережа Борейко,
деревня Пузики,
Минская область.

НА ЛЕДНИК АЛИБЕК И К ВОДОПАДУ ЧУХЧУР

Два месяца мы работали в поле, выращивали крольчат, и ни один из них не погиб. В августе лучшие поехали в Домбайскую поляну. Это очень хорошее место! На турбазе мы сразу подружились со взрослыми походниками и попросили их взять нас с собой. Мы сделали восхождение на ледник Алибек и к водопаду Чухчур. Все наши сдали нормы значка «Турист СССР».

Коля Лупинд
ст. Воровсколесская,
Ставропольский край.

А ВОТ...

(лагерные частушки)

**Влас бежит на стадион,
Клим ракеткой машет,
А вот Коля — чемпион
По съеденью каши.**

ПРАВИЛЬНО ЛИ Я ПОСТУПИЛ?

Я очень люблю голубей. По-моему, это лучшие из всех птиц, умные, ласковые. Они все понимают. Весной у меня было 16 голубей. Но вот повадился ко мне в сарайчик кот. Я забил все дыры, но кот все крал голубей. Поймать его было очень трудно, а хозяин кота не хотел ни о чем слышать. Осталось уже 11 птиц. Я решил унести кота подальше, но он убежал. И когда он съел почтового голубя Федора (Федор любил сидеть у меня на плече, ел из рук), я утопил кота.

Правильно ли я поступил?

Саша Каканин,
г. Макеевка,
Сталинская область.

БАЯН И МНОГО ПАР ЛЫЖ

Летом мы работаем в своем колхозе на прополке сахарной свеклы, а осенью будем работать на уборке картофеля и кормовой свеклы. Заработали уже 3 тысячи рублей. На эти деньги школа купила баян и много пар лыж.

Коля Гринько,
с. Новичиха,
Алтайский край.

На прощанье, уезжая,
Кто танцует, кто поет,
А вот наша звеньевая
План работы подает.

Наш отряд косил и жал.
Он в тени весь день лежал,
А вот хвастать скор уже:
...Я работал сторожем.

Рисунки Н. Новиковой.

ЛЕНИНСКИЙ МАРШРУТ

...За два месяца по ленинскому маршруту (он проходит по местам, связанным с жизнью Ильича) совершили походы все пионеры.

Совет дружины школы № 464.

г. Павловск.

ДО ОКОНЧАНИЯ ШКОЛЫ

К девяностолетию со дня рождения В. И. Ленина мы посадили аллею из девяноста деревьев. Сейчас каждый пионер выбрал деревце, за которым он будет ухаживать до окончания школы.

Пионеры Шахтерской корейской школы,

Углегорский район.
о Сахалин.

Юные геологи. Фото С. Карасева.

Спорт

ВПЕРЕДИ КИЕВЛЯНЕ

В дни каникул украинские школьники оспаривали в Одессе первенство республики по легкой атлетике. Бег на короткие дистанции выиграла одесситка Н. Угрик. Ее результаты: бег 100 м — 12,3 сек., 200 м — 26,6 сек.

На этих соревнованиях школьники установили два рекорда Украины. Б. Косарев из Станислава толкнул ядро на 14 м 27 см, а Н. Нестеренко метнул диск на 46 м 73 см. В командном зачете победили легкоатлеты Киева.

ДИСК ЛЕТИТ ДАЛЬШЕ

В Бресте проходили первенства Белоруссии среди юных спортсменов по легкой атлетике, спортивным играм, настольному теннису, гимнастике.

Два юношеских рекорда республики установили метатели диска В. Галенчик и Н. Морозов (оба из Минска). В командном зачете победили минчане.

БОРЬБА БЫЛА УПОРНОЙ

Три дня продолжались соревнования на первенство Эстонской ССР по художественной гимнастике. А. Тийк из общества «Кайрат» победила, получив за все упражнения 45,65 балла.

ГОВОРЯТ ТУРИСТЫ ЛЕНИНГРАДА

193-я школа: Наша историческая экспедиция продолжает изучение пути дружины Александра Невского. Уже доказано пребывание войска в деревне Пристань на р. Оредеж.

2-й интернат: Деньги на свои походы мы заработали на стройке.

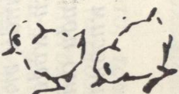
71-я школа: Нас интересует история боев народного ополчения в Великой Отечественной войне под Ленинградом.

ЛОВИМ ЦЫПЛЯТ И САЖАЕМ В КЛЕТКИ

Наш класс помогает совхозу. Мы собираем золу для зольных ванн. Уже собрано 185 килограммов. Ходим в цыплятник. Готовим цыплятам корм, поим их, а вечером ловим цыплят и сажаем в клетки. На школьном участке мы выращиваем кукурузу, турнепс, капусту.

Фая Веребовская,

4-й класс, Сосновский район, Ленинградская область.

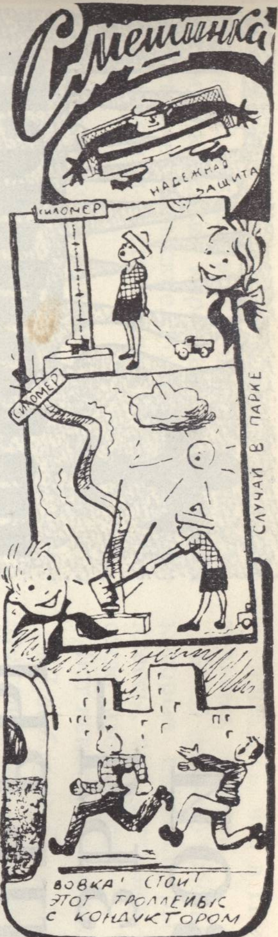
КОМБИНАТ УМЕЛЫХ

Так называется наш школьный комбинат. Ребята шьют одежду, делают игрушки. Выкройки делают мастера из старших классов, эскизы игрушек — дело рук школьных художников. Из готовых вещей организована выставка-продажа.

Сейчас комбинат делает для детсада № 43 столики, стеллажи, лопатки, совочки, готовит 200 комплектов постельного белья, 25 халатов.

Ирина Рауде,
Наташа Катукова,

г. Киев.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Алеша Шестопал (редактор), Таня Копылова, Женя Берлянд.

Рисунки Миши Корси.

ТВОИ ДРУЗЬЯ — ХАРЦЕРЫ

БРАВО

Приносим самую сердечную признательность харцерам из Влодавы, которые приняли горячее участие в нашем ужасном положении. У нас все погибло во время пожара. А харцеры собрали для нас и наших детей обувь и одежду.

Особо благодарю Зыгмусю Тихоцкую.

Александр Зубелевич
из Копытника, почтальон.

Кто такие харцеры, о которых здесь говорится? Харцеры — это организация передовых ребят Польши. Ребят, которые любят свою родину, хотят видеть ее счастливой и, как могут, помогают взрослым строить в Польше социализм. Письмо это помещено в газете харцеров «Свят млодых» — «Мир молодых».

«Браво, ребята! — говорит газета.— Вот каким должен быть харцер!»

Какими должны быть харцеры? Какие они? Как живут и работают? Какие дела затевают? Давайте перелистаем страницы газеты, и мы узнаем все это.

ПРИДУМАЛИ САМИ

Занимательное и совершенно новое дело, которое придумали сами ребята и сами довели его до конца,— это гордость харцеров.

Харцеры Решова стали помощниками милиционеров. Они помогают поддерживать в городе порядок. В милиции им дали белые перчатки, фуражки и разрешили задерживать тех, кто нарушает правила перехода улицы.

Это заголовок харцерской газеты «Свят млодых» («Мир молодых»).

Ребята несут дежурство на самых оживленных участках улиц. Задержав нарушителя порядка, они терпеливо объясняют ему правила движения.

Во время велосипедных и мотокроссов харцеры несут службу на трассе наравне со взрослыми и отлично с этим справляются.

В городе Ополе харцеры из дружины № 15 организовали пункт электрической помощи. В нем постоянно дежурят бригады из двух человек — харцеры, хорошо знающие электротехнику. Как только в дежурной комнате раздается звонок, аварийная бригада выезжает на место повреждения электросети. В городе этот ремонтный пункт пользуется огромной популярностью, ребята быстро прибывают на место, устраняют аварию умело и за невысокую плату.

Ребята из Опола получают практическую подготовку для своей будущей профессии и одновременно получают средства для нужд своей дружины.

Сейчас юные монтеры подумывают о покупке собственной машины — ведь тогда они смогут работать еще быстрее.

ВЫБЕРИ ЦВЕТ

Собрался харцерский отряд. Вожатый отдал приказ: «Харцеры, отправляйтесь по своим квартирам и проверьте, все ли там в порядке в эту минуту: работает ли звонок, не течет ли вода из кранов, не испорчена ли дверная ручка и т. д. Все эти неполадки занесите в карточку. Даю вам на выполнение сорок пять

минут!» Через сорок пять минут все снова в сборе. В руках у вожатого карточки с записями; красным карандашом помечены работы электрические, голубым — слесарные, зеленым — стекольные, черным—столярные.

Теперь легко разделить отряд на бригады «специалистов». Возможно, что некоторые ребята сумеют сами устранить все неполадки в своей квартире. Но может оказаться, что харцер, который отлично починит кран, не сумеет исправить утюг.

Тут-то и придут к нему на помощь «специалисты» — товарищи из его отряда.

Вот о таких интересных и необычных сборах газета рассказывает всем ребятам, чтобы и в другом отряде были созданы харцерские бригады «специалистов».

САМАЯ ЛУЧШАЯ ДЕВОЧКА

Разыскиваем самую лучшую из девочек,—объявила газета. Пусть читатели назовут достойную, такую, которой надо дать медаль, такую, которая больше всех заслуживает, чтобы о ней сказали: «Вот это действительно замечательная девочка».

Оказалось, что в Польше много замечательных девочек.

Было названо шестьсот кандидатур. Некоторые кандидатуры выдвигали целые классы, они ручались честным словом за свою избранницу.

Вот некоторые из писем.

«Я выбираю Дзюню, а не другую потому, что она для меня очень много сделала. Прошлой зимой мы пошли всем классом в лес кататься на санках. С одной из горок учитель запретил съезжать, потому что внизу был пруд. А я съехал. Под моей тяжестью лед на пруду проломился. Я стал медленно погружаться.

Дзюня, видя это, тоже съехала с горы, но она все время тормозила ногами и вовремя остановилась. Потом быстро бросила мне санки. Я погрузился уже по плечи, но успел ухватиться за санки одной рукой. Дзюня вытащила меня. На другой день она пришла к нам домой и рассказала, что было в школе, что задали. Приходила все время, пока я болел. Она есть и будет самой лучшей ученицей и лучшим товарищем!

Адам К.».

«Девочка, которую я выбираю, среднего роста, белокурая, с голубыми глазами. Она очень сильная. Умеет играть в футбол не хуже, чем ребята. Как только она стала ходить в школу, то подружилась со мной и другими

На учениях. Во многих селах охрану леса несут харцерские пожарные дружины.

ВЕСЕЛЫЕ РИСУНКИ ИЗ ГАЗЕТЫ «СВЯТ МЛОДЫХ».

«Вовсе не трудно».

«Мечта космонавта».

мальчиками. Много раз помогала мне в учебе. Она ловкая, умеет выйти из любого положения. Помогает родителям в работе и слушается их. У нее много подруг и друзей, которые посылают ей письма и открытки.

Мариан С.».

Выборы закончились. Девочкам были присуждены золотая, серебряная и бронзовая медали. Золотую медаль получила Марыся. Почему именно она?

Читаем письмо ее товарища:

«Однажды я и мои друзья, среди которых была Марыся, пошли на реку купаться. Вдруг мы заметили дым над одним из домов. Побежали туда, где был пожар. Кто-то крикнул, что в загоревшемся здании остался ребенок.

Дом так и пылал. Для спасения ребенка не оказалось отважных. Вдруг я увидел, как Марыся пробирается сквозь толпу зрителей в направлении горящего входа. Люди закричали: «Сумасшедшая, куда ты идешь? Или сама хочешь погибнуть?»

Но она исчезла среди дыма и огня. Дом уже весь был охвачен пламенем. Лопалась крыша, и рушились стропила. Люди затихли. Я замер от страха. Не веря глазам, я увидел Марысю, выбежавшую с ребенком на руках. Вид ее был ужасен: в разорванном платье, в одной туфле, черная, с опаленными волосами. Отдала кому-то ребенка и упала на землю. Ее отвезли в больницу. Она пробыла там три недели».

Марыся названа в 1960 году лучшей девочкой. Фамилии ее газета не сообщила. Отважная девочка захотела остаться неизвестной. А теперь читатели «Свят млодых» разыскивают самого лучшего мальчика. За какие поступки получат медали мальчики?

«СЕРДЦЕМ С МАЗУРАМИ»

Газета любит ребят, которые хорошо дружат, помогают друг другу, газета поддерживает тех, кто начал доброе дело.

Харцеры Варшавы на лето выезжают в пионерские лагеря на Вармии и в Мазурах.

Харцеры любят и изучают народные обычаи, собирают народные песни и танцы. Вот харцерки в старопольских костюмах; они показывают сценку из жизни старого села.

Энергичный финиш.

Они решили жить там не белоручками. Помогать населению.

В 1958 году варшавские харцеры начали кампанию помощи Вармии и Мазурам. Именно тогда был выдвинут лозунг «Сердцем с Мазурами».

Уже стало традицией, что лагеря организуют полевые бригады, детские сады. Ребята ремонтируют в селах изгороди и колодцы, организуют санитарные патрули первой помощи и даже маленькие полевые госпитали.

В этом году харцеры из отряда Мокотов-Западный начали кампанию снабжения книгами нескольких библиотек на Вармии и в Мазурах. По случаю Дня просвещения, книги и печати они организовали на варшавской весенней ярмарке свой пункт по сбору книг, которые летом появятся в мазурских деревнях, школах и библиотеках.

СОЗДАТЕЛИ ЛЕТОПИСИ

Во многих селах и городах ребята оберегают памятники героям Освобождения — русским и польским солдатам.

Данута П. из Варговца рассказала в своем письме о подробностях гибели советского полковника Андрея Пашкова, освобождавшего ее родной город. Пашкову был поставлен памятник, и харцеры любовно оберегают его.

«Свят млодых» поместил письмо Дануты и похвалил харцеров из Варговца, которые сохраняют память о героях. Историю героических дней Освобождения должен знать каждый харцер.

Зимой «Свят млодых» предложил своим читателям собирать материалы о первом дне свободы в их родном городе, деревне, местечке. Тысячи ребят откликнулись на этот призыв.

Юные историки завели фронтовые дневники, в которые заносились факты, точные даты освобождения, номера воинских частей, имена командующих, которые первыми вошли в города и села. Имена тех, кто первым повесил польский флаг. Газета

Портрет, который вы здесь видите, висит в школе в польской деревне Герасимовичи. Это портрет ефрейтора Советской Армии Григория Павловича Кунавина. В бою за деревню Герасимовичи он погиб, повторив подвиг Матросова. Жители деревни хранят благодарную память о герое. Они приняли постановление: занести имя Г. П. Кунавина навечно в список почетных граждан Герасимовичей; присвоить школе его имя; начинать каждый год первый урок в первом классе с рассказа о воине-освободителе Григории Кунавине. «Пусть прослушают дети рассказ стоя. Пусть их сердца наполнятся гордостью за русского брата воина-славянина. Пусть их понимание жизни начинается с мысли о братстве польского и русского народов».
Так написали крестьяне в своем постановлении.

вместе со своими читателями создает «Летопись освобождения». Так и называлась эта работа ребят: «Кроника возволення» — «КВ-15» (цифра пятнадцать показывает, сколько лет прошло со времени освобождения).

Вы тоже можете принять участие в этой работе харцеров. Если вы узнаете от родителей, от учителей, от знакомых интересные факты об освобождении Польши, о дружбе польских и русских солдат, пишите об этом в Варшаву, в газету «Свят млодых» или к нам в журнал «Пионер».

Инна Котова

„Электронный доктор"

— А ну-ка, открой рот! Так, горло обложено. Температура есть? 38,5? Да, ангинка, дружок, ничего не поделаешь, придется полежать.

Кому из вас, ребята, не знакома такая сценка? Определив болезнь, врач выписывает рецепт, вы принимаете лекарства, и через несколько дней ангину как рукой сняло.

Но не всегда так просто определить, чем заболел человек, не всегда легко поставить диагноз. А ведь от правильного диагноза зависит лечение и выздоровление больного.

И вот инженеры, управляющие электронными машинами, решили помочь врачам. В павильоне Академии наук на Выставке достижений народного хозяйства СССР стоит невысокий белый шкаф с телевизионным экраном и множеством ручек управления. Возле шкафа с посетителями беседует инженер в белом халате. Вот кто-то из толпы, словно на приеме у врача, говорит: «Горло болит, температура повышенная, озноб, ноги стынут...» Пальцы инженера пробегают по рядам кнопок. Как настоящий врач, он пытливо допрашивает «больного»: «А насморка нет? Может быть, в легких покалывает?» Получив ответ, инженер снова нажимает кнопки.

Когда опрос закончен, инженер предлагает всем взглянуть на экран телевизора. Там вспыхивает надпись: «ангина», или «грипп», или «пневмония».

Так без помощи врача машина сама по признакам болезни ставит диагноз!

Пока что «электронный доктор» может определить не все болезни. Но ведь это первый шаг. Пройдет не так уж много времени, и в кабинете врача вы увидите такой же белый шкафчик. Когда вы будете рассказывать доктору, что у вас болит, его пальцы тронут несколько кнопок на шкафчике, и машина скажет врачу свое мнение о вашей болезни, поможет ему разобраться в затруднительном случае.

И. Нехамкин

Радиостанция-малютка

— Внимание! Говорит «Недра-I»! Говорит «Недра-I»!

На вершине горы стоит геолог с телефонной трубкой в руке и разговаривает со своими товарищами, которые находятся в десяти и больше километрах от него. Как же он может говорить, если нигде не видно проводов телефонной линии?

Геолог беседует со своими товарищами по радио. «Недра-I» — это карликовая радиостанция, сконструированная по заказу разведчиков недр — геологов.

Приемник и передатчик ее смонтирован в утолщенной микротелефонной трубке, к которой сверху привинчивается небольшой металлический прутик антенны. Радиостанция весит всего восемьсот граммов, а вместе с сумкой и аккумуляторами (питанием) — четыре килограмма. Ее можно взять в любой поход, даже в альпинистский.

И еще одна важная особенность карликовой радиостанции: она имеет постоянную волну, ее не нужно подстраивать. Нажал кнопку — и веди прием и передачу на расстоянии тридцати километров. Пользоваться такой радиостанцией может любой человек, даже совсем не знакомый с радиотехникой.

А. Тараданкин

Туннель под Монбланом

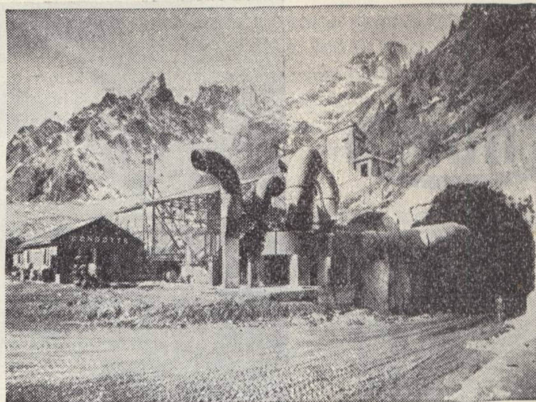
Сквозь хребты Альп прорыто несколько железнодорожных туннелей, а сейчас под Монбланом сооружается самый длинный в мире туннель, по которому можно будет попасть из Франции в Италию. Длина его — 11 600 метров.

В горном массиве будет проложена автострада шириной 7 метров, а по бокам ее — пешеходные дорожки. Туннель сократит расстояние между двумя странами на 230 километров.

Строить его будут итальянцы и французы, идя навстречу друг другу.

Туннель прокладывается примерно на высоте около 1 400 метров над уровнем моря, но на некоторых участках он уйдет в глубину до 3 тысяч метров. Предполагают, что в таких местах будет очень высокая температура, и работать там будет нелегко.

На снимке — вход в туннель со стороны Италии.

Необыкновенная свекла

Случалось ли вам держать в руках семена свеклы? Ручаемся, что вы их при этом не видели, потому что каждое свекольное семечко заключено в оболочку. Оболочки пяти-шести плодов срастаются друг с другом и со стенками завязи цветка в так называемый «клубочек». Вот эти-то клубочки, внутри которых спрятано несколько семян, вы и видели.

Из каждого клубочка вырастает несколько проростков. Они дружно противостоят сорнякам и вредителям.

Но вскоре густые всходы смыкаются, и если не провести вовремя прорывку, не получишь крупных корнеплодов. А прорывка — трудное и кропотливое дело. Она отнимает у колхозников много времени и сил. Ведь прорывать свеклу приходится вручную. Еще не придумали такой машины, которая бы могла проредить плотное гнездо, выросшее из клубочков.

Вот почему советские ученые-селекционеры уже давно — почти тридцать лет — работали над созданием такой сахарной свеклы, у которой в каждом клубочке было бы только одно семечко. И в конце концов они получили новые сорта односемянной сахарной свеклы.

Односемянная свекла уже поселилась на колхозных полях... Сеять ее можно машинами, а прорывки она не требует. Это экономит колхозам нашей страны миллионы рублей.

Ученым, которые вывели новые сорта односемянной сахарной свеклы: О. К. Коломиец, М. Г. Бордонос, И. Ф. Бузанову, В. П. Зосимовичу, Г. С. Мокану и А. В. Попову, — в этом году присуждена Ленинская премия.

Г. Березовский

Перелет Арктика—Антарктида

Полярные крачки — чемпионы дальних перелетов. Гнездятся они в тундре за Полярным кругом: на островах Ледовитого океана, в Гренландии, на севере Канады, Аляски, Сибири и Европы. Но когда приходит осенняя стужа, крачки вместе с другими перелетными птицами улетают. Летят они... в Заполярье. Только не в северное, а в южное: в моря, омывающие Антарктиду.

Ни одна птица на свете не совершает таких далеких перелетов. Полярные крачки, гнездящиеся в канадской тундре, дважды в году пролетают путь в семнадцать тысяч километров. А крачки с Чукотки или Анадыря предпринимают более далекое путешествие: прежде чем повернуть на юг, еще много тысяч километров летят на запад вдоль сибирского побережья Ледовитого океана, огибают с севера Скандинавию, а затем поворачивают к берегам Африки. Не задерживаясь в стране бегемотов и львов, они летят дальше, в Антарктиду.

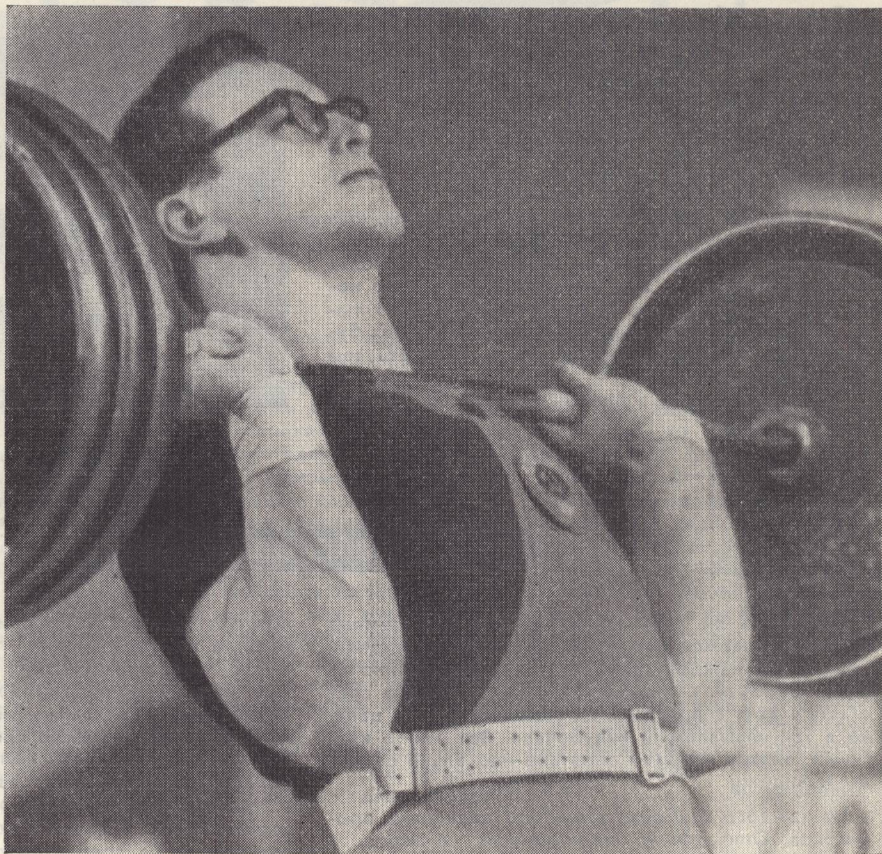
Так полярные крачки пролетают от «макушки» до «макушки» земного шара.

Вот это пилоты!

И. Акимушкин

Дороги, ведущие в Рим

СПОРТ

Юрий Власов выжимает штангу. Вес — 175 килограммов.

Когда почтальоны положат в сумки номера этого журнала, в древнем городе на берегу Тибра зажжется огонь, доставленный сюда из Греции, с горы Олимпа,— огонь XVII Олимпийских игр. Лучшие спортсмены соберутся здесь со всех концов земли, чтобы, состязаясь в ловкости, силе, быстроте, выносливости и смелости, добиваться лаврового венка и золотых олимпийских медалей.

Давайте заглянем в «олимпийскую деревню», где поселились участники Олимпиады. Здесь вместе со своими будущими соперниками, приехавшими с пяти континентов, ожидают стартов и спортсмены советской команды — те, кому предстоит защищать спортивную честь нашей страны. О каждом из них интересно бы рассказать, но так как это немыслимо, расскажем о четверых.

ПОБЕЖДАЮЩИЙ ГОРУ

Ребята, знакомые с физикой, поймут, что человеку тщедушному трудно поднять на высоту большой груз, даже обладая хорошей мускульной силой. Мешает недостаточно большая масса собственного тела. Этот физический закон играет роль и в тяжелой атлетике.

Недаром рекордсмен мира американец Пауль Андерсон, долгое время считавшийся непобедимым, весил 160 килограммов. Он выжимал, толкал и поднимал рывком штангу, вес которой в сумме этих трех движений составлял 512 килограммов. Так установил он мировой рекорд, и сколько ни старались другие штангисты, поднять больше, им до сих пор не удавалось. Тогда некоторые зарубежные специалисты стали утверждать, что Андерсон — исключение из правил, человек, какой рождается раз в сотню лет, и что, мол, «нормальному» спортсмену побить его ре-

корд не под силу. Говорили даже, что надо бы ввести новую весовую категорию для таких «сверхатлетов»: категорию сверхтяжелого веса.

Пять лет назад Андерсон побывал вместе с командой американских штангистов в Москве и легко победил всех своих соперников. Ему действительно не было тогда равных. Но Андерсон не подозревал, что в зале среди зрителей сидит человек, который сокрушит в будущем его рекорды. Лейтенант Советской Армии Юрий Власов, поправляя рукой очки, внимательно следил за каждым движением «человека-горы».

С того дня Юрий Власов серьезно взялся за тяжелую атлетику. Ему приходилось труднее, чем Андерсону, ведь Андерсон ничем, кроме спорта, не занимался: его кормил, поил и одевал Боб Гофман, миллионер и поклонник тяжелой атлетики. А Власов учился в Военно-воздушной инженерной академии имени Жуковского. Он прежде всего стремился стать отличным инженером, а спортом занимался для бодрости, для здоровья. Порой приходилось часами не разгибать спины над чертежной доской и просиживать ночи над книгами.

Но не пропала зря закалка, полученная в стенах суворовского училища, где рос и воспитывался после смерти отца мальчик Юра Власов, сын советского дипломата.

Настал день, когда Власов одержал самую главную свою победу: защитил дипломный проект. А через год в Варшаве он одержал и другую победу: впервые приняв участие в состязаниях на первенство мира по тяжелой атлетике, стал чемпионом мира.

Оказалось, что дело не только в весе. Ведь весит Власов килограммов на сорок меньше, чем Андерсон. А поднимает он теперь — в жиме, рывке и толчке — штангу весом в 520—525 килограммов! Это происходит пока на тренировках. Но недалеко время, когда советский инженер официально сокрушит рекорд Андерсона. Может быть, это как раз и произойдет в Риме?!

В Варшаве Власов был самым популярным из атлетов. Всегда приветливый, веселый, остроумный, он охотно отвечал на вопросы репортеров, безотказно расписывался в блокнотиках маленьких варшавян — любителей автографов. Стоило только этому русому гиганту в больших роговых очках показаться в вестибюле отеля «Варшава», как тотчас же возникала своеобразная пресс-конференция. Блестяще владеющий французским языком, Юрий Власов беседовал с иностранными корреспондентами на любые темы. Речь шла не только о тяжелой атлетике, но и о любимых книгах, о новых кинофильмах, о живописи и музыке.

Один из итальянских журналистов, влюбленно глядя на Власова, говорил тогда:

— Невероятно! Это же ученый, а не штангист! У Пауля Андерсона можно было лишь узнать, сколько дюжин сосисок в день он съедает и сколько поглощает литров молока. Говорить с ним было больше не о чем, на него можно было лишь глазеть, как туристы на Монблан.

«МАЛЫШ»

Два года назад в ворота стокгольмского стадиона «Улеви» вбежал невысокий светловолосый паренек в красной майке с советским гербом. Трибуны встретили его овацией. Еще бы! Этот паренек, с виду совсем не блиставший силой, только что пробежал больше сорока километров со скоростью хорошего трамвая. Мало того, что он стал чемпионом Европы. Он показал время 2 часа 15 минут 17 секунд — лучшее в мире время для этой прославленной дистанции!

Много веков назад греческий полководец

Марафонский бег. На дистанции — Сергей Попов.

Мильтиад в битве на Марафонской равнине разбил наголову персидское войско. Весть о победе требовалось срочно передать в Афины. Но как? Единственным средством связи в те времена был быстроногий гонец. Сорок два километра сто девяносто пять метров пробежал без передышки греческий юноша. Достигнув Афин, он только вымолвил «ника» («победа») и упал замертво...

В память о подвиге воина Мильтиада спортсмены разных стран состязаются в беге на марафонской дистанции — 42 километра 195 метров.

Огромное напряжение и сил и воли необходимо тому, кто захочет одержать тут хотя бы первоначальную победу, наименьшую из возможных: просто достигнуть финиша.

Сергей Попов, столь блистательно победивший в Стокгольме, работал после окончания техникума электриком-связистом на Иркутской железной дороге и упорно тренировался в легкой атлетике. В любую погоду: в зной, в дождь, в мороз — его можно было видеть на стадионе, в спортзале или на дистанции кросса.

— Наш «малыш» хочет перегнать поезд! — подсмеивались друзья.

Но «малыш» (Сергей действительно ростом невелик —160 сантиметров) не обращал внимания на шутки. Мечта звала его к цели.

Холодно? Не хочется выходить из дому? Что ж! Я преодолею это «не хочется»! Воскресенье, ребята зовут на прогулку? Нет! Прогулка потом, сначала в спортзал, тренироваться со штангой. Важно ни на день, ни на час не делать себе скидок!

Так ковалась победа. Так Сергей Попов стал чемпионом страны, заслуженным мастером спорта. Вот почему, когда в один из дней Олимпиады на шумной площади в Риме, возле статуи императора Марка Аврелия, возьмут старт марафонцы, среди них будет и наш «малыш».

ТРЕХКРАТНЫЙ ЧЕМПИОН

Офицер был молод и отважен. Именно ему решили доверить секретный пакет. Офицер вскочил на коня и помчался сквозь кольцо вражеских войск, окруживших его часть. Склонившись к луке седла, пришпоривая скакуна, он, казалось, летел по воздуху. Вокруг шмелями жужжали пули, но офицер мчался вперед, вперед, как вдруг конь, ужаленный свинцовым шмелем, споткнулся на бегу и грохнулся замертво наземь.

Спешившись, офицер стал отстреливаться из пистолета. А когда кончились патроны, выхватил шпагу и вступил врукопашную. Раненный, он все же отбился и ускользнул от своих преследователей. А ночью, переплыв быструю реку, он из последних сил пробежал оставшиеся километры.

Никто не знает, как звали этого смельчака, под каким знаменем он сражался. Но его подвиг атлеты всего мира повторяют в спорте. Так возникло «офицерское пятиборье». В него вошли: конный кросс, фехтование, стрельба из пистолета, плавание и бег. Позднее этот вид состязаний назвали «современным пятиборьем».

Когда в 1951 году студент из Еревана Игорь Новиков заинтересовался современным пятиборьем, он уверенно чувствовал себя только в плавании. Но шпага и пистолет быстро покорились ему, а с верховой ездой не клеилось: горячая, норовистая лошадь каждый раз сбрасывала седока на опилки манежа. «Укрощение строптивой» заняло много месяцев. Наконец настал день, когда Игорь почувствовал себя в седле как рыба в воде.

В 1952 году на Олимпиаде в Хельсинки он стал четвертым в списке сильнейших пятиборцев мира. Однако дальше дело пошло туже. И хотя дома, в СССР, Новиков дважды завоевал золотую медаль чемпиона страны, на следующей Олимпиаде в Мельбурне он опять остался за чертой призеров.

«Неужели мне никогда не перейти эту черту?» — сокрушенно думал пятиборец. Это было тем более обидно, что он тренировался с небывалым упорством, поражавшим всех окружающих. Пять раз в неделю его видели в седле, ежедневно он стрелял из пистолета, фехтовал.

И наконец стадионы покорились его железной воле. На чемпионате мира 1957 года в Стокгольме Новиков выиграл скачку, фехтование, стрельбу, плавание. Лишь в беге его опередили соперники, но он уже был недосягаем для них по сумме очков.

Новиков не расстался с победой и на следующий год. Он вторично завоевал золотую медаль

Разбрасывая брызги копытами, конь бросился в реку. Послушный Игорю Новикову, он возьмет водную преграду.

чемпиона в английском городке Олдершоте. А в 1959 году на чемпионате мира, проходившем в США, он победил в третий раз. Такого успеха еще никто не достигал в истории современного пятиборья. Восхищенные трехкратной победой Новикова, английские пятиборцы из города Олдершота переименовали свой клуб: назвали его «С. К. Новиков» («Спортивный клуб Новиков»).

И еще один клуб носит имя замечательного спортсмена. Это клуб юных, детская спортивная школа в Ереване. Будущих пятиборцев тренирует здесь сам Игорь Новиков — трехкратный чемпион мира.

ЗОЛОТАЯ РАПИРА МОСКВИЧКИ

Мальчишки, постоянные читатели библиотеки, хорошо знают строгую библиотекаршу, которая выдает им книжки. Она не даст спуску, если ты провинился: она бранит за порванный переплет или задержку книги. Зато с ней интересно бывает поговорить о любимых героях, и тогда вдруг оказывается, что у нее общие с мальчишками вкусы. В их возрасте она тоже увлекалась похождениями отважного Д'Артаньяна и его задиристых приятелей. Но в отличие от большинства мальчишек она сама могла бы скрестить клинок с любым из трех мушкетеров. Ведь библиотекарь Алла Шепелева прекрасно владеет рапирой. Она чемпион мира по фехтованию среди девушек.

Нынешней весной сто двадцать юных фехтовальщиков из двенадцати стран съехались в город на Неве, чтобы со шпагой, рапирой или эспадроном в руке отвоевывать золотые медали и славу «первого клинка». Место встречи, Ленинград, было избрано удачно. Трудно найти у нас в стране город, который всем своим обликом так подходил бы к этому романтическому виду спорта. Каждый камень северного города дышит романтикой. Башенки Инженерного замка, колоннады дворцов, сонная гладь Лебяжьей канавки, гранитные львы над Невой...

Судьба золотой медали решалась в финальном поединке: Алла Шепелева — Антонелла Раньо. Но для Аллы победа в чемпионате «юных д'артаньянов» означала не только золотую медаль. Поедет ли Алла в Рим? Ответ даст ее рапира. Только эта победа поставит девушку в один ряд с лучшими фехтовальщицами страны.

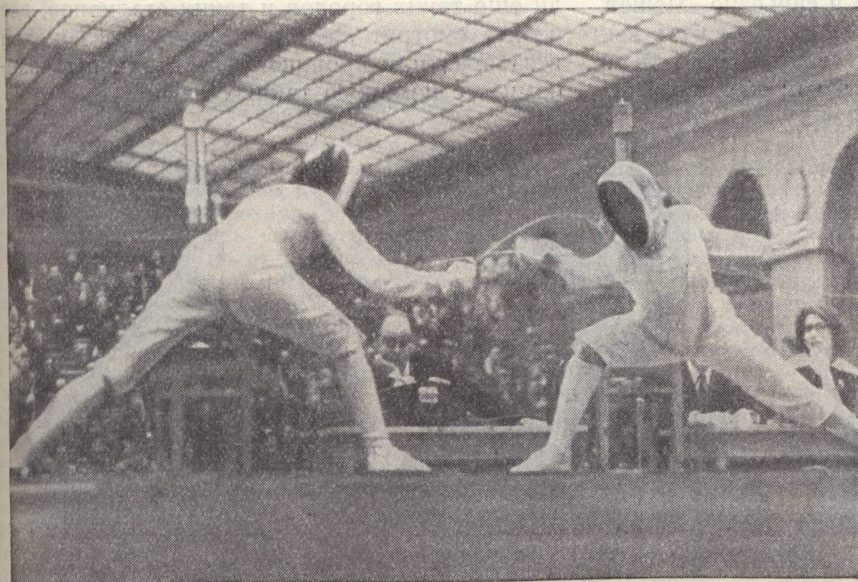
Был уже поздний вечер. В ожидании своей очереди Алла наблюдала за другими участниками турнира. Вот итальянский рапирист Ля Ражонье. Перед тем, как вступить в борьбу, он каждый раз выполняет странный ритуал. Сначала целует ладонь собственной руки, потом подходит к тренеру и подставляет ему щеки. Резко, как выстрелы, звучат пощечины. Зрители ахают. А суеверный спортсмен, «застрахованный» пощечинами от неудач, выходит на дорожку.

Но ворожба не помогла итальянцу стать чемпионом. Главное ведь воля, мужество, трудолюбие на тренировках! Это блестяще подтвердилось с Аллой Шепелевой.

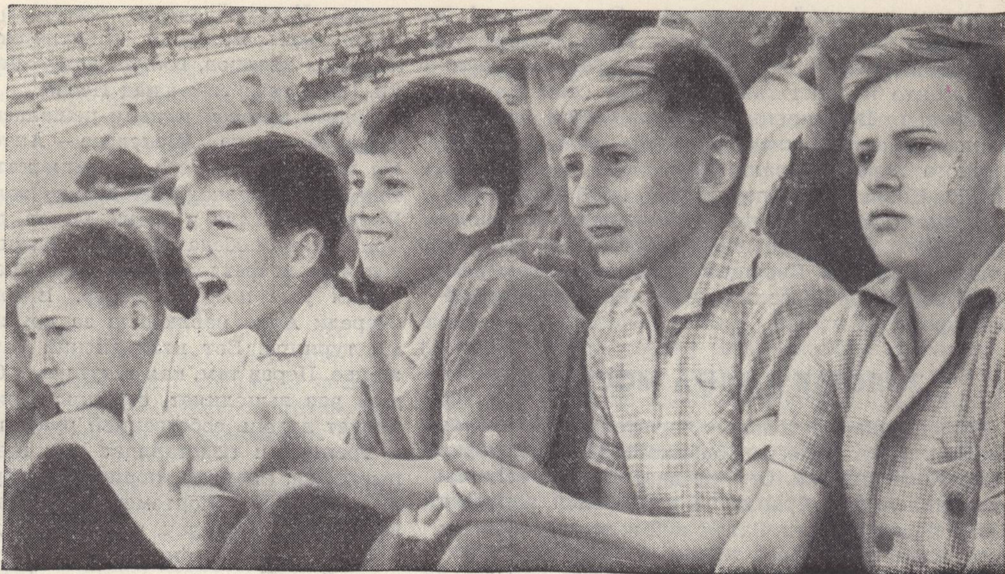
В финальной схватке она сразу же бросилась в атаку. Стальными молниями сверкнули рапиры... Вот Антонелла Раньо, вспыльчивая итальянка, в досаде топает ногой: клинок москвички коснулся ее куртки. Счет 1 : 0. Вот второе касание; счет — 2 : 0. Еще одно! 3 : 0. Кажется, победа уже близка. Но Раньо отчаянно атакует, ей удается сократить разрыв. И тут Алла совершила свой «золотой выпад» — нанесла Раньо решающий укол.

Так ступила она на дорогу, ведущую в Рим.

Н. Колесникова,
П. Михалев

Алла делает решающий выпад — гибкая рапира изогнулась дугой: итальянка «ранена».

На Северной трибуне в Лужниках...

Крупнейший стадион страны — стадион имени В. И. Ленина в Лужниках — отвел всю свою Северную трибуну для школьников. Здесь цена билета всего один рубль, но взрослому не купить этот билет и за тысячу, потому что эти дешевые билеты касса продает только ребятам.

И вот перед вами «население» Северной трибуны в минуты игры. Как по-разному следят эти мальчики за событиями на зеленом поле! Один — озабоченно и серьезно. Может, игра идет у «его» ворот? Второй — чуть выжидательно, готовый и зааплодировать и свистнуть, смотря по тому, как обернется дело. Третий сжал кулаки, словно сдерживая руками готовую прорваться радость. Четвертый во все горло кричит от восторга. А внизу три снимка с одного мальчишки. Не правда ли, не надо смотреть на игру, по его лицу можно угадать, что происходит на поле?

Эти ребята любят спорт. Тот, кто сегодня пришел на Северную трибуну только болельщиком, завтра сам захочет быть спортсменом.

Нет, ведь до чего же здорово — отдать ребятам целую трибуну! Это правильно! А нет ли еще таких городов и таких стадионов, где ребята смотрят на игру только через щелки в заборах или проникают на стадионы «зайцами», с помощью тайных лазов?

Штрафной... Мазилы!.. Гол!!!

О землянике, науке и моих помощниках

Г. ШАНГИН-БЕРЕЗОВСКИЙ,
научный работник Института генетики
Академии наук СССР

Фото автора и С. Карасева.

К нам в институт пришли на летнюю практику пионеры-восьмиклассники из четвертой московской школы. Институт загудел, как весенний улей; по теплицам и опытным участкам разлетелись веселые стайки ребят.

Ко мне подошли три школьницы.

— Здравствуйте, мы к вам.

— Ну, что же,— сказал я,— давайте знакомиться. Как вас зовут?

— Таня, Таня и Наташа.

Наш разговор прервали: ребята затеяли возле теплицы игру с шлангом, и вода полетела на опыленные растения. Я бросился туда. Навстречу мне из-за поворота выехала тележка для рассады. В ней сидели трое ребят, а четвертый выполнял роль лошадки. Я высадил веселых пассажиров, навел порядок у поливальщиков и вернулся к моим подшефным.

— Вас интересует биология? — спросил я.

— Да...— сказали они не очень уверенно.

«Что же мне с ними делать? — подумал я.— Как я доверю им опытный материал?» Но на меня смотрели три пары глаз, и три пары рук ждали, когда им дадут полезную работу.

— Вот наш участок,— сказал я.— Там прополото, а сюда еще руки не дошли. Берите тяпки, и начнем путешествие. Что растет на этом участке? — спросил я девочек.

— Клубника,— хором сказали они.

— Не клубника, а земляника. То, что обычно называют клубникой,— это садовая земляника. Клубника здесь тоже есть, но это совсем другие виды. Вот, смотрите: восточная клубника ориенталис. Это лесная клубника — полуница. А это благородная клубника. Ягоды ее мельче, чем у садовой земляники. Но зато они удивительно вкусные и такие душистые, что если вы попадете на плантацию такой клубники, у вас с непривычки закружится голова. Одной ягоды ее довольно, чтобы наполнить комнату сильным ароматом.

Все опыленные соцветия надо поместить в изолятор.

Впрочем, договоримся сразу: ягода земляники не ягода. Ягода у помидора и, как ни странно, у огурца и арбуза. А у земляники «ложная ягода», разросшаяся мякоть цветка. Настоящие плоды земляники — маленькие семянки, которые разбросаны по поверхности ее «ягод».

Я взглянул на школьниц и увидел, что слушают они с интересом. Одна из них спросила:

— А скажите, почему все-таки клубника, ну та, которая земляника, почему она не клубника? Пускай бы называли, как все говорят...

— Это целая история,— сказал я.— Длинная и запутанная. Я расскажу вам только маленький кусочек ее. Вы, наверно, знаете, что растения путешествуют по земле. Им помогают в этом ветер, птицы, дикие звери и особенно люди. И вот когда новые виды появляются там, где их раньше не было, они часто получают совсем не те имена, какие были у них на родине. Вот смотрите, у забора желтая акация. А на самом деле это совсем не акация, а карагана. И белая акация с нежным запахом тоже не акация, а робиния. Настоящая акация — это та, чьи веточки с желтыми, пушистыми, как цыплята, цветками продают ранней весной под названием мимоза. Я мог бы рассказать и о настоящей мимозе, но нам пора вернуться к землянике. Надо хорошо прочистить участок. Смотрите, что надо уничтожить, а что можно оставить.

Вот осоты и будяки. Это злейшие враги, такие же, как и пырей. Дай им волю — и не будет ни урожая, ни нормально развитых растений.

А вот тихоня-одуванчик. Называется «лекарственный», весной радует глаз веселыми желтыми огоньками. А потом засыпает «парашютиками» семян все поле, и вред от его проростков не меньше, чем от осота. А ведь у него такие славные родственники: кок-сагыз, крым-сагыз, тау-сагыз — отличные каучуконосы.

Впрочем, это не редкость. В семье, как говорят, не без урода. Вот смотрите, лебеда. Она тоже из хорошей семьи маревых, и сама называется «марь». В семью входят свекла, шпинат, саксаул, много лекарственных трав. А наша лебеда — бурьян и только. Или вот еще вьюнок. Его брат батат кормит в тропиках миллионы людей. А этот братец — паразит. Оплетает и давит своих соседей, которые ему же дают опору. Долой всю эту нечисть с поля! И даже эту земляничку, она тоже сорняк — бахмутка. Листья здоровенные, а урожая — кот наплакал.

Мы вчетвером прошли с мотыгой и выпололи все сорняки. Оставили только клевер, чину и вику—мышиный горошек. Эти бобовые пускай живут: они улучшают почву.

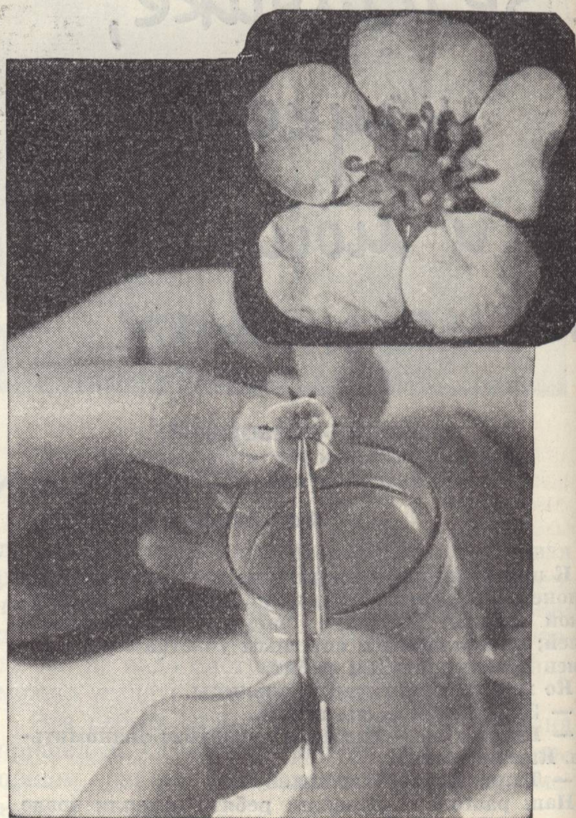
И когда на поле стало чисто, перед нашими глазами выстроилось, как на параде, земляничное войско. Растения стояли стройными рядами, из листвы выглядывали остроконечные бутоны.

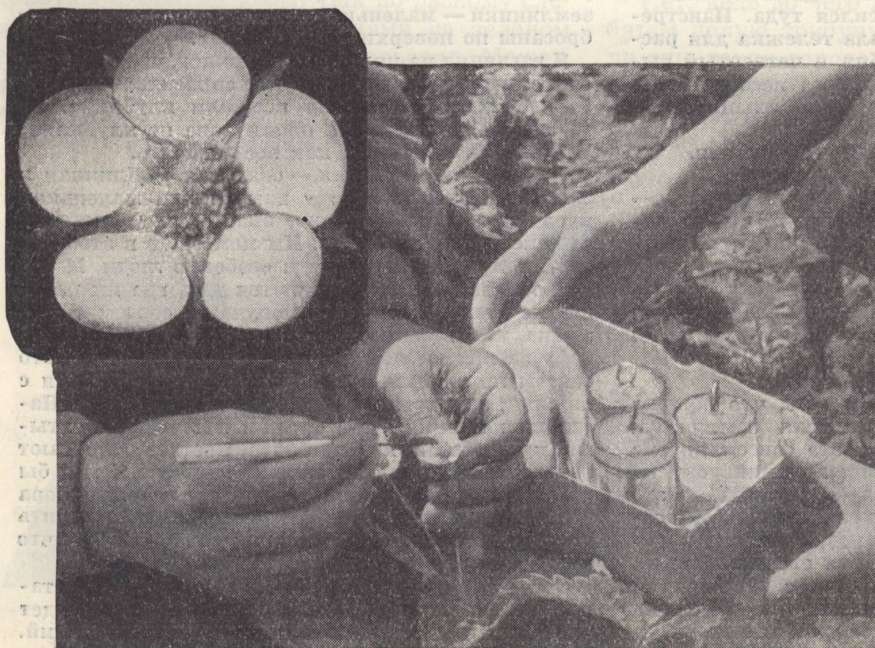
Все двадцать дней практики школьницы были настоящими друзьями и заботливыми хозяевами земляники, хотя достались им только цветочки. А ягодки совсем чуть-чуть, и только в последние дни.

* * *

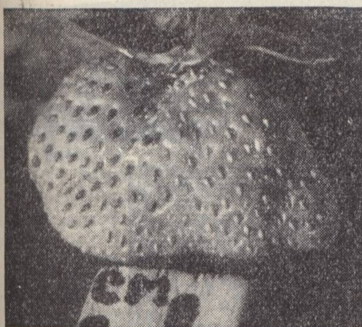
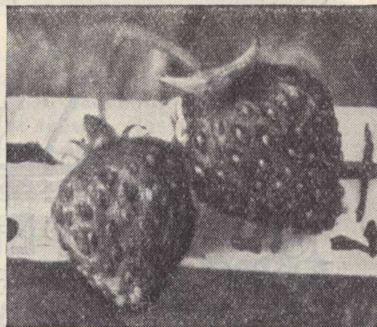
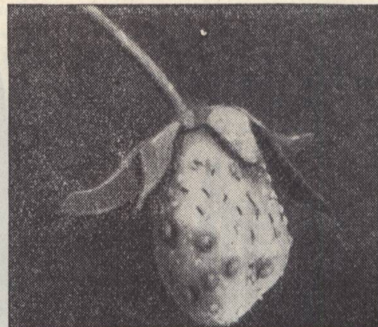
Природа неохотно открывает свои секреты. Надо много труда и упорства, чтобы продвинуться в знаниях даже на воробьиный шаг. И надо сказать к чести моих практиканток: у них оказалось одно из очень важных для ученого качеств — терпение.

Шестьсот растений на участке. Нужно определить, какие из них лучше всего цветут и лучше завязывают семена. День за днем девочки пересчитывали у всех растений цветоносы и цветы. Начав с работы мотыжкой, они кончили почти ювелирной работой: подсчетом урожайности семян. Надо было сорвать с каждого растения первый и второй цветок или ягоду и, отделяя иглой одно за другим развивающиеся семена, сосчитать

На верхнем снимке показано, как выщипывают пыльники из цветков и собирают их в бюксы. Когда они высохнут, лопнут и из них высыплется пыльца, можно проводить опыление цветков, у которых удалены пыльники (смотри нижний снимок).

У таких симпатичных и вкусных родителей — такое неказистое дитя. Но зато...

их, а затем пересчитать все пестики. И вот за этим невеселым занятием школьницам впервые открылась настоящая наука. Они пересчитали десятки тысяч семян и пришли к простому, но, может быть, важному выводу: на второй, меньшей «ягоде» процент завязывания семян больше, чем на первой, крупной. Это было маленькое, но настоящее открытие. Правда, я это узнал уже в прошлом году. Но ведь девочки самостоятельно пришли к такому же выводу!

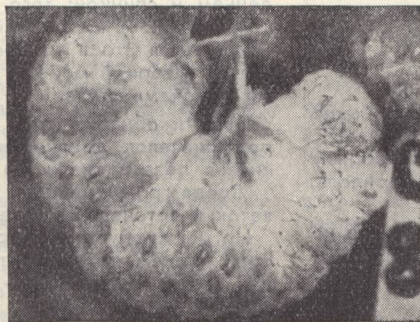
Мы занимались скрещиванием земляники разных видов. На первый взгляд это просто: нанес на цветок пыльцу другого вида и жди урожая. А на самом деле это сложная и кропотливая работа. Надо вовремя удалить из цветка тычинки; если сделать это слишком рано, может засохнуть цветок, а если чуть-чуть опоздать, пыльники лопнут, и цветок опылится своей пыльцой. Опыленные цветки надо закрыть пергаментным или ватным колпачком-изолятором. Затем надо вовремя собрать для опыления пыльцу: вынуть пыльники из бутонов растения-опылителя и высушить их в бюксах (баночки с притертыми крышками). Затем надо снять с соцветия изолятор, быстро нанести на цветки пыльцу и снова надеть на них колпачки. После этого половина опыленных цветков оставляется для получения гибридов, а у другой половины подсчитываются пестики и завязавшиеся семена. Скучная работа, не правда ли? Но зато какие результаты!

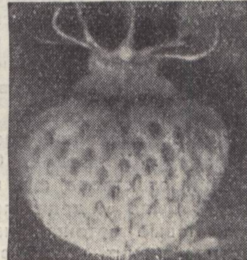
Виды скрещиваются с трудом, и семян у них завязывается мало. Но зато потомство гибридов поражает своим разнообразием. Это разнообразие используют селекционеры.

За время практики пионерки успели только провести опыление и исследовать цветение на участке. Но это было очень важно. Девочки приобрели полезные навыки и по-настоящему помогли мне. Из семян, которые мы получим через год, вырастет гораздо больше новых разновидностей земляники, чем вы видите на этих снимках. А главное...

Может быть, для моих помощниц на этом дело и кончится. А может быть, когда-нибудь к нам в институт придут молодые ученые — наши старые знакомые: Наташа и Таня Смирновы и Таня Зак. Придут и скажут:

— Здравствуйте. Мы к вам.

из его семян вырастет огромное множество различных форм. Только малая часть из них показана на этих фотографиях.

Эдуард ШИМ

Рисунки Е. Кршижановского.

ИСТОРИЯ О ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОМ ДРЕВЕ И О НОВОМ СТУЛЕ

ДЕРЕВО, РАСТУЩЕЕ НА БУМАГЕ

Я помню, как было: едва навострился работать, только-только привык инструменты правильно держать, как захотелось мне делать вещи самому.

Да не по чертежам и образцам, а свои собственные, самолично выдуманные.

«Эх,— мечтаю,— взять бы да сделать какой-нибудь стул!.. Этакий необыкновенный, невиданный».

Думал, это просто. Строгать могу, отделывать умею, породы дерева различаю. Выдумка у меня, говорят, есть. Чего же еще?

А еще, оказалось, надо...

Впрочем, коротко не расскажешь о том, что «еще надо». Многое, очень многое надо.

На старинных рисунках можно встретить необыкновенное дерево, или, как прежде говорилось, древо.

Его никто не видел растущим в лесах. Из него не сделаешь шкафа и табуретки. Даже на дрова распилить его невозможно: в жизни древо не существует, а попадается только в книгах.

Называют его генеалогическим.

В переводе «генеалогия» означает родословную науку. И генеалогические древа были нужны для того, чтобы отмечать историю какой-нибудь семьи знатного происхождения.

«Взращивалось» древо таким образом.

Отыскивали самого старого родича, например прадеда. Рисовали древесный ствол, надписывали: «Прадед». У прадеда был отпрыск; рисовали отходящий от ствола сук и надписывали: «Дед». Двое детей было у деда, поэтому от сука протягивали две новые веточки, надписывали: «Отцы». У отцов дети,— значит, новые веточки; у детей внуки — еще веточки.

Так и росло древо, наглядно показывая происхождение каждого сородича...

Я бы не стал рассказывать тебе об этой давно отжившей науке, если бы сам не нарисовал однажды генеалогическое древо. Нет-нет, я не собирался хвастаться знатностью своего рода, и не свое семейство я изобразил при помощи веточек и сучков.

Нарисовал я генеалогическое древо... обыкновенного стула. Того самого, с четырьмя ножками, сиденьем и спинкой; того самого, что стоит в любой комнате, любой столовой, любой читальне.

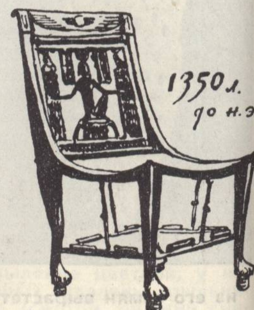
Сделал я это в то время, когда начал интересоваться историей мебели и познакомился с кое-какими предками стула.

Предки обнаружились прелюбопытные, да и весь род оказался древнейшим, знаменитым. Короли и князья позавидовали бы такому роду!

Древо громаднейшее. У него сотни сучьев, тысячи веток и веточек. Запутаешься, счет потеряешь!

Но мы пропустим мелочь и даже середняк пропустим, станем задерживаться только на самых больших, самых заметных ветвях.

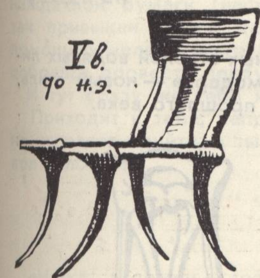
Вот один из первых известных нам стульев. Сделан он, вероятно, из твердой и лоснистой нильской акации. Посмотри, какой странный... У него круглые, суживающиеся книзу ножки, резная спинка, вогнутое сиденье, покрытое плетеной циновкой. Ножки украшены золотыми и серебряными пластинами с цветной эмалью.

Украшения-то дорогие, а само дерево обработано не очень гладко: видны полосы, ямки, следы инструмента... Еще бы! Древнеегипетский мастер не пользовался рубанками. Он работал топором, двуручной пилой, дырки сверлил смешным лучковым сверлом, а строгал древесину грубым и тяжелым теслом. После тесла для гладкости приходилось древесину шлифовать камнями.

Правда, художник нарисовал не самый первый стул.. Стул больше пятидесяти веков тому назад появился на белый свет.

Этот стул сработан греческим мастером веков этак двадцать пять назад... Тоже не менее странный! Смотри, ножки его словно бы разъехались в стороны под тяжестью сидевшего человека. Они тонки, изящны. Украшений на стуле почти нет, а все деревянные части скреплены металлическими скобами. Очень удобная спинка, видно, приваливаться к ней приятно. Вообще греческий мастер заботился о пропорциях: погляди, как все части стула ловко и красиво подходят друг к дружке.

V в. до н.э.

Советую запомнить, как выглядит греческий стул, скоро ты поймешь, зачем это.

А этот сделан в могучем и пышном древнем Риме, и отпечаток пышности виден везде: и в формах и в отделке.

Ножки уже не просто деревянные палки, а львиные лапищи. Спинка величественная, как у трона, и чем только не изукрашена: тут и золото, и бронза, и эмаль, и даже куски разноцветного фаянса... На таком стуле не посидишь, вольно и свободно раскинувшись, в нем можно сидеть только выпрямившись, в торжественной, картинной позе!

I в. н.э.

Запомни и этот стул, о нем еще придется поговорить.

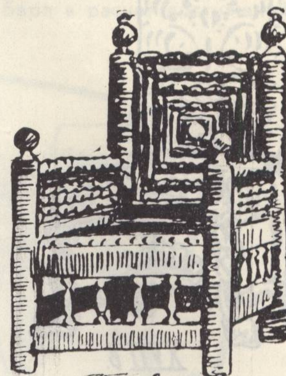
Вот неожиданность, правда? Вместо четырехногого стула — здоровенный сундук...

Ошибка? Нет, все правильно. Мы с тобой в двенадцатом веке, когда царствовал романский стиль. Домашней мебелью был тогда сундук. На нем спали, как на кровати. На нем обедали, как на столе. На низких сундуках сидели, как на стульях. Поставленный на попа, сундук заменял платяной шкаф.

...Они были просты и грубоваты, эти сундуки. Плотник да кузнец трудились над ними, и ярко раскрашенные полосы железа, скреплявшие древесину, служили нехитрым украшением.

XII в.

Спустя один-два века появились и настоящие стулья романского стиля. Но и они были нехитры. Давай-ка поищем на соседних веточках... Ага! Видишь? Вот он какой, этот стул, весь сделан из круглых точеных палок, ярко и пестро раскрашенных. Больше никаких финтифлюшек, все просто и крепко, как гвоздь.

XIII в

Удивительно глядеть на эту простоту после римской пышности... Но пора дальше.

А здесь наглядный пример того, как можно соединить, казалось бы, совсем несоединимые вещи... Полюбуйся на нижний стул! В нем есть легкость и стройность. И, однако же, вместе с тем в стуле под сиденьем сохранился знакомый нам романский сундук.

Стул этот сделан из темного крепчайшего дуба и покрыт прекрасной резьбой. Такую мебель начали делать примерно шесть-семь веков назад. Называлась она готической.

Готика — очень известный, распространенный стиль. Наверное, ты слышал о нем и по остроконечным башенкам, по стремительным, тонким колоннам, по стрельчатым аркам умеешь узнавать соборы, дома, дворцы, замки, построенные в готическом стиле.

XV в

Взгляни на следующую страницу. Новый стул перед нами, но у него знакомые львиные лапы вместо ножек! Неужели снова римская мебель?

Нет, это совсем другое время и другой стиль. Правда, он похож на древнеримский, и многие формы взяты у старинных римских мастеров. Но все-таки есть и различия.

Примерно пять веков назад производились многочисленные раскопки, во время которых нашли много вещей древних греков и римлян. Вещи эти, как говорится, пришлись впору: мебельные мастера стали делать что-то похожее.

Оттого новый стиль был назван «возрождением». Под руками новых мастеров возрождались давно забытые, ушедшие в прошлое вещи.

Но мастера не копировали старину точь-в-точь. Ведь у них за плечами был свой опыт. С римской пышностью они соединили романскую яркость красок, готическую легкость и стройность. Мастера умели делать мозаику из разноцветных кусочков дерева, научились вставлять плитки мрамора, черепаховые пластинки, перламутр... Они работали гораздо хитрее своих предшественников. И видишь, как стул изменился, хотя и встал опять на львиные лапы!

Мастера почувствовали свою власть над деревом.

Появились у них ловкие инструменты, крепкие клеи, заморские краски и лаки. И погляди-ка, что мастера стали выделывать! В этом стуле нет ни одной прямой линии. Дерево изогнуто, закручено, перевито, словно его мяли, как пластилин. Тонкие гирлянды и кружевца вырезаны из дерева, а между ножками стула посажена целая деревянная ваза с цветами и листьями...

XVII в.

«Барокко» — вот как называется этот завитушечный, вычурный стиль. Появился он в XVII веке.

Стул привстал на тоненькие копытца и словно бы стряхнул с себя излишки украшений — веночки и гирлянды.

Но искривленность линий, плавные закругления, ажурная резьба остались. По-прежнему не видать ни соединений, ни стыков и даже самого дерева не видно: сплошная позолота скрыла рисунок древесины, и трудно разобрать, из какого материала сделан изящный, как будто пританцовывающий стулец...

середина XVIII в.

Это «рококо», появившийся в XVIII веке.

Опять что-то знакомое... Греция? Ну, конечно! История повторяется: на смену пышности вновь приходит простота. Спокойные линии, прямые углы, привычные классические украшения: крылатые животные, факелы, музыкальные инструменты... Мастера опять вернулись к старым, классическим формам, и этот стиль был назван «классицизмом».

Но ты уже знаешь теперь, что возврат к старому — это не обязательно копирование старого. Греческие мастера, например, никогда не показывали рисунок древесины. А у мастеров классицизма дерево покрыто прозрачным лаком, ясно видны красивые волокна...

Русские столяры XVIII века делали прекрасную мебель в стиле классицизма. Ее можно увидеть во многих музеях.

вторая половина XVIII в.

А что дальше?..

К простоте классиков прибавилась торжественность, парадность. Да еще какая! Погляди на этот стул: чем не гвардеец? Красное лакированное дерево, зеленое сукно, бронзовые позументы... И украшения под стать: военное оружие, латы, шлемы, летящая богиня победы. По стойке «смирно» застыл гвардеец-стул, и кажется, вот-вот откозыряет.

Называют этот парадный стиль «ампир».

нач. XIX в.

Теперь нам уже недалеко и до вершины генеалогического древа. Показались последние ветки.

Будь осторожен: здесь веточки тонкие и переплетенные меж собою. Вот, что за стульчик стоит? Опять изогнутые линии, но какие-то судорожные, нарочито сложные. Украшения в виде длинных стеблей водяных лилий... Это так называемый «модерн» — новый стиль, появившийся в самом конце прошлого века.

А вот стул, в котором странным образом соединились приметы многих разных стилей. «Эклектика»,—скажут, взглянув на него, специалисты. Слово это обозначает смешение, смесь разных стилей.

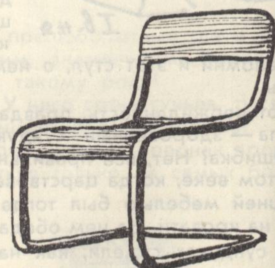
Там немало странных стульев: построенный из цилиндров и прямоугольников; стул, свинченный из железных трубок и фанеры.

Вот совсем диковинный: на тоненьких ножках широкое сиденье, как покосившийся цветок...

Новые и новые формы стульев, иногда слишком сложные, вычурные, иногда, наоборот, чересчур уж простецкие. Их здесь, оказывается, порядочно!

И где-то среди этих пестрых недавних стилей, порой даже не имеющих названия, находится последний, современный стиль.

Он-то нас должен интересовать особенно. Ведь если делать мебель, то уж, конечно, не в подражание старинной. Необходимо что-то новое, современное, близкое нам.

Давай посмотрим на нынешний образцовый стул, который сейчас слывет самым лучшим и удобным.

Искать его надо, разумеется, на самой верхней, самой молоденькой веточке генеалогического древа... Вот она, веточка, в наших руках.

Но что это?

Ветка пуста. Стула на ней нет.

ИЩЕМ СОВРЕМЕННЫЙ СТУЛ

Мне пришлось около года работать в конструкторском бюро. Познакомился я с трудом чертежников, техников, инженеров, но самое любопытное — узнал кое-что о поисках современного стиля в мебели.

Хочется, чтоб ты представил себе эти поиски.

Вот, к примеру, получили мы с тобой задание от мебельной фабрики: спроектировать новый образец стула. Конечно же, в нынешнем, современном стиле.

Ты уселся за чертежный стол. Белый лист ватмана приколот к рябой от кнопочных дырочек чертежной доске. Заточил ты острие карандаша на кусочке наждачной бумаги (настоящие чертежники именно так привыкли точить карандаши — не бритвой, а с помощью мелкой шкурки, это быстрей и удобней) и собрался провести первую линию.

И тут сразу же тебе начинают диктовать условия.

Приходит к тебе, например... Нет, нет. Еще никто не успевает прийти, а ты уже сам ставишь себе первое условие.

1

«Ну-ка, вспомни,— говоришь ты себе,— генеалогическое древо! Сколько на нем всяческих стилей! И ведь там еще не все нарисованы. Их гораздо больше! На самом-то деле каждый стиль разделяется на отдельные течения: имеется несколько готик, есть непохожие друг на друга рококо и ампиры... Стили заметно менялись, переходя из страны в страну. Итальянское барокко не похоже на французское барокко, а русский классицизм не похож на французский».

Затем, кроме этого множества стилей, есть и прекрасное народное искусство. Какие замечательные мастера! А умельцы Китая, Вьетнама, Индии!.. Славные, удивительные их работы можно видеть на выставках и в музеях.

«Тысячи мастеров,— говоришь ты себе,— на протяжении тысяч лет создавали и совершенствовали мебель. А ты хочешь изобрести что-то, не познакомясь хотя бы мало-мальски с прошлыми достижениями...

Нет, брат, так нельзя...

Садись-ка да изучай работы своих предшественников. У них можно отыскать немало ценного и полезного».

Не успеваешь ты сам себе поставить это первое условие, как приходит к тебе сразу несколько ученых. Тут химики, и станкостроители, и физики, и экономисты.

— Говорят, вы новую мебель проектируете?

— Да, собираюсь.

— Имейте в виду одно условие...

2

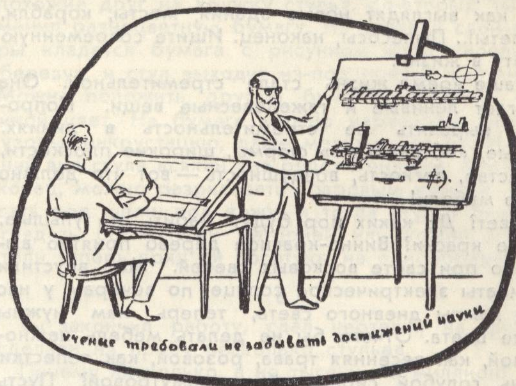
— Вы должны учесть,— заявляют ученые,— последние достижения науки.

У нас созданы отличнейшие станки и машины. Например, есть станки, превращающие опилки и стружку в прекрасные крепкие плиты. Есть станки для полирования. Есть автоматические линии, где без участия человеческих рук бревно превращается в шкаф или тумбочку...

За последние годы появились изумительные, невиданные прежде материалы. Мы дали мебельщикам клеи, не боящиеся воды и гнили, мы разработали составы дешевых и красивых лаков, у нас есть прочнейшие краски...

Наконец, изменилась и сама технология — приемы и способы работы. Мы теперь можем ускорить и улучшить многие виды работ.

И когда ученые выкладывают тебе все это, ты задумываешься. Действительно, как же это ты собрался проектировать, не беря в расчет достижений науки?

Глупо же оставлять новые, более совершенные станки без работы и загружать старое оборудование. Глупо красить мебель старинным бейцем, когда имеются новейшие красители и лаки.

«Нет, брат,— говоришь ты себе,— так не годится. Надо изучить все новинки науки и техники, а потом уже браться за карандаш...»

Ученые от тебя ушли, но сразу же появляется следующий гость, художник.

— Вы проектируете новую мебель?

— Да.

— Я хотел бы напомнить вам об одном непременном условии.

3

— О каком условии?

— О красоте! — отвечает художник.

— Простите, но, честное слово, не стоило напоминать. Кто же конструирует мебель, не заботясь о ее красоте?! Это...

— Я говорю не о красоте вообще! — сердито перебивает художник.— Я имею в виду современную красоту... Объяснить? Хорошо.

В начале прошлого века делали очень красивые кареты. Но теперешний автомобиль выглядит иначе,

не правда ли? Никому не взбредет в голову придавать «Чайке» форму старинного экипажа. Так?

— Разумеется.

— Так почему же ваши стулья почти не отличаются от стульев прошлого века?! Вы летаете на реактивных самолетах, смотрите цветное телевидение, готовитесь к прогулкам по Луне и в это же самое время делаете стулья времен крепостного права...

— Хорошо, что вы предлагаете?

— Я предлагаю вам оглядеться вокруг. Посмотрите, как выглядят новые здания, мосты, корабли, самолеты!.. Пылесосы, наконец. Ищите современную красоту в жизни.

В наше время жизнь стала стремительной. Она отвергает ленивые и тяжеловесные вещи. Попробуйте выразить ее стремительность в линиях. Плавные, «обтекаемые» формы, широкие плоскости, изящество, легкость, воздушность — вот что должно быть в мебели!

А цвет? До каких пор будут царить эти унылые, темные краски? Винно-красное дерево приятно выглядело при свете восковых свечей. Мы впустили в комнаты электрическое солнце, по вечерам у нас горят лампы дневного света, теперь нам нужны другие цвета. Отчего бы не делать мебель нежно-зеленой, как весенняя трава, розовой, как лепестки яблонь, голубой, сиреневой, перламутровой? Пусть играют веселые, светлые и радостные краски!

Ты слушаешь художника и опять думаешь: «А ведь, пожалуй, он прав! Не всякая красота нужна, а именно современная, и ты должен отыскать ее, прочувствовать, а потом уже пробовать выражать...»

Тотчас после художника является новый гость, архитектор.

— Хочу вам поставить одно условие.

4

— О красоте будете говорить?

— Нет, мне хотелось бы сказать об удобстве,— улыбается архитектор.— Понимаете, мы однажды измерили, сколько места занимает в квартирах обычная мебель — все эти комоды, шкафы, диваны, кровати. И оказалось, больше половины всей площади! Получается, что вещам надо больше места, чем их хозяину. Вместо того, чтобы помогать человеку, вещи мешают ему. Они отнимают простор, воздух, свет... Абсурд какой-то!

Вот я и хотел попросить вас: давайте изменим это положение. К чему, например, ставить в комнатах громадные кровати? Постель человеку нужна только восемь часов в сутки, а остальные шестнадцать часов она зря занимает место и только мешает. По-моему, надо обязательно делать комбинированные кровати. Ночью они служат постелями, а днем превращаются в удобные кресла или диванчики.

Точно так и с письменными столами. Для большинства людей эти столы на слоновых тумбах нужны только изредка, ведь квартира не канцелярия. Сделайте у книжного шкафчика откидную доску, и она вполне заменит письменный стол.

А почему бы нам не избавиться от неуклюжих шкафов и комодов? Давайте вдвинем их в стены, пускай они служат и перегородками и хранилищами для одежды и утвари..

Поймите, пожалуйста, мое предложение очень важное. Сейчас мы много строим, каждой семье мы хотим дать удобную и просторную квартиру. А вы, мебельщики, мешаете нам.

— То есть как мешаем?

— А вот рассудите сами. Возведен прекрасный новый дом. И люди живут только в одной его половине, а вторую половину заняла ваша старомодная мебель... Разве не вы в этом виноваты?..

До прихода архитектора ты как-то не задумывался над тем, сколько места отнимают у нас шкафы и кровати. А тут начинаешь быстренько соображать: да, правильно, это настоящее безобразие — половину нового дома отдавать во владение вещам!

— Послушайте, вы проектируете мебель? Должен вам поставить свое условие.

Ты поднимаешь голову и видишь нового посетителя, директора мебельной фабрики.

5

— Вы знаете, какой сейчас спрос на мебель? — заявляет директор.— Сотни тысяч людей хотят купить миллионы стульев. Нашей фабрике все время увеличивают задание, мы стараемся делать все

больше и больше, а вот вы нам поперек дороги встаете!

— Как, и вам я мешаю?!

— Еще бы! Вы, проектировщики, страшно вредный народ, воюешь с вами без передышки. Вот захотелось вам украсить какой-нибудь стул, вы на нем запроектировали резьбу, этакую завитушечку... Казалось бы, чем плохо? Но ведь эту вашу завитушечку надо вручную резать, стамеской, а попробуйте-ка вручную миллион завитушек наковырять. Сколько надо рабочих рук, сколько времени зря уйдет, на сколько подорожает каждый стул... А все из-за пустячка!

— Хорошо, выдумаю стул без завитушек.

— Красоту навести, любезный мой, еще полдела. Надобно так спроектировать вещь, чтобы нам, рабочим людям, изготовлять ее было удобно, выгодно, просто.

Директор еще не договорил до конца, как из-за его спины раздаются новые голоса:

— Послушайте, послушайте! И у нас есть свое условие!

— А вы кто?

— А мы покупатели.

6

— Здесь про миллион стульев было сказано,— обращаются к тебе покупатели.— Это, конечно, хорошо: исчезнут очереди и в мебельных магазинах. Но имейте в виду: нельзя выпускать миллион одинаковых стульев! Мы их тогда и брать не станем.

— Это почему же?

— Потому, что мы, покупатели, люди разные. У нас непохожие вкусы, непохожие запросы. Ведь мы же не гуляем по улицам в одинаковых шляпах и одинаковых пальто! И нам вовсе не хочется сидеть на одинаковых стульях... Нам хочется поставить разные стулья! Вот какое у нас условие, и вы должны его выполнить. Разве мы не правы?

— Ох,— отвечаешь ты,— наверно, правы! Действительно, надо бы выпускать стулья на любой вкус. Ну что ж, попробую учесть.

7

И ты учитываешь все эти условия, когда наконец садишься опять за чертежную доску и начинаешь вырисовывать свой стул.

Ты старательно изучал работы старых мастеров и действительно смог перенять кое-какие полезные вещи. Например, ты взял самые удобные размеры и пропорции.

Ты постарался теперь не забывать о достижениях науки и техники. Твой стул не надо собирать, как прежние, из двух десятков палочек и брусков. Он штампуется из фанеры. Пачка тонких фанерных листов, промазанных новым клеем, в несколько минут затвердевает под прессом и выходит на свет уже гладкой, блестящей...

Ты придал стулу плавные, обтекаемые формы. Тонкие, суживающиеся книзу ножки подчеркивают легкость, воздушность. Теперь, наверное, малая толика современной красоты найдена.

Затем ты подумал про удобства. Ты решил скомбинировать так, чтобы один твой стул плотно входил в другой, словно в футляр. Стоят у хозяйки четыре стула, понадобилось — они превращаются в восемь. Разве не заманчиво?

Ты выполнил и еще одну задачу: твой стул не требует кропотливого ручного труда. Изготовлять его можно от начала и до конца на машинах, это выгодно.

И в довершение всего ты раскусил последнюю загадку: как выпустить тысячи новых стульев, отличающихся друг от друга по виду. Во-первых, ты придумал отдельно штамповать несколько различных сидений и несколько пар ножек. Из них, словно из деталей детского конструктора, можно свинтить непохожие друг на дружку стулья. Во-вторых, ты применил разноцветную бумагу. На верхний слой фанеры кладется бумага с рисунком «под карельскую березу», и стул выходит из-под пресса желтеньким. Можно положить другую бумагу — у стула будет иной цвет. На бумаге можно нарисовать тисненые узоры, инкрустацию, даже мелкую резьбу. И внешний вид стула всякий раз будет меняться. Бумагу, наконец, можно разрисовать ковровым узором, расписать под шелк, под кожу, и тогда стулья будут выглядеть обтянутыми материей или кожей. Покупатели теперь вряд ли посетуют на однообразие.

8

Ты закончил работу, сдал чертежи, на фабрике сделали на пробу несколько стульев.

Почему несколько, а не тысячу, не миллион?

Нельзя. Надо стульям еще пройти самую главную, самую строгую проверку.

Их привезли на выставку новой мебели и расставили на всеобщее обозрение рядом с другими образцами.

Есть на выставке книга отзывов. Каждый посетитель может записать в нее оценку твоих стульев.

Проходят дни, и страницы книги заполняются отзывами. Пишут и рабочие, и домохозяйки, и новоселы-целинники, и колхозники, и мастера-мебельщики из других городов.

«Почему на стульях торчат головки металлических винтов? Лучше бы их убрать...»

«Прорезь на спинках некрасива, груба...»

«Ножки сделаны не очень удачно. На концах они будут расщепляться, когда стул двинешь по полу...»

День за днем проходит, прибавляется совет за советом. И все дельные, все правильные! Впрямь некрасивы торчащие головки винтов, и спинки с ножками следует изменить, и еще многое, очень многое придется доделывать, чтоб твой стул в конце концов понравился людям.

Нынче народ требовательный!

И ты опять садишься за работу...

Я рассказал тебе далеко не все о поисках современного стула. В жизни они еще трудней и длительней.

Но и так, надеюсь, тебе понятно: с маху даже табуретки дельной не выдумаешь, не только стула. Опять, как и везде, в нашем ремесле нужны знания, опыт, упорство.

Не подумай, что я пугаю тебя и не советую выдумывать новинок. Очень славно, если появится у тебя тяга к поискам; очень хорошо, если захочется тебе сделать что-то свое, особенное.

Все настоящие рабочие у нас выдумщики, изобретатели.

Но только выдумывают-то они всерьез: с грудой учебников на столе, засучив рукава, не жалеючи сил и времени...

Если начнешь выдумывать так же, очень может случиться, что именно твой стул появится на последней верхней веточке генеалогического почетного древа.

СВЕТЛЫЕ СИЛЫ

Когда у человека светлеет на сердце, ему хочется петь. Так же и с народом: едва очнется он от долгого оцепенения и впереди забрезжит хоть малая надежда на лучшую жизнь, в стране расцветает искусство. И не надуманное, не комнатное, нет, боевое, горячее искусство, крепко связанное с жизнью.

Временем такого подъема в прошлом столетии у нас, в России, были шестидесятые годы. В эти годы засверкали, заискрились новые имена: в поэзии — Некрасов, в живописи — художники-передвижники, в музыке — молодые композиторы, целая группа, которую сначала в шутку, а потом всерьез называли «могучей кучкой».

Прочитайте книги Осипа Черного «Мусоргский» и «Римский-Корсаков», в них рассказывается о «могучей кучке». Из этих интересных повестей вы узнаете, что объединило группу молодых талантливых композиторов, произведения которых вы с радостью слушаете и теперь.

В годы юности Мусоргского, Римского-Корсакова, Бородина на русской сцене шли одни иностранные оперы. Отец русской музыки Глинка был в забвении, «Русалка» Даргомыжского не имела успеха... Чиновники, управляющие театрами, и аристократическая публика презирали «лапотную», народную музыку...

К ней, сокровищнице народного творчества, и обратились молодые композиторы. Гнев и радость народа выразил Мусоргский в гениальном «Борисе Годунове», а затем в «Хованщине». Русские мотивы во всей их прелести звучат в «Снегурочке» и других прекрасных операх Римского-Корсакова.

Каждое новое произведение этих музыкантов, искателей новых путей, давало бой старым, казенным взглядам на искусство и с трудом пробивалось в театр, на сцену. Боевым духом веяло от статей вдохновителя «могучей кучки» критика Владимира Стасова... И вскоре для революционно настроенной молодежи творчество «могучей кучки» стало знаменем всего светлого, передового, знаменем борьбы...

Как несхожи друг с другом характеры Модеста Мусоргского и Николая Римского-Корсакова! Мусоргский — весь необузданность и порыв. Дни подъема сменялись для него полосами уныния, неудачи преследовали его, горькой и одинокой была смерть... А для неутомимого труженика Римского-Корсакова жить значило работать. Ему удалось дожить до всеобщего признания, но и его жизненный путь был нелегким... За боем бой вела «могучая кучка» композиторов, но в этих боях их поддерживала дружба и горячая вера в светлые силы — народ и его музыку.

Мусоргский и Римский-Корсаков.

Ю. Совицкая

ДЕТСКАЯ КНИЖКА В ГОСПИТАЛЕ

Было это во время войны. Мы, школьники средних классов, ходили читать в госпиталь к раненым. И вот однажды один офицер из моей палаты достал из тумбочки небольшую книжку, заботливо одетую в целлофан, и попросил меня прочитать ее вслух.

Она оказалась книжкой о детстве. О детстве веселого, неунывающего Семы, о нищем еврейском местечке и о тех, кто совершал революцию, отдавая за нее свою жизнь.

И хотя это была детская книжка (я сама не решилась бы принести ее взрослым людям), вся палата слушала ее так заинтересованно, что даже никто не стонал.

Больше всего нравился Сема Гольдин, сын революционера-политкаторжанина, воспитывавшийся у дедушки и бабушки, совсем нищих стариков.

С первой страницы сочувствуешь этому симпатичному мальчишке, любопытному, прямому, остроумному. Но переживания и поступки этого выдумщика и остряка вызывали у нас не только улыбку. Незаметно мы начинали испытывать к Семе настоящее уважение.

Вот он отказывается плевать по приказу учителя на своего товарища (было такое идиотское наказание в его школе), его исключают, но он не смирился; вот Сема помогает революционерам, друзьям отца, расклеивать листовки; вот, когда дедушка сошел с ума после побоев в полиции, Сема идет работать, чтобы прокормить своих стариков; вот он бросился с топором на гайдамаков, начавших издеваться над его близкими...

И ведь главное, что ни при каких лишениях, опасностях этот мальчишка не смиряется, не уступает, не может бессловесно выносить

унижения человеческого достоинства.

Особенно интересно мне было читать вторую часть книги — приход революции в местечко, сделавшей жизнь молодежи удивительной и необыкновенной. Мы все невольно радовались вместе с героями повести, вместе с ними начинали новую жизнь, распрямляли спины, учились свободе, вместе с ними мечтали срочно узнать, когда откроется фабрика в местечке и когда во всем мире победят красные...

Только последние страницы дались мне трудно. Я очень боялась разреветься, когда читала, как Сема поехал к отцу-комиссару и узнал о его гибели:

«Ветер шевелил тоненькую дощечку на отцовской могиле, и капли дождя робко стучали по ней, словно боясь потревожить сон. А кругом была тишина, и старые забытые могилы смотрели на Сему... Он встал, застегнул кожанку и вытер холодным рукавом куртки мокрые покрасневшие глаза. Надо было идти: впереди лежал трудный и опасный путь...»

Я чувствовала слезы на своем лице и поэтому долго не решалась поднять голову. Но потом послышалось нервное покашливание, и, посмотрев на раненых, я увидела, что не одна я взволнована. А хозяин книжки неожиданно сказал:

— Да, так он и сам погиб...

Все повернулись к нему.

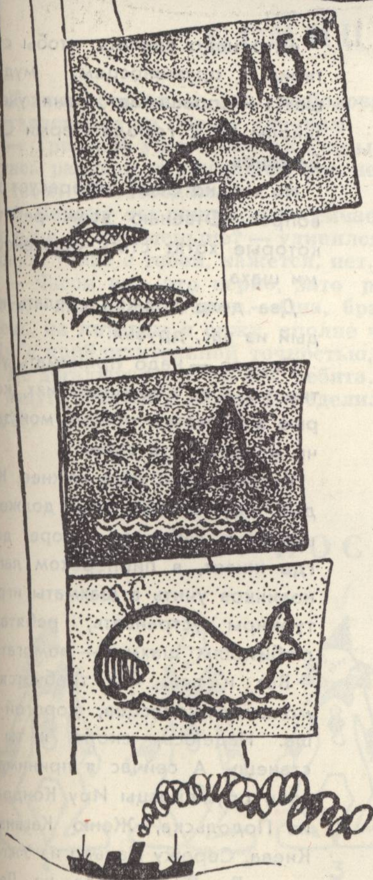
— Я не про Сему. Сам Михаил Штительман погиб также в сорок первом. Мы вместе были под Вязьмой. Эту книжку он мне подарил незадолго до смерти...

Все это вспомнилось мне, когда я увидела на полках книжных магазинов и библиотек новое издание **«Повести о детстве» Михаила Штительмана.**

Л. Исарова

ПУТЕШЕСТВИЕ НА „МОРЕВИЗОРЕ"

Я живу в городе. В Москве. Далеко от моря. Но я на Черном бывал. И на Балтийском тоже.

А мой друг пока еще ни на каком не был. Он мне каждый день говорит: «Хочу на море».

Я знаю, с чего это у него началось. Мы с ним смотрели «Голубой континент», а потом — «В мире безмолвия». Замечательные фильмы! Как люди путешествуют под водой в маске, с аквалангами и ластами и видят такие чудеса, что дух захватывает!

После этих картин я подумал: вот я на море бывал, а моря-то не видал. Разве что его поверхность.

И с тех пор все мечтаю нырнуть с открытыми глазами, как в «Голубом континенте», под воду, пройтись по морскому дну, потрогать живые кораллы своими руками, встретить акулу. Ни одной книжки не пропускаю, где про такое рассказано.

А на днях читал книгу писательницы Н. Надеждиной «Моревизор» уходит в плавание, или Путешествие вглубь океана и пяти морей экипажа загадочного корабля М-5а». Представляете, как я ухватился за эту книгу? В глубь океана и пяти морей! На загадочном корабле!

Эх, попасть бы мне в такой экипаж, как на М-5а, или попутешествовать вместе с ним! Члены экипажа столько видели и столько знают! Им, к примеру, известно, что губка, которой мы моемся, была когда-то для римского солдата как бы походной фляжкой — не разобьешь, а губы освежить можно; что на Курильских островах китовые ребра служат воротами при игре в футбол; что в январе 1960 года на батискафе «Триест» Жак Пикар погрузился на 11 500 метров, достигнув дна океана в самом глубоком его месте — Марианской впадине, и еще сотни интересных вещей.

А ответить на вопросы, какое море самое соленое и кто краснеет, увидев обед, какое море самое синее и кто ездит по морю на акуле, для них сущие пустяки.

Я так думаю: экипаж М-5а настоящий. Он для всех как пример. И теперь я снова, еще сильнее хочу с другом уже на своем «Моревизоре» отправиться в путешествие, чтобы тоже увидеть такое, чего люди еще никогда не видели.

Вл. Глоцер

Почти все наши лучшие шахматисты начинали свой спортивный путь с участия в школьных турнирах и соревнованиях в Домах пионеров. Этим путем шел и я. Помню, с каким нетерпением я ждал занятий в шахматном клубе Рижского Дворца пионеров, какими интересными были турниры с участием лучших юных шахматистов Риги.

В ту пору я часто проигрывал, но ведь правильно говорят, что за битого дают двух небитых. Школа этих первых турниров сослужила мне добрую службу. От всей души желаю и вам, ребята, успехов в шахматах, не опускайте руки при неудачах. Верю в то, что и мне придется встретиться с кем-либо из вас в турнире гроссмейстеров.

Таль

ДВЕ ИНТЕРЕСНЫЕ ПОЗИЦИИ

Конечно, ребята, вы внимательно следили за матчем на первенство мира между Михаилом Ботвинником и Михаилом Талем. Многие из вас были болельщиками молодого гроссмейстера М. Таля, одержавшего заслуженную победу и ставшего чемпионом мира.

Разбираете ли вы партии прошедшего матча?

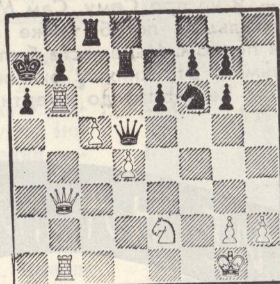
Учтите, что анализ этих партий многое даст вам для овладения шахматным мастерством.

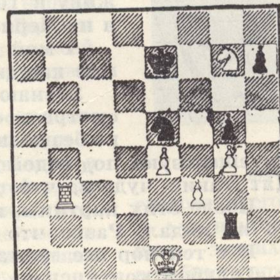
Попробуйте ответить на наши вопросы о двух интересных позициях.

Положения из каких партий матча приведены на следующих диаграммах?

Чей ход в позициях на диаграммах и как закончились эти партии?

Как следовало продолжать черным в позиции на второй диаграмме?

Мастера и гроссмейстеры не редкие гости в шахматном кружке Ленинградского Дворца пионеров. Вот и сегодня ребята сражаются с мастером А. Геллером.

НОВЫЕ ОРУЖЕНОСЦЫ

«Что надо сделать, чтобы стать твоим оруженосцем, мудрый шах?» — спрашивает меня ученик школы № 2 города Перми Саша Баженов.

Не только Сашу интересует этот вопрос. Отвечаю всем ребятам, которые хотят стать оруженосцами шаха.

Два дела должен сделать каждый из вас, друзья.

Первое — надо принимать участие во всех соревнованиях, которые я провожу, решать мои задачи и присылать свои.

Второе дело еще важнее. Каждый оруженосец мой должен в школе у себя, во дворе дома, где живет, в пионерском лагере новичков учить в шахматы играть, турниры устраивать, ребятам — любителям шахмат — помогать.

Вот и все, что требуется от моих оруженосцев, дорогой Саша. Надеюсь, скоро и ты им станешь. А сейчас я принимаю в свои оруженосцы Иру Кондратюк из Подольска, Женю Кагана из Киева, Сережу Панько из Ужгорода и Леву Толмачева из Ленинграда.

ЧАСЫ ДОСУГА

В НОВОЙ КВАРТИРЕ

Семья переезжает в новую квартиру в только что отстроенный дом. Вещи частью уже перевезены, но еще не разобраны, не расставлены по местам.

Рассмотрите их внимательно, обдумайте и скажите названия десяти различных деталей, начинающихся с буквы «К». Детали эти, правда, не видны на рисунке, но они необходимы для каждой данной вещи.

СЕМИЦВЕТНЫЕ ЧАСЫ

Дождь прошел, и два рыболова вернулись к оставленным на берегу удочкам.

— Три часа уже,— сказал старый рыболов, любуясь радугой, опоясавшей все небо.— Пора нам с тобой и пообедать.

— Почему ты решил, что сейчас три часа, а не больше и не меньше? — удивился другой.— Часов-то у нас с тобой, кажется, нет.

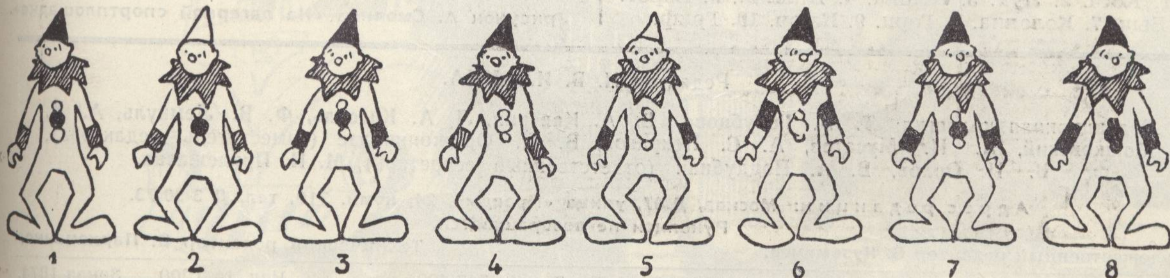
— Часов нет, это верно, зато радуга на небе есть,— возразил старик.— Она, брат, да вот этот пень, на котором я сижу, вполне часы заменяют. Ну, с приблизительной точностью, конечно.

Не догадываетесь ли вы, ребята, как по пеньку и радуге старый рыболов определил, который идет час?

В. Белоусов.

ПОСМОТРИ ВНИМАТЕЛЬНО

Какие два клоуна одеты совершенно одинаково?

(Из французского журнала)

С КАРАНДАШОМ В РУКАХ

В дождливый день вы сможете затеять интересное состязание, не выходя из комнаты и даже не вылезая из-за стола.

Звеньевой позаботится о том, чтобы заранее заготовить несколько листочков с вопросами (по одному на каждого участника состязания) для игры-викторины «Десять слов на одну букву». Например, по такому образцу:

Фамилия играющего: ______ [ ]

1 Город ______
2 Река ______
3 Растение ______
4 Животное (млекопитающее) ______
5 Рыба ______
6 Птица ______
7 Съестной продукт ______
8 Хозяйственный предмет ______
9 Профессия ______
10 Имя (мужское или женское) ______

Ну и, конечно, у каждого должен быть карандаш. Теперь вам остается сообща решить, на какую букву писать слова, заданные в вопроснике. Эту букву впишите в квадрат, находящийся в правом верхнем углу, и начинайте состязание. Оно проводится на скорость. Тот, кто быстрее всех ответит на все вопросы, получает 3 очка; занявший второе место — 2, занявший третье место — 1 очко.

Остальные ничего не получают. Но состязание можно повторить, назначив другую букву и заготовив новые листочки. Может быть, и победители другие объявятся!

ПОМЕЩЕННЫЕ В № 7

Что нужно в походе

1. Котелок. 2. Рюкзак. 3. Кружка. 4. Ложка. 5. Зубная щетка. 6. Зубная паста. 7. Нож перочинный. 8. Фляжка. 9. Сачок. 10. Карандаш. 11. Лупа. 12. Компас. 13. Резинка. 14. Иголка с ниткой. 15. Катушка ниток.

Одинаковые слова

1. Коса. 2. Лук. 3. Кошка. 4. Шашки. 5. Ворот. 6. Бык. 7. Колонна. 8. Горн. 9. Ключ. 10. Гриф.

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе** (заместитель редактора), **В. И. Орлов, В. А. Поддубная** (ответственный секретарь), **М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комн. 710, тел. Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 06407. Подписано к печати 25/VII 1960 г. Тираж 547 400 экз. Изд. № 1200. Заказ 1874.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Металлический лом -

это миллионы тонн стали высших сортов, это миллионы тракторов, комбайнов, автомашин, тепловозов, станков, мотоциклов, мотороллеров, швейных и стиральных машин, велосипедов, холодильников.

Из одной только тонны металлического лома можно изготовить 90 швейных машин, или 10 мотоциклов, или 50 велосипедов.

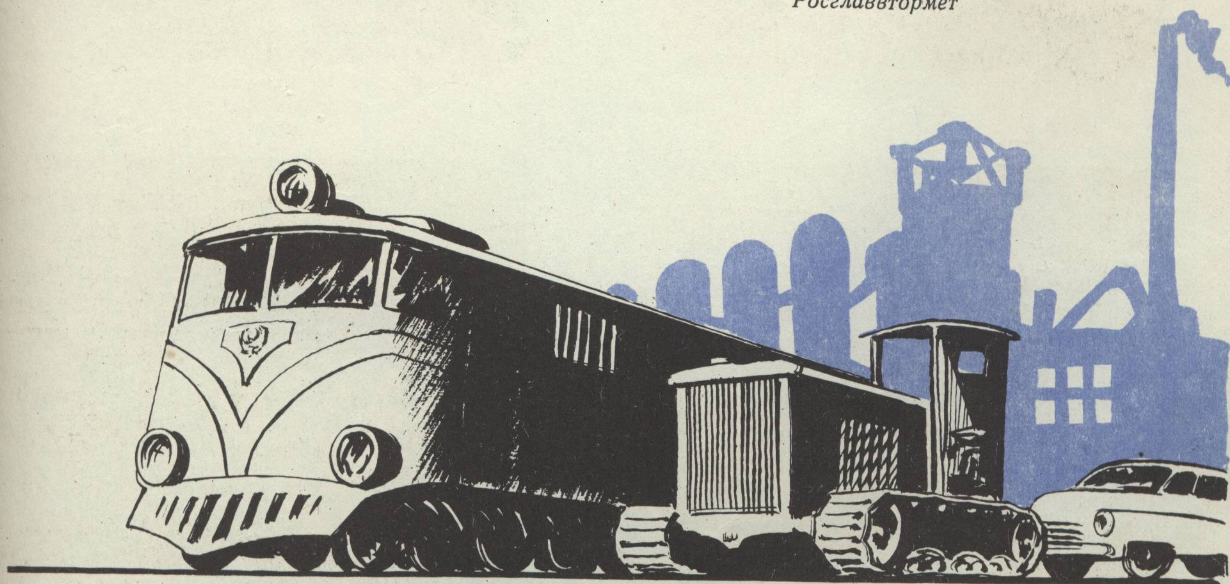
10 тонн металлического лома нужно, чтобы построить три автомашины «ГАЗ-51» или две машины «ЗИС-150».

Уже много пионерских электровозов и тепловозов работает на наших железных дорогах, пионерские тракторы пашут целинные земли. Они сделаны из металлолома, собранного пионерами и школьниками.

А сколько металлического лома собрал ваш отряд, ваша дружина?

ПИОНЕРЫ И ШКОЛЬНИКИ! СОБИРАЙТЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ЛОМ! ОН НУЖЕН НАШЕЙ РОДИНЕ!

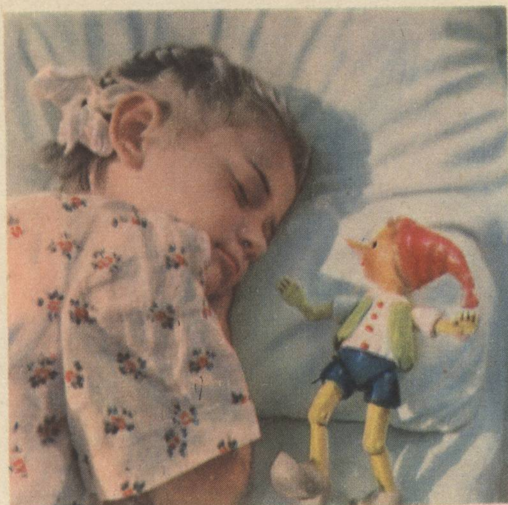
Росглаввтормет

Горяинова Петров

Цена 2 р. 50 к.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУРАТИНО В ЛЕСУ

Наконец уснула Люда...
— Удеру-ка я отсюда!

— Что ты за зверь — не понимаю,
Но все равно тебя поймаю!

Листья, листья до небес...
— В лес дремучий я залез.

А ну отколупни-ка...
— Да это же клубника!

Вот чудеса на тропинке лесной —
Седок деревянный, а конь костяной.

Не просто он качается:
Наукам обучается!

Фоторассказ В. Минкевича. Стихи Я. Акима.